

Ф.Е. Мельников

**КРАТКАЯ
ИСТОРИЯ
ДРЕВЛЕПРАВОСЛАВНОЙ
(СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ)
ЦЕРКВИ**

Федор Евфимьевич Мельников

Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви

Часть третья.

Золотой век старообрядчества

Золотой период

В истории старообрядческой церкви был свой "золотой" век. Весьма кратким он был - каких-нибудь 10-12 лет (1905-1917 гг.)(432), но по своему весьма богатому содержанию, необычайной широте деятельности и напряженности всех сторон церковно-общественной и соборно-иерархической жизни этот период стоит целого столетия и действительно заслуживает названия "золотого", ибо он был на самом деле славным, ярко-блестящим, внутренне насыщенным и глубоко жизненным. Это была целая историческая эпоха - творческая, своеобразно стильная, торжествующая. О ней одной можно написать целые тома(433). Но мы вынуждены ограничиться лишь кратким наброском, затронув в нем, однако, почти все существенные стороны этого периода.

Соборно-иерархическая деятельность

Весь строй и уклад приходской и епархиальной жизни старообрядческой Церкви и соборно-иерархическое управление ее покоятся на церковных канонах: общесоборные начала пронизывают ее насквозь, снизу доверху. Приходы управляются общинно-хоровым порядком: все дела в них решаются общим согласием законных и равноправных членов общины - прихода. Церковные попечители, старосты и все служащие в храме Божиим и сам священник

избираются общим советом и решением всего прихода. Кандидаты в священники или в диаконы рукополагаются или переводятся из одного прихода в другой епископом, по избранию и решению прихода. Сам епископ избирается всей епархией и утверждается Освященным Собором, созываемым ежегодно. Такова краткая схема общинно-иерархического строя Церкви, установленного с апостольского времени^{*434*}.

В гонительные времена этот строй не мог полностью осуществляться, но общее состояние его все же оставалось неизменным. Собирались на общую молитву по избам, где-нибудь на задворках, в заброшенных амбарах, в хлевах и в другом подполье, даже в лесах и за болотами - старообрядцы и в таком положении решали свои церковные дела и нужды сообща, соборно, с общего совета, вот в таких стеснительных обстоятельствах даже еще объединеннее, единоедушнее, как будто единым сердцем и единым духом. Даже в мрачное царствование Николая I епископы избирались народом и соборно утверждались. Но, разумеется, вся епархия не имела возможности принимать участие в выборах епископа, они и происходили в глубокой тайне, как и самое поставление. Не могли и Соборы быть в полном составе - при участии правильно избранных уполномоченных от приходов или епархий, священников и мирян. Соборы созывались преимущественно из одних епископов, которые всегда находились под страхом быть захваченными, арестованными и сосланными; созывались на короткое время и под нелегальной защитой известных лиц... С получением же свободы, именно с 1905 г., Освященные Соборы старообрядческой Церкви стали созываться с разрешения правительства открыто, преимущественно в Москве, на Рогожском Кладбище. Открывались они торжественно, неизменно в праздничный или воскресный день, когда служилась Божественная литургия московским архиепископом в сослужении всех съехавшихся архиепископов и многих десятков священников, прибывших на Собор из самых отдаленных мест необъятной России. Молящихся за таким богослужением бывало тысячами, не только епископы и священники, но и множество уполномоченных мирян от епархий и от приходов; присутствовать же могли и все желающие члены Церкви. Соборные дела решались пред лицом всей Церкви. Только в 1911 г. архиепископ Иоанн созвал Собор без участия уполномоченных от мирян, что вызвало бурю возмущения и негодования во всей Церкви. "Какой же был тогда исход всего дела? Какой другой, - отметим словами преподобного Викентия Лиринского, - кроме общепринятого и обыкновенного. Именно: древность была удержана, а новизна отвергнута"^{*435*}. Тот же Собор постановил: на следующие Соборы избирать от каждой епархии по два священника и по два мирянина, а от Москвы и от Московской епархии - по пять священников и по пять мирян, имея в виду

многонаселенность этой епархии, а также и самой столицы с многочисленными в ней старообрядческими приходами. Кроме того, на соборах участвовали и представители старообрядческих братств.

Соборные заседания тянулись довольно долго: обычно созываемые на десять дней, Соборы иногда и дольше этого времени заседали. Их обсуждению и решению подлежали разнообразные вопросы: об избрании новых епископов, о замещении ими вдовствующих епархий, об учреждении новых епархий; рассмотрение дел по жалобам на епископов и суд над последними, а также суд и над остальными священнослужителями - иереями, диаконами; вопросы пастырские, брачные, богослужебные, требные, уставные и общего церковного благочиния; вопросы воспитания и обучения детей, подготовки учителей, законоучителей и пастырей; вопросы воссоединения и примирения с Церковью старообрядцев других согласий, защиты и укрепления церковной веры и ее основ, вопросы миссионерские, начетнические и многие другие. Вообще все вопросы духовного содержания подлежали Собору. Заседания Соборов разделялись на две категории: закрытые и открытые. На закрытых заседаниях решались вопросы лишь судные, по обвинению духовных лиц в каких-либо проступках и грехах. В этих судебных заседаниях миряне не участвовали, допускались лишь миряне-обвинители и свидетели по делу. Все же остальные вопросы обсуждались и решались публично и при участии всех уполномоченных от епархий.

Постановления и решения Освященных Соборов были обязательны для всех епархий и приходов. Соборы иногда обращались к пастырям и ко всей всероссийской пастве с особыми Посланиями, Наставлениями, Увещеваниями и тому подобными грамотами. Нельзя не отметить наиболее яркие из них, до сих пор не потерявшие своего жизненного значения и силы. Так, Собор 1913 г. обратился ко всем священнослужителям и всем древлеправославным христианам с "Архипастырским наставлением" о взаимоотношениях между мирянами и духовными лицами. В некоторых приходах миряне, председатели общин, руководствуясь лишь правительственными правилами о старообрядческих общинах, не считались с властью священника и даже епископа. Собор разъяснил им, что каноны церковные для Церкви важнее, сильнее и преимущественнее всех гражданских законов и что поэтому и их необходимо соблюдать. Собор приводил ряд канонов, устанавливающих власть епископов во всех церковных делах и вещах. В церкви все должно твориться с благословения епископа или священника: приход - это не гражданское учреждение, не акционерное или торговое общество: здесь все должно быть творимо с молитвою и благословением Божиим, и все должно быть подчинено воле Божией; взаимоотношения должны быть не формальные и бездушные, а сердечные,

смиренно уступчивые, любовно-братские, воистину христианские. "Хранящая бо священные каноны, - цитирует Собор книгу Кормчую, - Владыки и Бога помощи сподобляются; сия же преступающий в конечное осуждение себя влагают. Божественным канонам не сохраняемых, различна преступления бывают, оттого же Божий гнев на нас сходит и многия казни и последний суд"*^{436*}. Собор призывает как архипастырей и пастырей, так и всех христиан к неуклонному хранению и соблюдению церковных канонов, ясно и определенно установивших взаимоотношения между пастырями и паствой.

Тот же Освященный Собор издал "Архипастырское увещание возлюбленным о Христе чадам: священнослужителям, мужам и женам". Как некоторые священнослужители, так, в особенности, миряне начали носить одежду, несвойственную христианам, и в таковой приходили даже в церковь на богослужение. "Вместо обыкновенного, носимого ранее скромного покроя одежды, - замечает Собор о некоторых старообрядческих священниках, - они стали носить одежду с широкими рукавами, разного цвета, выражающую, скорее, вид щегольства, несвойственного скромности лиц духовных". Собор напоминает, что к прекращению сего недуга еще в 1907 г. последовало соборное определение: "Ношение ряс с широкими рукавами как одежды, усвоенной священниками господствующей церкви после Никона, бывшего патриарха, и не имеющей за себя данных ни в канонах, ни в истории древней Церкви, воспретить". Еще более неприличную одежду носят мужчины и женщины. Собор рядом выдержек из святых отцов древней Церкви: Иоанна Златоустого, Григория Богослова, блаженного Иеронима - сильно изобличает как позорность и бесстыдность для истинных христиан носить таковую одежду, так, тем более, и преступность приходить в ней в церковь на молитву перед Богом. Всем пастырям, всем отцам и матерям Собор напомнил слова Господа, сказанные через пророка Софония: "Будет в день жертвы Господня, и отмщу на князя и на вся облаченные в одеяния чуждыя, и отмщу на вся превратная в день той, исполняющая храм Господа Бога своего нечестием и лестию" (Софонии, 1:5, 8 и 9).

Неоднократно Освященные Соборы издавали разного рода определения и увещания и против другого очень распространенного обычая - брадобрития. По определению собора 1911 г., была издана особая брошюра "во врачевание сего недуга". В ней осуждается не только брадобритие, но и ношение мужчинами, в особенности духовными лицами, длинных волос на голове, как у женщин. "Что же хуже и противнее этого, - приводятся слова св. Епифания Кипрского в этой брошюре, - бороду, образ мужа, остригать, а волосы на голове отращивать"*^{437*}. "Если же это воспрещено мирянам вообще, - приводится далее толкование на 96-е правило Шестого Вселенского Собора по греческой Кормчей, - тем более -

клирикам и священным лицам, которые должны поучать народ и словом, и делом, и внешним благочестием"^{*438*}. Еще Апостол Павел писал: "Не сама ли природа учит нас, что если муж растит волосы, то это бесчестие для него" (1 Коринф., 11:14; зачало 148-е). Означенную брошюру подтвердил и Собор 1916 г., однако вынужден был в своем новом "Увещании" признать, что "грех брадобрития" в такой степени распространяется, что им заражены старообрядцы всех согласий - и беглопоповцы и беспоповцы^{*439*}. Последние, по словам Собора, применяют ко своим брадобрйцам мудрый совет св. Иоанна Златоустого: "И псов в церкви претерпим покоя ради церковного" (Толковой Апостол. Л. 686)^{*440*}.

Освященный собор 1916 г. обратил должное внимание на то, что "в некоторых церквах Божиих служба божественная оскверняется с нарушением благочиния - не благообразно и не по чину: чтение и пение исполняется слишком спешно и невнятно, без всякого умиления и внимания к смыслу произносимых слов. К тому же пение совершается с отступлением от древних общепринятых напевов, с бесчинными, насилующими природу, напряженными воплями, с прикрасами, с излишней вычурностью голосов - несвойственными церковным установлениям и последованиям". Собор по этому поводу обратился ко всем "благоговейным иереям, честным диаконам, достопочтенным церковным попечителям и всем православным христианам" с нарочитым "Отеческим наставлением". В нем он изобличает и строго осуждает эти уклонения и бесчиния и требует, чтобы "чтение и пение в церквах совершалось тихо и разумно, со вниманием, а не борзяся" (Предисловие к Псалтыри), чтобы "божественная служба совершалась по церковному уставу сполна, чинно и немятежно, чтобы священники и диаконы с великим тщанием имели предстояние ко Господу", чтобы поющие в церкви, выражаясь определением Шестого Вселенского Собора, "не употребляли бесчинных воплей, не вынуждали из себя неестественного крика, и не вводили ничего несообразного и несвойственного Церкви; но с великим вниманием и умилением приносили псалмопение Богу, назирающему сокровенное" (75 правило). В заключение Собор "просит всех и умоляет: сохранять во всей чистоте учение веры, соблюдать правила церковные, исполнять церковный чин по святоотеческим уставам и не вводить ничего нового - ни в пении, ни в чтении, а следовать издревле принятому святоотеческому обычаю". Последний Освященный Собор старообрядческой Церкви, состоявшийся еще в свободной России, не обольшевиченной, не обезвоженной, был открыт в Москве, на Рогожском Кладбище, 31 мая 1916 г.^{*441*} Заседания его проходили в атмосфере бурного мятежа по всей стране, при явно обозначившемся разложении всего государственного организма. Тем не менее, все заседания Собора были проведены в обычном порядке, решения его по всем подлежащим его

обсуждению вопросам прошли спокойно и приняты единодушно. Этот Собор отличался от всех предыдущих тем, что на него прибыли два "православных" епископа, Андрей Уфимский, и Иосиф Углицкий в качестве представителей Совета единоверческого съезда. Они представили Собору письменное "Обращение единоверцев" по вопросу о прекращении церковного раскола, возникшего в России со времен Никона. Собор посвятил обсуждению этого вопроса с участием поименованных представителей единоверия особое заседание. Оно не дало благих результатов и только лишь выяснило неполноту и неискренность единоверческого "Обращения"^{*442*}. Замечателен этот Собор еще тем, что он канонизировал старообрядческих святых мучеников: епископа Павла Коломенского, протопопа Аввакума и с ним сожженных сострадальцев, а также замученных никонианами боярыню Феодосию Морозову (в иночестве - Феодору), княгиню Евдокию Урусову, Марию Данилову и других - и установил совершать им службы, пока по Общей Минее, до составления им отдельных служб^{*443*}. С того же Собора начали во всей старообрядческой Церкви совершаться службы поименованным святым мученикам по Общей Минее.

Уже с 1905 г., с момента объявления "начал веротерпимости", пошли присоединения к старообрядческой Церкви духовных лиц господствующей церкви. Этому факту не очень-то обрадовались старообрядцы: уже Собор 1909 г. вынес постановление: "Принимать таковых лиц только по тщательном испытании (Василия Великого Правило 5). Что же касается определения их на приходы, то оно может быть только по тщательном исследовании их жизни (Сардикийского Собора правило 10 и Лаодикийского - 12) и по изучении ими церковного устава и христианских обрядов, причем предварительно снесясь об этом с Московским архиепископом". Освященные Соборы весьма заботливо охраняли свою церковную среду от всякого чуждого ей влияния и от заражения каким-либо противным обычаем или новшеством. Как в этом смысле, так и вообще в качестве центра всей церковной жизни и руководящего начала ее Освященные Соборы св. Церкви имели и имеют огромное для нее значение. По определению журнала "Церковь", Собор - это не собрание архиереев, съехавшихся только посоветоваться между собою и потолковать о малозначительных делах, имеющих лишь местное значение или личный характер. Собор есть общий голос всей Церкви. Он отражает в себе все стороны ее жизни, все ее потребности и нужды. Он охватывает всю совокупность накопившихся в течение года церковных вопросов и требований времени, дает им авторитетное разъяснение и разрешение. "Подобно сердцу, непрестанно вливающему свежие токи крови в организм, Собор дает всей церковной жизни спасительное направление: мертвых духом оживляет, слабых поддерживает и ободряет, сильных ведет на общую церковную работу, на борьбу

со злом мира и его неправдами, возбуждает и вдохновляет на подвиги и самоотверженное служение Церкви".

Большое значение для церковной жизни имели в рассматриваемый период и ежегодно созывавшиеся почти по всей России епархиальные съезды. Раньше их совсем не было в старообрядчестве: немыслимо даже было и созывать их в прежнее гонительное время. Теперь же они получили законное существование и широкое развитие. Они объединяли в себе не только всю епархиальную власть во главе с епископом, но и все приходы данной епархии и были связующим звеном с Освященными Соборами. Они задавали тон всей епархиальной и приходской жизни, разрешая самые разнообразные вопросы и нужды епархии и приходов: о поднятии просвещения на местах, об открытии школ, об учреждении епархиального начетничества для защиты Церкви от ее врагов, об открытии учительских курсов, об устройстве благотворительных обществ, о кассе взаимопомощи, о борьбе с пьянством, развратом и всякими пороками людскими; рассмотрение различных дел, касающихся духовенства и причта, вопросы церковной практики и многие другие. Опыты епархии, решения и постановления епархиальных съездов имели значение и для Освященных Соборов.

Епархиальные съезды созывались не только в Европейской России, но в Сибирских епархиях, даже в отдаленной Амурской области, и оттуда слышалось горячее биение церковного сердца и голос церковного народа.

В "золотой" период старообрядческой истории стали возможны и требуемые канонами церковными ежегодные объезды епископами своих епархий. Они имели для правильного развития церковной жизни не меньшее значение, чем епархиальные съезды, а в некоторых случаях и обстоятельствах даже большее.

Один приезд епископа в приход, торжественная его встреча с колокольным звоном, с многочисленным народом, его архиерейское служение с подобающею проповедью - да это же крупное событие, великий праздник прихода, целое движение церковное, хотя и местного характера. Оно привлекает к себе внимание людей и иных упований и исповеданий и часто бывает поводом к их объединению церковному. В приходах бывают различного рода недуги и недоразумения, разногласия и расхождения, бывают неудовольствия то священником, то попечителями, то самим приходом - и приезд епископа все это может уладить и уврачевать. У сибирских епископов были столь обширные епархии по своей географической растянутости, что на их объезд затрачивалось время всего года, причем, за отсутствием железных и шоссейных дорог, во многих местах приходилось совершать передвижение или верхом на лошади, или просто пешком по горам и трупам. Епископы несли чисто апостольский подвиг. Зато

паства всегда встречала их с любовью и с искренней преданностью. Таковые объезды неизменно были благотворными и многоплодными.

В помощь епископу по управлению епархией, епархиальными съездами избирались епархиальные советы. Лишь Московский архиепископский Совет избирался Освященным Собором. С 1862 г. в Москве существовал Духовный Совет. При энергичном и твердом в управлении архиепископе Антонии он был действительно его лишь помощником. Но при слабом архиепископе Савватии он делал попытки заменить собою соборное управление, посему с удалением Савватия с кафедры был упразднен и самый Духовный Совет. Лишь с 1911 г. в помощь архиепископу Иоанну стал избираться Собором архиепископский Совет, состоящий из двух епископов, четырех священников (в числе их могут быть и диаконы), шести мирян и шести кандидатов к ним: одного епископа, двух священников и трех мирян. Права Совета были ограничены, и было оговорено, что он ни в каком случае не может заменять собою соборное управление Церкви. Избирался он по особому "Положению"^{*444*}.

Освященные Соборы Российской старообрядческой Церкви неоднократно решали в описываемый период превратить московскую архиепископию во всероссийскую митрополию. Еще в 1906 г., потом и в следующем, 1907 г., соборно было постановлено возвести архиепископа Иоанна в сан митрополита. Но он решительно отказывался от этой чести то по смирению, то по нерешительности, боясь, как бы не сделать этим неприятное правительству. Но в 1914 г. русскими войсками была завоевана Буковина с Белокриницкой митрополией и сам митрополит тогдашний, Макарий, переехал в Москву. Тогда снова поднят был вопрос об учреждении митрополии в Москве, и снова решен он был в положительном смысле. Но не осуществлен. Утверждать митрополита Макария на Московской кафедре найдено было и неудобным, и не вполне каноничным, да и сам он решительно отказался быть Московским митрополитом. Возвести же в сан митрополита тогдашнего архиепископа Мелетия и таким образом учредить Московскую митрополию со всероссийским значением признано было неблагоприятствующим моменту, так как тогда шла война и вся страна была занята ею. Могли обвинять старообрядчество враги его, что оно воспользовалось несчастным положением страны и устроило себе в России митрополию. Освященный Собор 1916 г. постановил: "Возведение Московского архиепископа в сан митрополита отложить до более благоприятного времени". Но такового пока не наступило^{*445*}.

Всероссийские съезды^{*446*}

Наряду с Освященными Соборами, возникло в старообрядческой Церкви новое учреждение - Всероссийские Съезды. Начало им положено в 1900 г. Созывались

они и раньше, вызываемые крайними нуждами Церкви или тяжелым ее положением. Мы отмечали таковые Съезды, например, состоявшиеся на Иргизе и в Москве в 30-х годах XVIII в. по вопросу о приобретении епископа и устройстве за границей старообрядческой архиерейской кафедры. Но то были Соборы, с таким наименованием они и вошли в историю старообрядчества. А это - Съезды как новое явление, со своим особым уставом (положением), со своими задачами и целями, созываемые ежегодно, иногда и два раза в год, при чрезвычайных требованиях, почему таковые Съезды и назывались "чрезвычайными". С 1900 г. по 1917 г. включительно состоялось восемнадцать^{*447*} всероссийских ежегодных Съездов и несколько чрезвычайных. Уже третьим Съездом было "утверждено и принято к руководству" "Положение о Всероссийских Старообрядческих Съездах", в котором поставлены следующие задачи и цели их:

- а) содействовать выяснению нужд и развитию нравственных начал среди старообрядческого населения;
- б) рассматривать и обсуждать вопросы, относящиеся к воспитанию и обучению юношества по правилам святых канонов;
- в) входить с ходатайствами на Высочайшее имя, а также в министерства и во все другие правительственные учреждения к должностным лицам, для чего выбирать из своей среды депутации;
- г) содействовать распространению полезных сведений, а также учреждению и развитию училищ и школ, в которых преподавание Закона Божия должно быть по принятым в старообрядчестве книгам;
- д) содействовать основанию и развитию учреждений для обеспечения неимущих лиц на случай старости и болезни;
- е) содействовать всякому полезному делу, клонящемуся к устройству общественной старообрядческой собственности и восстановлению прав священства, оберегая оное законными путями от преследований;
- ж) поощрять лиц, потрудившихся для старообрядчества, денежными и благодарственными наградами;
- з) входить с ходатайствами к Освященным Соборам епископов, в частности, с просьбами о церковно-общественных нуждах.

"Положение" это на следующих Съездах дополнялось, и круг вопросов и дел Съездов постепенно расширялся. Сама организация Съездов и его исполнительных учреждений постепенно складывались и определялись. Первый Съезд избрал Комитет для ходатайств перед правительством по старообрядческим вопросам и нуждам. Второй уже избрал "Всероссийское Общественное Старообрядческое Попечительство", из которого выделен совет Попечительства из девяти лиц. Тогда же решено иметь при Совете особое "Бюро",

которое давало бы всякие справки по всем старообрядческим, главным образом, правовым вопросам. В дальнейшем Съезды избирали лишь "Совет Всероссийских Съездов", при котором существовал особый "Совещательный Отдел", дававший по всем вопросам, касающимся старообрядчества, советы и ответы, указания и разъяснения. С первых же Съездов потребовалось установить взаимоотношения между ними и Освященными Соборами. Второй Всероссийский Съезд представил особую "Докладную записку" очередному Освященному Собору, состоявшемуся в 1902 г., который и вынес следующее постановление от 27 июля: "Выслушав Докладную записку уполномоченных от второго Всероссийского Съезда старообрядцев и приняв его просьбу о том, чтобы Освященный Собор утвердил и узаконил таковые Съезды, мы, Освященный Собор, признаем эти Съезды законными, полезными и необходимыми и посему постановляем: устраивать таковые ежегодно и благословляем собирать их нашему собрату, боголюбивому епископу Арсению (Уральскому). Каждый епископ должен в своей епархии указать и избрать таких лиц, которые, имея уполномочие от обществ своих епархий, приезжали бы по приглашению епископа Арсения на Всероссийские Съезды старообрядцев". И первые два Съезда были созваны по благословению того же епископа Арсения и происходили под его руководством. Возникали, однако, между этими двумя верховными учреждениями кое-какие недоразумения под влиянием некоторых духовных лиц, поднимавших на Соборах ропот против Съездов, которые будто бы вторгаются в чисто иерархическую область. Но каждый раз таковые недоразумения разъяснялись и устранялись. "Освященные Соборы хотя и называются в канонах "соборами епископов", но они в то же время суть и Соборы Церкви, то есть мирян, при участии которых происходят. В свою очередь, и Всероссийские Съезды не суть Съезды только мирян, но и духовенства. Освященные Соборы суть верховный орган церковно-иерархического управления; Всероссийские Съезды - орган церковно-гражданского единения старообрядцев. Оба эти учреждения взаимно охраняют и дополняют друг друга"^{*448*}.

До учреждения Съездов старообрядчество на местах было предоставлено самому себе; при тогдашнем бесправии местные власти делали с ним, что хотели: хорошие власти обращались с ним по-хорошему, иногда даже покровительствовали, защищая его от насилий и всяких произволов местного духовенства господствующей церкви; дурные же власти поступали дурно и заодно с духовенством творили над местными старообрядцами разного рода насилия: закрывали их молитвенные дома, грабили их церковное имущество, преследовали старообрядческих священнослужителей, отдавали под суд старообрядцев за какие-либо проявления своих верований и преданий:

поставили, например, святой крест над воротами в церковный двор, пропели, может быть, "Святой Боже", провожая покойника на кладбище или завели какую-нибудь школку для обучения детей церковному чтению, о которой пронюхал местный православный священник или, что страшнее, миссионер - и в таких случаях местным старообрядцам приходилось собственными средствами защищаться. В старообрядчестве не было центрального учреждения, которое заступилось бы за них, похлопотало бы перед правительством или просто дало бы какой совет или указания и т.п. На местах, конечно, были свои деятели и ходатаи, и им недешево стоили разного рода удовлетворения требований и капризов местных властей. "Поговорите со старообрядцами, и они вам укажут, - провозглашалось это с трибуны Государственной думы, - кого они содержали: не только исправники и становые, не только губернаторы, но и генерал-губернаторы пребывали на содержании у старообрядчества"⁴⁴⁹.

Но подобные средства защиты местного старообрядчества были и незаконны, и малонадежны, и всегда зависели от усмотрения местных властей, нередко - от капризов и увлечений модами их франтоватых жен. Всероссийские же Съезды, взявшие на себя долг защиты всего старообрядчества перед правительством, сразу же подняли бодрость и самочувствие старообрядцев по всей России, во всех приходах, даже в самых отдаленных от центра, в так называемых "медвежьих углах". И оттуда полились непрерывным и многоводным потоком на Всероссийские Съезды жалобы и просьбы, сообщения и стоны местных старообрядцев на их бесправие, на чинимые над ними насилия, притеснения, издевательства, кощунства и всякие безобразия. Уже на втором Съезде читались и обсуждались об этом доклады от разных приходов и от отдельных депутатов и частных лиц. Всероссийские Съезды, сами бесправные и непризнанные, собиравшиеся в первые годы под постоянной угрозой быть накрытыми и отданными под суд, все же воодушевлены были необыкновенным дерзновением выслушивать стоны и жалобы своих гонимых братьев и доводить их до сведения центрального правительства. Трудно оценить огромное значение Всероссийских Съездов в истории старообрядчества. Они не только представляли его перед правительством и защищали, но и организовывали его на местах, объединяли, выясняли его положение, нужды, требования, давали ему должное направление, вдохнули в него дух силы и твердости, дух правосознания и уверенности в победе его правоты. Избираемый Съездами Совет по несколько раз в год представлялся министру внутренних дел и другим правительственным лицам, включительно до Высочайших особ, с настойчивыми ходатайствами за старообрядчество, докладывая им о его нуждах, страданиях и всеобщем его горе. Длинный ряд тогдашних министров внутренних дел, часто сменявшихся: Сипягин, Плеве,

Святополк-Мирский, Булыгин, Витте, Дурново, Столыпин, Горемыкин - все они принимали у себя представителей Съездов, выслушивали их доклады, жалобы, сообщения и через них знакомились с фактическим положением старообрядчества в стране, с его нуждами и желаниями. Уполномоченные Съездов представлялись и другим министрам: просвещения, юстиции, военных дел, бывали и у обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева. Раньше правительственные лица знали о старообрядцах лишь то, что им доносили из разных мест явные и тайные враги старообрядчества. В этих доносах старообрядчество обыкновенно рисовалось самыми мрачными красками, старообрядцы представлялись темными изуверами, опасными врагами церкви и государства, заслуживающими лишь преследования и презрения. Из непосредственных докладов и сообщений самих старообрядцев, именно представителей Всероссийских Съездов, правительство услышало совершенно другое о старообрядчестве и было поражено лживостью прежних сведений о нем. За всю длинную историю старообрядчества министры впервые стали лицом к лицу с ним, узнали о нем настоящую, неподдельную правду во всей ее ужасающей полноте, о его бесправии и творимом над ним насилии на местах. Аудиенции представителей Съездов у министров не носили характера обычных, только почтительных поклонов. Нет, это были продолжительные беседы, в которых раскрывались и деятельность по отношению к старообрядчеству местных администраторов, их произвол и насилие, и мрачная картина тяжелого положения старообрядцев в собственной стране. Уполномоченные Съездов не стеснялись говорить правительству самую откровенную правду о самых высоких администраторах губерний и областей, как бы она ни была неприятна. Между центральным правительством и Всероссийскими Съездами старообрядцев установилась сама собой в высокой степени полезная связь. Первые пять лет деятельность Всероссийских Съездов заключалась, главным образом, в ознакомлении правительства с истинным положением старообрядчества в стране, с его внутренней сущностью, с его верованиями, нуждами, потребностями и желаниями; в постоянных жалобах на непрекращающиеся произвольные действия местной администрации, в раскрытии противозаконной деятельности врагов старообрядчества и в собирании того богатого фактического материала, который скоро сослужил такую благодарную службу всему старообрядчеству: все доклады и прошения Съездов легли в основание работы правительства и Комитета министров по вопросам старообрядчества. Этот же материал лег и в основу Высочайшего указа от 17 апреля 1905 г. о началах веротерпимости. С этого времени деятельность Съездов по отношению к правительству приняла другой характер - законодательный. В правительстве пошли "совещания" по вопросу об

устроении положения старообрядчества. Шестой Всероссийский Съезд избрал особых уполномоченных для участия в этих совещаниях. Много трудов и знаний эти уполномоченные приложили, чтобы совместно с правительством выработать "Положение о старообрядческих общинах", которое и издано было Высочайше 17 октября 1906 г. и потом поступило в Государственную Думу в качестве законопроекта для рассмотрения и утверждения. Оно во многом не удовлетворяло старообрядчество. Уполномоченные Всероссийских Съездов вошли в контакт с Государственной Думой, и в ней самой, под их влиянием, образовалась из членов Думы специальная "старообрядческая комиссия", которая и переработала правительственный законопроект о старообрядческих общинах. Как мы уже сообщали в своем месте, этот законопроект, принятый Государственной Думой, был отвергнут Государственным Советом и был снова возвращен в Думу, в "согласительную комиссию". Немало трудов положили Совет Съездов и его уполномоченные при прохождении законопроекта и в Государственном совете, и в согласительной комиссии. В то же время Совет Съездов находился в постоянном общении и с правительством, представляя ему по разным старообрядческим вопросам и нуждам, а также по многочисленным нарушениям на местах изданного закона о старообрядчестве со стороны администрации и судебных властей, доклады и прошения и почти всегда с успехом добиваясь министерских циркулярных разъяснений и дополнений к данному законоположению.

Деятельность Всероссийских Съездов была многообъемлющей: в нее входили вопросы не только чисто церковно-общественные и правовые, но и экономические, бытовые, хозяйственные, просветительские, культурные, финансовые и многие другие. Уже на втором Всероссийском Съезде было провозглашено: "Будем крепко держаться нашего религиозно-нравственного мирозерцания, свято хранить заветы наших предков и учителей в религиозном и общинном быту, будем развивать в наших детях верность старообрядчеству, любовь к старине и отчизне, любовь к русскому народу и монарху, вообще укреплять в них доброе религиозное чувство, необходимое для устойчивости и сохранения старообрядчества. Но в общественном и гражданском быту, в экономической сфере мы должны бояться застоя, должны быть восприимчивы ко всему хорошему, должны усиливать все лучшие начала общеевропейской культуры. Чтобы отстоять свою индивидуальность при разнообразных формах чуждой нам по духу цивилизации, необходимо нам, вбирая в себя живительную струю общеевропейской культуры, вносить необходимые поправки в свой общественный строй, конечно, не противные нашей вере". Стоит взглянуть только на программы Съездов, чтобы видеть, как обширна была деятельность

Всероссийских Съездов. Вот какими вопросами и делами занимались Съезды: а) о старообрядческих соборах; б) о епархиальных съездах; в) о старообрядческих общинах; г) об учреждении в них братств взаимопомощи; д) о формах метрических записей; е) о формах присяг (клятвенных обещаний); ж) об удалении старообрядческого духовенства от должности по приговорам гражданских судов и администрации; з) о возвращении отобранной у старообрядцев святыни; л) о старообрядческих браках, храмах, монастырях, иночестве; и) о сельском хозяйстве среди старообрядцев и об учреждении курсов по сельскому хозяйству; к) об учреждении кредитных товариществ среди старообрядцев; л) многие другие вопросы местного характера по представленным с мест докладам и просьбам. Или такие вопросы, как постановка памятников протопопу Аввакуму, боярыне Морозовой и княгине Урусовой; поступление старообрядцев в военные, юнкерские и военно-морские училища. Школьным и просветительным делам в старообрядчестве Съезды уделяли особое внимание; тут разрешались вопросы о повсеместном открытии в старообрядческих приходах (общинах) школ грамоты, двухклассных училищ, ремесленных классов и других учебных заведений, об открытии в старообрядческих селениях читален и библиотек, об издании учебников для старообрядческих школ, о подготовке своих учителей и законоучителей, об открытии высшей духовной школы или постоянных богословских курсов и т.п. Много ходатайств и забот проявили Съезды и по вопросу о переселении старообрядцев из-за границы в Россию. Во многом количестве таковое переселение и осуществилось: переехали многие старообрядцы из Австрии, Румынии и Турции. Совет Съездов имел постоянную и непрерывную связь со всеми старообрядческими приходами, получая от них почти ежедневно всевозможнейшие просьбы, вопросы, запросы, жалобы, разного рода сообщения, причем писали старообрядцы всех согласий. Совет, таким образом, становился центром объединения всех старообрядческих согласий, пока на почве общих вопросов и интересов. "Чем более поднимаем мы вопросов на наших Съездах, - говорится в одном отчете Совета, - тем больше открывают они нам наши чрезвычайные недостатки и нужды, удовлетворить которые возможно лишь сплоченной, единой и общей деятельностью". Ходатайства перед правительством, начатые сначала одними белокриницкими старообрядцами, велись потом и при участии беспоповцев: в Москве и Петрограде происходили совместные совещания старообрядцев поповцев и беспоповцев. Все они проходили в мирном, истинно братском единении, во взаимном доверии и в полном согласии. На созванном Советом Съездов в Москве в феврале 1906 г. Всероссийском Съезде крестьян-старообрядцев принимали участие представители разных старообрядческих согласий. На нем читали лекции и

выясняли сельскохозяйственные вопросы лучшие профессора Москвы, знатоки этих вопросов^{*450*}. Сельскохозяйственному положению старообрядческого населения Совет Съездов уделял весьма серьезное внимание: рассылал по общинам опросные листы для выяснения этого положения и всяких хозяйственных нужд, давал им указания и разъяснения, издавал сельскохозяйственный журнал "Друг земли" (в качестве бесплатного приложения к журналу "Церковь"); в 1913 г. устроены были в Москве на Рогожском Кладбище сельскохозяйственные курсы для крестьян-старообрядцев, приехавших из разных мест России. Как проезды, так и содержание прибывших на курсы лиц Совет Съездов принял на себя, а также и оплату лекторам за их лекции. Такая разнообразная и столь полезная деятельность Всероссийских Съездов, с таким огромным трудом и с такой непостижимой энергией налаженная, была значительно ослаблена вспыхнувшей в 1914 г. войной Германии и Австрии с Россией, а последовавшая в 1917 г. всероссийская революция и совсем прекратила эту деятельность. Последние Всероссийские Съезды - 18 и 19 были уже политическими съездами, так они окрещены и в тогдашней старообрядческой печати. Они были необыкновенными и по тогдашнему настроению их участников, и по своему характеру и содержанию. Последний съезд, названный, впрочем, лишь "Политическим Совещанием", имел, судя по речи его председателя П.П. Рябушинского, даже пророческий характер. "Мы переживаем, - говорил Павел Павлович, - время грозного государственного испытания и внутренней народной неудовлетворенности. Неразумные люди на наших глазах разоряют Россию и повергают народ в величайшее бедствие... И в это трудное время величайшая ответственность ложится на всех нас за будущие судьбы нашей страны... Надо опомниться и общими усилиями положить предел блужданиям власти, а с нею вместе и всего народа. В минуту смертельной государственной опасности мы должны все сплотиться в совместной работе и во взаимопомощи искать выхода... К нашему горю, слова убеждения и совести уже не помогают. Положение с каждым днем все ухудшается. Злые люди завладели положением... В горе и унижении России будет виновен сам народ, не умеющий определить свою судьбу и по малограмотности, безволию и слабости безропотно идущий за людьми, искренней веры в которых мы не имеем... Все наше прошлое (старообрядчества) было сплошным мученичеством, и мы устояли. Проявим же себя и теперь и докажем свою готовность к жертве, нашу великую любовь к родной стране. Никакие посулы разных лжепророков нас не одолеют, и все мы душой сумеем разобрать, где правда и где ложь... Надо уметь сейчас прозреть правду, чувствовать, верить. Если мы не могли допустить, чтобы царская власть помыкала Россией, то невыносимо трудно терпеть, чтобы безжалостно терзали и по своему капризу

расправлялись с Россией неведомые нам люди. Пусть любовь к России пронизет нас вновь своим бессмертным светом. Пусть каждый из нас сознает, что он - неотъемлемая часть великого нерушимого целого - России... В это трудное время, время утраты воры в людей, нам, как и всем русским гражданам, необходимо проявить высшую выдержку и стойкость, чтобы отстаивать свободу и честь России, заливая своей кровью преступление старой и безрассудность новой власти...". Именно так и случилось: вся великая страна была залита кровью русских людей, отстаивавших свободу и честь России от узурпаторства и вандализма чуждых ей и по духу, и по крови людей. "И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка Святы́й и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?" (Апокалипсис, 6:10). Придет и это время. "Мне отмщение, Я воздам", - говорит Господь (Второзаконие, 32:35 и Римлян., 12:19). "Укрепите ослабевшие руки и утвердите колена дрожащие, - говорит пророк Исайя, - скажите робким душою: будьте тверды, не бойтесь; вот Бог ваш, придет отмщение, воздаяние Божие; Он придет и спасет нас" (Исайи, 35:3-4).

Храмоздательство

Уже с 1905 г. началось строительство старообрядческих церквей и колоколен, и продолжалось оно включительно до конца 1917 г. За этот период воздвигнуто было старообрядцами новых церквей более тысячи, из них немало весьма великолепных, чрезвычайно ценных по своей замечательной архитектуре, древнему стилю и по затраченным на них огромным суммам.

Много церквей и колоколен воздвигнуто было старообрядцами по всей России и в предыдущие периоды их истории, когда это было возможно. Особенно обогатилось старообрядчество храмами Божиими в царствование императрицы Екатерины Великой и отчасти - в царствование императора Александра I. Многие из них блистали своим наружным великолепием и особенно ценны они были своим внутренним украшением: иконостасами с древнейшими и даже чудотворными иконами, церковной утварью, редчайшими книгами, богатыми облачениями. Эта ценность не может быть выражена никакой цифрой, ибо такая святыня воистину бесценна. Все многочисленные старообрядческие приходы имели тогда церкви с колокольнями, во многих местах - по две: одну летнюю церковь, а другую зимнюю; в монастырях же было церквей и того больше. Любили старообрядцы воздвигать дома Божий и украшать их самой дорогой святыней. Усердие их в этом святом деле было бесподобным. Но все это их бесценное достояние было в царствование Николая I отобрано и отдано единоверцам, а в значительной части своей и совсем уничтожено, так что от него и памяти никакой не осталось. В последующие царствования вместо отобранных

и уничтоженных церквей старообрядцы стали строить под разными предлогами и с чрезвычайными усилиями новые дома молитвы, похожие своим наружным видом на обыкновенные жилища или даже на амбары и сараи, или в готовых жилых домах устраивать молитвенные помещения. Но и таковые убежища, как мы видели, подвергались преследованию и закрытию и, прежде всего, ограблению. С провозглашением в России начал веротерпимости, а потом и свободы, религиозной и политической, следовало бы, по справедливости и по совести и совершенно на законном основании, возвратить старообрядцам все отобранное у них церковное имущество, как их собственность, созданную их трудами и на их средства. Но этой справедливости не было проявлено по отношению к коренным русским людям, тогда как католики и протестанты, поляки и армяне получили свое имущество и, кроме того, получили еще государственную обеспеченность на содержание своего духовенства, училищ и даже благотворительных учреждений. Пришлось старообрядцам снова воздвигать себе церкви и колокольни и собирать в них бесценную святыню, и они принялись за это дело с прежним усердием и с горячей любовью. Построить за каких-нибудь 10-11 лет более тысячи церквей, украсить их внутри величайшей святыней - и все это сделать исключительно на свои средства, без какой бы то ни было посторонней помощи - это действительно великое дело любви и усердия, чудо милости Божией. В одной статье, посвященной этому церковному строительству, говорилось: "Русское государство, самое великое во всем мире, никак не соберется с силами воссоздать хотя бы такой флот, какой был у нас до японской войны (1904 г.), когда японцы его разгромили; а старообрядцы после непрерывного 250-летнего разгрома сумели за тот же 7-8-летний срок (писалось в 1914 г.) построить более тысячи церковных кораблей, вооруженных всеми необходимыми средствами. Старообрядчество вполне заслуживает того, чтобы перед его силой и величием склонили головы и исконные враги его. Повсюду теперь звонят старообрядческие колокола, они возвещают не об одной только молитве и Богослужении старообрядцев, но и о внутренней мощи старообрядчества, о его духовных силах, его жизненности, способности на великие жертвы во славу Господа и святой Его Церкви"^{*451*}.

В нашей краткой Истории мы не можем даже просто перечислить все эти новые церкви, в столь короткий срок украсившие всю Россию даже в самых захолустных ее уголках. Отметим лишь наиболее замечательные и наиболее ценные из них. Упомянем прежде всего построенные в Москве церкви и колокольни. На Рогожском Кладбище, где сохранились две прежние церкви, одна зимняя - Рождественская и другая летняя - Покровская, воздвигнута была лишь колокольня, поражающая своим величием и красотой. Она сооружена в память

распечатывания алтарей только что упомянутых храмов и высится между этими церквями, на расположенной перед ними площади кладбищенского сада. "По своей грандиозной величине и оригинальной архитектуре колокольня принадлежит к числу выдающихся сооружений в области церковного зодчества Первопрестольной столицы". Длина ее семь сажен, ширина (с двумя крыльями по бокам) 12 сажен, а высота - 30 сажен. В нижнем ярусе колокольни устроена церковь в честь Воскресения Христова; во втором - ризница и библиотека Рогожского Кладбища, а в 3-м и 4-м ярусах - колокола, из которых главный весит 1000 пудов, второй 350 и третий - 200 пудов, остальные меньшего веса. Верх колокольни увенчан круглым куполом, напоминающим купол колокольни Ивана Великого в Московском Кремле, и по величине (в диаметре 4 сажени) равный ему. По бокам колокольни, на боковых частях (крыльях), доходящих до третьего яруса, высятся два других купола с главами. Общая стоимость этого величественного памятника обошлась до двухсот тысяч довоенных рублей^{*452*}. Но особую ценность представляет собою храм Воскресения Христова. По своим размерам он невелик, вмещает в себя всего около 25 человек, но по своей внутренней отделке и содержащейся в нем ценной коллекции древних икон он, без сомнения, один из самых замечательных во всей Москве. Величественная и строгая иконопись, исполненная в новгородском стиле XVI в., украшает стены, своды и купол храма; откосы дверей и окон покрыты древним орнаментом. Перед входом в самую внутренность храма находится небольшая паперть, стены ее также сплошь расписаны. Массивные медные двери ведут с паперти внутрь храма, они исполнены по образцу входных дверей московского Благовещенского собора, с изображениями и орнаментом, покрытыми золотом. Внутри храма, на северной стене, в особом киоте, покрытым басмою, исполненною по древним рисункам, помещаются девять икон древнего новгородского письма (XV в.). Замечательную художественную редкость представляют две заклиросные иконы: "Триипостасное Божество" и "Да молчит всякая плоть" - лучших писем царских (строгановских) XVII в., необычайно тонкой и тщательной работы. Покрытый стильной басмой пятиярусный иконостас включает в себе также значительные по редкости и художественному исполнению изображения. Царские врата - лучших северных писем; по бокам их в столбиках находятся 12 небольшого размера изображений святителей замечательного новгородского письма XV в. Все ярусы иконостаса уставлены древними иконами московских и новгородских писем XIII-XV вв. Оригинальное двухъярусное паникадило, а также вся храмовая утварь, кадила и подсвечники исполнены в строго выдержанном древнерусском стиле XVII в. Напрестольная алтарная утварь сделана из кованого серебра также по древним образцам. Все в этой церкви выполнено стильно, высокохудожественно и в

древнем вкусе. Построена и отделана церковь Воскресения Христова исключительно на средства жертвователей - прихожан Рогожского Кладбища и, главным образом, известной благотворительницы Ф.Е. Морозовой.

Еще более замечательный храм воздвигнут в Москве в честь Успения Пресвятыя Богородицы на Апухтинке, по Новоселенскому переулку, близ Покровской заставы. Снаружи храм этот представляет копию с большого Успенского собора в московском Кремле: увенчан он пятью круглыми куполами с главами, сверху которых утверждены вызолоченные кресты. Внутри храм поражает своим величием и благолепием: он поддерживается восемью четырехугольными столбами, из которых два крайних находятся за иконостасом. Пятиярусный иконостас сделан по образцу иконостасов Успенского собора в Москве, соборного храма в Сторожевском монастыре, храма Саввы Сторожевского в Звенигороде и других древних храмов, весь обложен древней вызолоченной басмой, художественно сделанной по старинным рисункам. Царские врата - XVI в., новгородского письма, тоже обложены басмой. Над царскими вратами находится сень XVI в. с иконами новгородского письма, а над сенью - корона с очень древними небольшого размера иконами. Все в этой величественной церкви древнее: XVII, XVI, XV и даже XIV вв. - и все замечательное, высокохудожественное, редчайшее и бесценное. Об этом храме нужно писать целую книгу. Мы предоставим краткое слово о нем известному знатоку древнерусского искусства г. П. Муратову. "Благодаря трудам и заботам старообрядцев, - говорит Муратов, - в Москве создались храмы совершенно особого типа, подлинные храмы-музеи. Будущий составитель московского Путеводителя, несомненно, отнесет к главным достопримечательностям Москвы старообрядческие церкви на Рогожском Кладбище, особенно старообрядческий собор во имя Успения Богородицы близ Покровской заставы... Создание этого храма является положительно каким-то чудом. Всего семь лет как было приступлено к его постройке (писано в 1915 г.). Несколько глубоко преданных делу людей, в числе которых необходимо прежде всего помянуть благодарным словом братьев [И.И.?] и А.И. Новиковых, довели успешно до конца постройку и в то же время, проявив удивительную энергию и редкий художественный такт, собрали полное древнее убранство храма. Необыкновенно сильное впечатление заставляет испытывать эта церковь. С первых шагов и во всем здесь видишь заботу о древности, о подлинности, которая так удачно сливается с заботой о красоте. Здесь, собственно говоря, в первый раз начинаешь понимать, чем должна быть русская Церковь и чем она, во всяком случае, могла быть в XV-XVII веках. Устроители храма решительно и смело удалили из убранства сплошные ризы, закрывающие иконы в других церквях. Вместо тяжелого ремесленного

серебра и грубой позолоты мы видим здесь повсюду лишь тонкую серебряную басму, превосходно подобранную по старинным образцам. Нашелся в Москве мастер, имя которого необходимо назвать - (?)Я.Мишуков (тоже старообрядец), который выполнил эту работу с высокой и чисто артистической умелостью. На мягком, жемчужном тоне басмы выделились глубокие, сияющие, светлые краски древних икон, освобожденных от темной олифы и от прописей. В деле собирания икон устроители храма не знали усталости и были щедро вознаграждены за это рядом удач. Им удалось украсить иконостас грандиозным "чином" XV в. и несколькими замечательными "праздниками". Драгоценнейшим для этого храма-музея явился образ Смоленской Божией Матери, писанный, по всей вероятности, византийским мастером XIV столетия. Все школы древней русской живописи представлены здесь превосходными примерами, и нет возможности перечислить в этой короткой заметке хотя бы самые типические образцы эпох и писем. Храм Успения ждет своего исследователя и описателя. Но даже после краткого пребывания в храме Успения каждый унесет с собой воспоминание об искусстве светлом, украшающем и бесконечно мудром в своих древних традициях, об искусстве, которое с таким удивлением и даже недоверием учимся теперь связывать с существованием России. Странно даже подумать, что это впечатление оказывается одним из московских, а не итальянских, например, впечатлений, и первая мысль, какая приходит в голову, это - как плохо знаем мы Москву. И "неизвестная" Москва становится для нас вдруг новой надеждой".

Величественны и замечательны во многих отношениях и другие храмы, воздвигнутые старообрядцами в Москве. Красивый храм в Гавриковом переулке, при Покровско-Успенской общине, по художественной отделке, по богатой коллекции древних икон считается, после храмов Рогожского Кладбища и Успенского на Апухтинке, наиболее ценным. Затем идут храмы на Остоженке - новгородского типа с древнейшими иконами, большой Замоскворецкий, Николо-Смоленской общины, Тверской общины, на Малой Андрониевке, Тихвинский храм и другие. Все они построены в древнем стиле и представляют собою не только большую материальную ценность, но и весьма высокую архитектурную, художественную, эстетическую ценность, в особенности же по внутреннему своему убранству, по заключающимся в них древностям и святыням.

Немало ценных церквей воздвигли старообрядцы и в провинции. В этом строительстве большую услугу оказал Совет Всероссийских Съездов: он печатал в журнале "Церковь" образцы и типы древних русских церквей, напечатал их и в старообрядческом календаре того времени, проникшем в самые отдаленные общины старообрядческие, которые и руководствовались при постройке своих храмов рекомендованными образцами и указаниями. Поэтому почти все

многочисленные старообрядческие храмы оказались в своем архитектурном виде стильными, красивыми, характерно древнерусскими. Даже такие области, как Архангельская губерния и даже Енисейская, украсились замечательными старообрядческими церквями. Некоторые церкви, воздвигнутые в провинции, по своим размерам и по материальной стоимости не уступят и столичным. Так, в с. Поречье Калужской губернии церковь, построенная на средства местных деятелей-благотворителей братьев Сергеевых, по своему великолепию может быть поставлена наряду с московскими. Чудные храмы воздвигнуты были в Петрограде на Громовском кладбище, во Владимире на Клязьме, в Самаре, в посаде Клинцах Черниговской губернии, в с.Воронцово-???Александровское Ставропольской губернии. Особенно замечательный храм воздвигнут в с. Балакове Самарской губернии, здешним крупным благотворителем О.М. Мальцевым. Своим внешним величием он превосходит и московские церкви: одна постройка его обошлась в миллион рублей. Стиль его особенный, напоминающий готический; кладка его из ценного камня так подогнана, что он кажется вылитым из цельного мрамора. Весьма ценен он и по внутреннему убранству. И колокольный звон его могуч: главный колокол весит 680 пудов.

Много храмов построили по всей России и старообрядцы-беспоповцы. Великолепные храмы они воздвигли в обеих столицах России - в Петрограде и в Москве. Особенно замечателен храм поморской общины в Токмаковом переулке в Москве, но он отличается от всех других старообрядческих храмов своей архитектурной оригинальностью в декадентском стиле, напоминающем, скорее, средневековую капеллу, но не древнерусский храм; даже окна его украшены цветными стеклами, по образцу римско-католических и протестантских храмов Западной Европы. Еще замечательнее, что в иконостасе этого храма сделаны северные, южные и царские двери, которые ведут, конечно, в алтарь. Но какой же может быть алтарь у беспоповцев? И действительно, на месте алтаря поморцы устроили себе комнату для совета своей общины и тут же - закусочную: стоит в стороне такого беспоповского "алтаря" большой стол, там, где должен стоять престол Бога Вышнего, на нем кипит самовар, вокруг него расставлены чашки для чая и тарелки с закусками. Какая это жестокая насмешка над самим антихристом! По пророческим предсказаниям, он должен уничтожать христианские алтари, разрушать св. храмы, ниспровергать святые престолы, жертвенники и самую жертву Христову уничтожать. А на самом деле это делают беспоповцы, а он, напротив, дает разрешение на постройку христианских храмов, на устройство в них алтарей, приношение в них жертвы Иисуса Христа, если, конечно, под антихристом, по верованиям беспоповцев, подразумевать не их самих, а никонианскую власть и всех ее служителей и последователей. "Золотой век"

старообрядческой истории, как и следующий за ним период, разрушил многие воззрения и верования как никониан, так и беспоповцев.

К храмостроительству нужно отнести и устройство монастырей и скитов. В предыдущие периоды старообрядцы много устраивали этих спасительных убежищ - сотнями. В царствование императора Николая I почти все они были разрушены, разгромлены, совершенно уничтожены, а самые богатые из них отобраны и отданы единоверцам. Ни один ни монастырь, ни скит не были возвращены старообрядцам, как не была возвращена ни одна ценность из всего необъятного имущества, награбленного в этих духовных питомниках старообрядчества. Сокровища великой ценности погибли безвозвратно в тогдашний погром.

Старообрядческие монастыри и скиты имели огромное духовно-воспитательное и руководящее значение для всего старообрядчества. Здесь создавалась старообрядческая литература, тут выковывались крепкие духом борцы за святую старину, отсюда вышли наиболее видные деятели прошлого: первые епископы Белокриницкой иерархии, наиболее прославленные, были воспитанниками монастырей и скитов. Но с дарованием религиозной свободы прежнее значение этих духовных очагов было если не совсем утеряно, то, во всяком случае, понижено. Вот почему в "золотой" век возникло их в очень малом количестве - какой-нибудь десяток. Так, основан был женский монастырь в пос. Клинцах Черниговской губернии, женский монастырь при п. Касихе(?) Псковской губернии; женский скит при с. Чернухе Нижегородской губернии; женский монастырь на Дону, близ хутора Попкова. Там же, на Дону, близ Калача, устроен и мужской монастырь; в непроходимой сибирской тайге, в 120 верстах от г. Томска на север, возник очень благоустроенный монастырь, тоже мужской. Заслуживает особого внимания заволжский Спасо-Преображенский монастырь в Нижегородской епархии, устроенный епископом Иннокентием. Он предназначался для культурно-просветительных целей: отсюда должны были бы выходить начетчики, уставщики, учителя церковного чтения и пения и другие духовные деятели. Здесь воздвигнут был величественный храм с пятью алтарями, один из них освящен в память старообрядческих мучеников: протопопа Аввакума, священника Лазаря, диакона Феодора и преподобного Епифания, сожженных живыми в срубе после многолетних мучений. Для келий братии построен большой двухэтажный каменный корпус, во всем отвечающий современной технике: с центральным водяным отоплением, вентиляцией, водопроводом и пр.

Хотя существование старообрядческих монастырей и скитов разрешено Высочайшим Указом 17 апреля 1905 г., но правовое их положение, а равно и иночествующей братии, не было установлено и узаконено. Лишь в 1915 г.

министерство внутренних дел, под влиянием настойчивых ходатайств Совета Всероссийских Съездов старообрядцев, решило приступить к "разработке законоположений об упорядочении правового положения старообрядческих монастырей, скитов и обителей". Министерство собрало сведения о количестве старообрядческих монастырей и скитов, о времени их возникновения, материального их положения, о характере внутренней их организации и о прочем. Но новые события в стране так и не дали возможности издать закон о монастырях, а крушение государства сокрушило в России и все монастыри всех исповеданий.

Культура и просвещение

Старообрядческая культура - особенная: это древнерусская культура, религиозная, церковная, народно-бытовая. Она является полной противоположностью западной - внерелигиозной, внецерковной, языческой и во многом безбожной культуре^{*453*}. По признанию современных ученых, исследователей старообрядчества, "староверие было творческим этапом в русской церковной жизни, в реализации идеи церковной культуры"^{*454*}.

"Бесспорным является то, - говорит профессор В.В. Зеньковский, - что не одно сохранение традиций определило духовный путь старообрядчества, но и борьба за церковную культуру, как понимали ее тогда" (см. особенно труды профессора Каптерева)^{*455*}. "В этом отношении необходимо отметить, - разъясняет тот же ученый в другом месте, - что отделение старообрядцев происходило не только по линии церковных споров, но и по линии всей культурной психологии, в старообрядчество уходила Русь, верная не только религиозному, но и культурному прошлому, не хотевшая никаких новшеств ни в Церкви, ни в жизни. Церковная и культурная неуступчивость не были только злоецим симптомом замыкания в самих себе, но в них с полной уже ясностью выступает мотив "самобытности", творческий замысел раскрытия и исторического проявления "своего"^{*456*}.

Старообрядчество требует, чтобы вся жизнь человеческая: государственная, общественная, народная и личная - была пропитана религиозными началами, чтобы вся деятельность была освящена Церковью и благословлена Богом, была омолитвенена и облагодатствована. Даже советский комментатор Н.К. Гудзий, говоря о протопопе Аввакуме, подчеркивает, что "религиозное сознание его утверждало не принципиальное отрицание жизни в миру и жизни вообще, а проникновение жизни во всех ее бытовых подробностях религией"^{*457*}. "С особенной силой и законченностью это стремление к освещению всей жизни Церковью сказалось в старообрядчестве, красочные и яркие страницы которого

доныне еще не зарисованы вполне", - замечает профессор Зеньковский. По его проникающему взгляду, в старообрядчестве, за всяким его движением и течением, "стоит как определяющая их сила идея церковной культуры, идеал целостной жизни". Не духовная неподвижность лежала в основе староверия, а наоборот, духовная напряженность, борьба за церковную культуру, как ее понимало староверие... Деятели старообрядчества не ошиблись, когда так боялись новшеств - впереди предстояла эпоха Петра Великого, с его крутым поворотом к Западу"^{458*}. Старообрядческая культура действительно ярко и сильно сказалась во всех областях государственной и народной жизни: в торговле, в земледелии, в сельском хозяйстве, в колонизации, в просвещении^{459*}, в быту^{460*}, в храмоздательстве, как мы уже видели, в особенности же - в сохранении и преумножении величайших сокровищ святой Руси, иконных и книжных, из которых составились огромные библиотеки и музеи бесконечной ценности. Только в правительственных верхах старообрядческая культура не имела никакого влияния, ибо туда ни один старообрядец не допускался. Только в годы великих потрясений старообрядчество пробиралось к этим "верхам": так, в Отечественную войну 1812 г. прославленные ее герои, граф Платов^{461*}, Орлов-Давыдов^{462*}, были старообрядцами, а также и тогдашний городской голова Москвы, коммерции советник дворянин, кавалер П.Д. Шелапутин^{463*}, был старообрядцем. И школьное государственное просвещение было чуждым старообрядческой культуре^{464*}. Само казенное православие было противоположно и враждебно старообрядческому духу^{465*}.

Об одной лишь фабричной и торговой промышленности старообрядцев можно написать огромные тома^{466*}. Не менее томов потребовалось бы для описания колонизаторской деятельности старообрядцев, расширившей страну до необъятных пределов.

Особенного внимания заслуживает благотворительная деятельность старообрядцев. В России трудно указать хотя один значительный город, где были зажиточные старообрядцы, и в которых не существовало бы созданных ими каких-либо благотворительных учреждений: приютов, богаделен, больниц, санаториев (в курортных городах), вдовьих домов, инвалидов, приютских келий около храмов и т.п. богоугодных заведений. Крупными пожертвованиями участвовали старообрядцы в создании даже и не старообрядческих учебных заведений. Мы уже упоминали о Педагогическом Институте в Москве имени Шелапутина (старообрядца). Богатейшее здание археологического Института в Москве построено главным образом на капиталы старообрядческих жертвователей. Известный всей просвещенной Москве старообрядец К.Т. Солдатенков был крупнейшим меценатом, и его благотворительностью

пользовались многие ученые, в особенности студенты. Старообрядческие стипендии были учреждены в университетах обеих столиц - Петрограда и Москвы. Многочисленные гимназии и реальные училища и другие школы в провинции создавались на средства старообрядческих благотворителей и жертвователей. Обо всем объеме культурной деятельности старообрядцев мы не можем говорить в нашей краткой Истории. Последняя и без того получается далеко не краткой. Очертим лишь то, что ими сделано в области просвещения за десятилетний "золотой" период.

Старообрядцы всегда стремились к знанию и свету. Верно говорит историк Н.И. Костомаров, что в русской истории "раскол был едва ли не единственным явлением, когда русский народ - не в отдельных личностях, а в целых классах - без руководства и побуждения со стороны власти или лиц, стоящих на ступени высшей по образованию, показал своеобразную деятельность в области мысли и убеждения"^{*467*}. Гонимые, преследуемые и истребляемые, старообрядцы все же ухитрялись заводить у себя школы грамоты всюду, где только они приютились или укрылись: в монастырях и скитах, в лесных дебрях и пустынных окраинах необъятной России. На далеком севере, в знаменитой Выговской пустыни (Олонецкой губернии), была устроена высшая школа с преподаванием в ней даже философских дисциплин^{*468*}, тогда как, что нелишне отметить, не только в то время, в XVIII в., высшие иерархи господствующей церкви чуждалась философии: по словам современного философа Густава Шпета, "ее князья удушали ладаном, семинаристы - уличной пылью и грязью"^{*469*}, но даже уже в XIX в. настаивали на уничтожении ее^{*470*} светские "руководители школьного просвещения"; и действительно выбросили ее из университетов в 50-х годах прошлого столетия^{*471*}. Старообрядческая литература XVII и XVIII вв. стояла гораздо выше соответствующей литературы никонианской того же времени^{*472*}. Стремясь к широкому и глубокому знанию, старообрядцы в то же время чуждались и избегали казенных школ всех типов, ибо в них в большинстве случаев старообрядческие дети теряли свое "святое-святых": веру, убеждения, церковно-религиозную настроенность, святой дух и душу старообрядчества^{*473*}.

Чуждались они в том числе церковно-приходских школ, созданных Победоносцевым с исключительной целью - обниконианить русское население; их сторонились и единоверцы.

Хотя в каждом древлеправославном приходе существовали старообрядческие школы, но все они были нелегальными, запрещенными и преследуемыми властями, и потому содержались или втайне или окупались немалой мздой местному начальству всякого чина. В школах этих преподавалось лишь церковно-славянское чтение (по Псалтырю и Часовнику или Часослову), иногда церковное

пение и чистописание, в иных и арифметика. Огромное число старообрядческих детей получало подобные знания дома, от своих родителей, в большинстве случаев - от своих дедушек и бабушек. Это была, как видим, весьма скудная грамотность, но многие пополняли ее самообразованием - усиленным чтением церковной и святоотеческой, а также и светской литературы - и жизненной практикой. С такой грамотностью и образованностью старообрядцы стояли гораздо выше окружающего их православного населения, что не раз и отмечали даже официальные исследователи "раскола"^{*474*}. Старообрядцы заводили у себя школы и высшего типа, но таковые правительство преследовало и закрывало. Так, в 1835 г. было закрыто в Москве такое старообрядческое училище. Это было мрачное николаевское время. Но и позже, именно в 1869 г., была закрыта тоже московская школа, прекрасно обставленная и помещавшаяся на Покровке. В 1879 г. московские и петербургские старообрядцы ходатайствовали о разрешении им открыть на свои средства и под контролем правительства торговую школу. Но в этом им было отказано только потому, что они - старообрядцы^{*475*}. В 70-х годах XIX столетия старообрядцы во всеподданнейшем прошении императору Александру II писали: "Мы чувствуем крайнюю нужду в просвещении и потому молим о повелении, дабы нам позволено было иметь свои собственные училища, низшие и средние; в них мы желаем воспитывать детей наших в страхе Божиим и развивать их способности преподаванием точных наук и нужнейших чужих языков"^{*476*}. В то время средние школы существовали в России лишь в столицах, Петрограде и Москве, да в наиболее культурных губернских городах. Всеподданнейшее ходатайство старообрядцев, разумеется, не было удовлетворено. В последнее же царствование стали усиленно преследоваться и примитивные старообрядческие школы: просимых школ правительство не разрешало, а нелегальные - закрывало, содержателей же их и преподавателей отдавало под суд. Перед старообрядчеством, таким образом, стояла перспектива: или оставлять свое молодое поколение совершенно безграмотным, или губить его в казенных школах, где воспитывали бы его в духе, чуждом не только старообрядчеству, а вообще религии. К счастью, скоро наступила новая эпоха, получившая название "освободительного движения", и старообрядцы получили возможность создавать свои школы и иметь своих учителей.

Просветительская деятельность

Во времени "освободительного" движения все многомиллионное старообрядчество в России имело только две разрешенные правительством школы: одну в Риге (Прибалтийском крае), названную, по имени ее устроителя "Гребенщиковской", и другую в д. Бугровке, в двадцати верстах от Нижнего

Новгорода (за Волгой), построенную на средства крупного старообрядческого благотворителя Н.А. Бугрова в 1889 г. Обе школы имеют весьма показательную историю. Гребенщиковская была открыта при старообрядческой молельне в 1818 г. с разрешения Прибалтийского генерал-губернатора Паулуччи. Но в 1832 г. она была закрыта по предписанию из Петербурга, хотя это была единственная русская школа не только в Риге, но и во всей Прибалтике. Посланный в Ригу Министерством Народного Просвещения чиновник Н.С. Лесков (известный писатель) для обследования положения старообрядцев докладывал правительству: "Тридцать тысяч русских подданных, поселенных между немцами, не имеют ни одной русской школы, а в смешанные школы старообрядцы не посылают своих детей, уча их кое-как по два, по три". Только в 1883 г., после сорокалетнего перерыва, вновь была разрешена Гребенщиковская школа^{*477*}. Бугровская же школа в Нижегородском крае была разрешена по милости самого обер-прокурора Синода Победоносцева. К нему был очень близок Н.А. Бугров. По его же ходатайству, Победоносцев предложил Министерству Внутренних дел издать в 1895 г. "совершенно секретный" циркуляр, которым разрешалось "православным" священникам переходить в "беглопоповский раскол". Об этом мы говорили в своем месте. Делалось это Победоносцевым с целью как-нибудь приостановить переход беглопоповцев к Белокриницкой иерархии. В целях поддержания беглопоповского "раздора" была разрешена и школа Бугрову^{*478*}. С похвальной завистью смотрели все остальные старообрядцы на разрешенные школы, Гребенщиковскую и Бугровскую, и многие из них ходатайствовали перед правительством, ссылаясь на эти школы, о разрешении и им таковых. Но все эти ходатайства не имели никакого успеха. Все вероисповедания могли иметь в России и имели свои школы (еврейские существовали даже на государственный счет) только одни старообрядцы, исконно русские люди, строители России, не имели этого права. Можно представить себе, какая радость охватила все старообрядчество, когда ему стало позволено в 1905 г. учреждать свои школы, низшие и средние, внося свои лишь средства.

Перед старообрядчеством стояла гигантская задача огромной сложности, требовавшая не только колоссальных средств, но и особого внимания, большой осмотрительности, глубоких знаний, - работа, ответственная перед Богом, перед Церковью и Родиной: предстояло в спешном порядке открыть тысячи старообрядческих школ, по крайней мере, по одной в каждом приходе. Но для них нужны прежде всего преподаватели, причем с образовательным цензом, а их не было. Нужны учебники, а они не были составлены даже по таким предметам, как Закон Божий, церковная история. Требовалось в срочном порядке организовать курсы для подготовки не только учителей, но даже законоучителей, ибо

правительство требовало, чтобы и последние имели соответствующий образовательный ценз [...]. Главное же - нужны были деятели и творцы такого грандиозного предприятия: их требовались тысячи, соответствующих делу по многим качествам. Ибо "истинное просвещение есть строительство души", как определялось оно совершенно верно в старообрядческой литературе. Построить тысячи церквей [...] было гораздо легче, чем создать тысячи школ, и старообрядцы с церковным строительством справились успешно. За школьное строительство принялось все старообрядчество, но главная и самая ответственная работа была взята [...] Советом Всероссийских Съездов старообрядцев. Уже на [...] Всероссийском Съезде, состоявшемся за пять лет до [...] был поставлен вопрос об открытии старообрядческого училища, на втором была уже избрана "Училищная Комиссия" [по следующим] вопросам: для выбора типа школ, разработки программ, [...] изыскания способов получать разрешения на их [создание], средств на их содержание на местах. Вопросы просвещения обсуждались и разрешались на Всероссийских Съездах. В Совете Съездов шла непрерывная работа по этим вопросам все десять лет "золотого" периода. Было учреждено особое "Справочное Бюро" по школьным делам. Был издан Советом "Справочник по образованию". Совет издавал и учебники для старообрядческих школ, организовывал курсы для подготовки учителей, и вообще руководил всем просветительским делом, и, чтобы в этом деле быть в согласии со всеми приходами, рассылал по ним анкеты и всякого рода запросы и справки. В то же время Совет находился в постоянных сношениях с правительством, ходатайствуя перед ним по разным просветительным и школьным нуждам старообрядчества.

Старообрядческие школы по всей России начали расти после 1905 г. с такой быстротой, как полевые цветы в раннюю весну, несмотря даже на многочисленные препятствия на местах - то от местного начальства, ошеломленного "свободами", то, главным образом, от православного духовенства и даже, в некоторых случаях, от земств и городов. На Рогожском Кладбище в Москве уже в 1906 г. была открыта четырехклассная школа. В столице было легко найти дипломированных старообрядческих преподавателей. В том же году в Прибалтике открыто было шесть старообрядческих школ. Но оттуда, как и из многих мест старообрядческой Руси, неслись требования: "Дайте учителей!" Подготовка достойных учителей была наиболее трудным делом. Освященный Собор разослал всем священникам утвержденную Министерством Народного Просвещения программу подготовки на звание учителя и законоучителя и предложил им приняться за эту подготовку. Лишь некоторые священники, из молодых, пошли на это испытание и сдали экзамен на звание учителя и

законоучителя. Остальные же, особенно из стариков, находили для себя невозможным по разным причинам готовиться к сдаче экзамена на получение дипломного права. Учительские курсы открыл раньше всех Нижегородский епископ Иннокентий в своей епархии, именно в Нижнем Новгороде, потом последовало открытие педагогических курсов на Рогожском Кладбище, а также и в других городах. Пошла в учительство главным образом старообрядческая молодежь.

Но организованные старообрядцами учительские курсы давали недостаточное количество преподавателей, да и самые курсы по своей программе были недостаточны. Из проведенной Советом Съездов анкеты по старообрядческим приходам выяснилось, что 60% старообрядческих детей учатся в земских и министерских школах, что сравнительно с общим населением страны, старообрядцы в процентном отношении идут впереди всех в деле образования своих детей. Выяснилось из той же анкеты, что на местах старообрядцы поднимают вопросы об открытии для их детей профессиональных школ: технических, ремесленных, агрономических, торговых и т.п., об организации школ передвижных, курсов для взрослых, воскресных школ, об устройстве воскресных вечеров, внебогослужебных чтений и бесед, об открытии библиотек, читален и других просветительных классов. В наиболее населенных старообрядческих районах подняты вопросы и об открытии своих гимназий, реальных училищ и учительских семинарий. Настойчиво ставились требования и женского образования. По складу своего характера, по большей чуткости к детским желаниям, учительницы более соответствовали должности руководительниц в начальных школах. Их охотнее и принимали старообрядческие общины в свои школы. Словом, дело просвещения в старообрядчестве принимало широкий размах и становилось всеобъемлющим. Но правительство не весьма охотно откликалось на эти желания и стремления старообрядчества, и представителям Совета Съездов приходилось очень часто беспокоить соответствующие министерства своими ходатайствами.

На Десятом Всероссийском Съезде было принципиально решено открыть для всего старообрядчества богословско-учительский Институт, который подготовил бы старообрядческих учителей, законоучителей, священнослужителей и церковно-общественных деятелей. К общей радости всех старообрядцев, за осуществление сего взялся Совет московской общины Рогожского Кладбища. Начались ходатайства перед правительством, была представлена ему разработанная программа Института. Институт рассчитан на шесть лет (т.е. шесть классов). Первые четыре класса соответствуют по программе существовавшим казенным учительским Институтам. В них введено лишь преподавание Закона

Божия по старообрядческим учебникам и История старообрядчества. Два последние класса исключительно богословско-философско-педагогические; они были самыми важными и завершительными. В октябре 1911 г. Совет министров разрешил таковой институт, но не предоставил ему никаких прав. В следующем году институт был уже открыт, с общежитием при нем для прибывших учеников из провинции. В апреле 1914 г. состоялась на Рогожском Кладбище закладка огромного двухэтажного здания для Института и общежития при нем. В следующем году Институт помещался уже в собственном здании, воздвигнутом на средства старообрядческих жертвователей. Постройка и оборудование его обошлась в триста тысяч рублей. Половину этой суммы внес С.П. Рябушинский, председатель педагогического совета Рогожской общины, он же наблюдал за всеми работами по постройке Института. В июле 1914 г. вспыхнула война между Россией и Германией, она печально отразилась на Институте: не пришлось открыть два последних класса, так как всех учеников четвертого класса призвали на военную службу.

В провинции старообрядцы проявили не менее яркую деятельность в деле просвещения. Помимо того, что они устраивали школы и учительские курсы, организовывали вечерние классы и чтения, они учреждали и особые союзы и общества по делам просвещения с их отделами. Отметим хотя некоторые из них. Так, в 1908 г. такое общество открылось в г. Риге, оно имело задачи и цели не только просветительные, но и благотворительные. Нелишне отметить, что в состав его входили старообрядцы как беспоповского согласия, так и приемлющие Белокриницкую иерархию. В одном отчете этого общества говорится: "Совместное пребывание всех старообрядческих групп роднит их, дает им возможность приходить на помощь самим себе и другим труждающимся". В 1909 г. организовалось "Русско-старообрядческое Общество просвещения в Курляндской губернии", оно имело "задачей - распространение просвещения среди старообрядческого населения Курляндской губернии". "С этой целью Общество, - как говорится в его Уставе, - учреждает и содержит приюты, училища, курсы для взрослых, народные читальни, библиотеки и т.п., устраивает чтения и беседы, выдает учащимся пособия и снабжает их учебными принадлежностями; собирает статистические и иные сведения о постановке и нуждах школьного дела среди старообрядческого населения". С более широкими задачами возникло в 1910 г. "Старообрядческое просветительно-благотворительное Общество" в Санкт-Петербурге, по инициативе старообрядцев - членов Государственной Думы. Оно ставило себе целью "изучение истории и быта старообрядчества, поддержание устоев старины, содействие нравственному и умственному развитию, ограждение, в особенности молодого поколения, от пагубных влияний

неверия и безнравственности и единение старообрядцев без различия согласий на почве просвещения, благотворения и взаимопомощи". Деятельность Общества распространяется на всю Россию.

С не менее широкими задачами организовалось и в Москве, в июне 1914 г. (за месяц до войны с Германией), "Культурно-просветительное Общество старообрядцев". По его Уставу, оно имело целью: "1) выяснение и удовлетворение правовых, общественных и материальных нужд старообрядчества; 2) пробуждение интереса к изучению прошлого и настоящего старообрядчества, его истории, литературы, быта, искусств; 3) распространение просвещения среди старообрядцев, чисто научных и прикладных знаний; 4) объединение всего старообрядчества без различия согласий". Особенностью этого Общества было то, что в состав его могли входить лица лишь с высшим образованием и, главным образом, студенты и студентки высших учебных заведений: университетов, институтов и женских высших курсов. Оказалось, что в одной Москве набралось таких лиц около пятисот человек. Общество это широко развернуло свою деятельность: студенческая молодежь с присущим ей энтузиазмом собиралась на заседания Общества и обсуждала здесь многочисленные старообрядческие вопросы и нужды, и сама знакомилась с ними, набираясь новых сведений и более глубоких знаний о старообрядчестве и готовясь передавать их потом в приходах старообрядческих и всему населению. Комиссия по организации Общества в том же году устроила в Москве публичный диспут о старообрядчестве с привлечением на него университетских и академических профессоров и некоторых философов. Программа диспута была поставлена очень широко: она охватывала все стороны старообрядчества. Диспут прошел блестяще, даже академические ученые (Духовной академии) отмечали положительные стороны старообрядчества. К сожалению, диспут не был доведен до конца: полиция его закрыла. Доклад делал Ф.Е. Мельников.

Просветительная деятельность старообрядчества относится к его положительным сторонам. Как видим, она была очень широка и глубока.

Старообрядчество никогда не боялось света знаний и науки, всегда стремилось к самому широкому просвещению и образованию. Это убедительнее всего показал и доказал "золотой век" старообрядческой истории. В это время старообрядцы проектировали даже устройство монастырей университетского типа, чтобы из них выходили старообрядческие деятели не только высокообразованные, но и глубоко одухотворенные, пропитанные не только знаниями, но и благочестием. Вот науки, которыми должны были заняться старообрядческие монастыри, как предлагалось в одной программной статье: "История раскола и старообрядчества" должны быть непременно обработаны самими

старообрядцами. Также очень важно установить определенную связь старообрядческой Церкви с древнерусской Церковью и через нее - с древнехристианской. Важно для старообрядцев исследовать историю церковной книги, историю иконографии, историю обряда, как его внешней стороны, так и его символики. Очень желательно, - говорит автор статьи, - чтобы и в воспитании молодежи обряду стремились придать всю его одухотворенность, всю его внешнюю и внутреннюю красоту. Изучение богословских наук в этих ученых монастырях подразумевается само собой"^{479*}. Нельзя не выразить большой скорби, что сначала война с Германией ослабила всю эту просветительную деятельность старообрядчества, а потом страшным ураганом разрушительная революция погубила в крови и огне всю страну, а с ней все просветительные и иные начинания старообрядчества.

432 По мнению французского ученого наших дней, знаменитого автора книги "Аввакум и начало раскола" Пьера Паскаля, "золотой век истории старообрядчества продолжался десять лет" - с 1906 г. по 1917 г. Мы, однако, можем включить в этот "век" и 1905 и 1917 годы, так как в 1905 г. "золотая" деятельность старообрядчества уже началась, а в 1917 г. еще продолжалась, несмотря ни на кровавую войну европейскую, ни на еще более кровавую октябрьскую революцию: и церкви достраивались, и книги и журналы издавались, последние выходили даже в 1918 году.

433 Дела и факты этого периода довольно обстоятельно освещены в старообрядческой печати того времени: в "Голосе старообрядца" 1916 г., "Слове правды" 1907 г., в "Церкви" 1908-1917 гг.

434 См. правила: 37-е Апостольское; 5-е 1-го Вселенского Собора; 19-е IV Всел. Соб.; 8-е VI; 6-е VII; Карфагенского Собора правила: 27 (18), 62 (51), 63 (52), 84 (74) и 106 (95); Антиохийского - 20-е, Лаодикийского - 40 (39) и др. Об избрании епископов церковным народом свидетельствуют правила: 99-е правило Карфагенского собора говорит: "Пасомые должны искать себе епископа" (полн. переводов). В 66 правиле того же Собора говорится: "Да поставляется епископ по желанию каждый церкви"; в 112 правиле сказано: "Народу не должно быть отказано" в присоединении к тому епископу, которого он, т.е. народ, желает; в 132 правиле того же Собора говорится, что народ большинством голосов избирает себе епископа. В толковании на 1-е правило св. Апостол засвидетельствовано, что этим правом народ пользуется с апостольского времени (в Трехтолкового Кормчей). Св. Киприан Карфагенский утверждает, что поставление епископа "не иначе должно быть совершаемо, как с видом предстоящего народа, чтобы

присутствующие могли и открыть преступления злых и возвестить заслуги добрых". Св. Киприан Карфагенский. Творения. Ч. I. С. 316 и 317. То же говорят и другие св. отцы и исторические памятники. Все великие святители древней Церкви были избраны народом.

435 Преподобный отец пятого века в "Памятных записках" своих. С. 33. В "Старообрядце" и "Старообрядцах" 1906-1912 гг. и "Старообрядческой мысли", в "Трудах Всероссийских Съездов Старообрядцев" и в сборных "Постановлениях" того времени.

436 Кормчая. Л. 25-25 об.

437 Св. Епифаний Кипрский. Творения. Ч. 5. С. 302.

438 Пидалион (греческая Кормчая). М., 1888. С. 278.

439 Бладобритие в настоящее время так вкоренилось в старообрядческую среду, в особенности в беспоповскую, что приходится отметить словами пророка Давыда: "Все уклонились, сделались равно непотребными" (Псалом 13:3).

Ношение длинных волос священнослужителями также сделалось в старообрядческой среде всеобщим обычаем, несмотря даже на то, что все видят апостолов и древних святителей на святых иконах изображенными с подстриженными волосами, за исключением лишь некоторых. Шестой Вселенский Собор воспретил ношение длинных волос даже инокам (42-е правило).

440 Упоминаемая брошюра была издана в последний раз в Кишиневе епископом Иннокентием под названием "О бладобритии".

441 В рукописи последняя цифра года проведения Собора не читается. Но в Словаре "Старообрядчество" указан год официальной канонизации протопопа Аввакума на Освященном Соборе в 1916 г. Старообрядчество... М.: Церковь, 1996. С. 9. - Ред.

442 "Обращение единоверцев" и ответ на него напечатаны в журнале "Слово Церкви". 1917. № 28.

443 Всем этим святым старообрядческой Церкви уже составлены отдельные Службы Иннокентием, тогда Нижегородским епископом, потом (в эмиграции) Кишиневским и Тульчинским и, наконец, митрополитом Белокриницким.

444 "Положение" это напечатано в ж. "Слово Церкви". 1916. № 36.

445 В 1988 г. в празднование 1000-летия Крещения Руси первым старообрядческим митрополитом Московским и всея Руси был избран Алимпий (Александр Капитонович Гусев). Старообрядчество... С. 16. - Ред.

446 На каждом Съезде велись довольно обстоятельные записи их деяний и потом печатались и рассылались по всем приходам в виде книг, снабженных в приложении всякими докладами и разного рода справками. Всего вышло более двадцати книг. Некоторые из них представляют очень большие тома. Записи

новых Съездов напечатаны гектографическим способом, а остальных - типографским. Это богатейший исторический материал.

447 18 съезд состоялся в последних числах мая 1917 г. Но был еще 19 съезд, открывшийся 22 августа того же года, он, однако, был признан лишь "Совещанием старообрядцев", так как на него прибыло мало уполномоченных, ввиду тогдашних железнодорожных забастовок и прочих разбросов.

448 Церковь. 1908. № 33. С. 1122-1123.

449 Законопроект о старообрядческих общинах в Государственной Думе. Стенографический отчет. Речь А.И. Гучкова. С. 149.

450 Труды этого Съезда составили огромный том под названием "Материалы по вопросам земельному и крестьянскому".

451 Церковь. 1914. С. 113.

452 Любопытно, что на обложке одного румынского катехизиса, изданного в Кишиневе, помещена фотография Рогожской колокольни.

453 Знаменитый немецкий ученый Шпенглер так определяет различие между старой и новой культурой: "Сенсуалистам нашей эпохи большая, всеобъясняющая, отражающая все богатства души форма показалась бременем. Они стали проповедовать "естественные права" человека в противоположность традиции, т.е. против оказавшегося непосильным величия своего прошлого; право на лягушечью перспективу в жизненных вопросах - в противоположность орлиной перспективе предков. Отсюда та глубокая, рационалистическая ненависть к авторитетам и установлениям, та революционная жажда и у Ницше, и у Будды избегать, презирать и уничтожать в области социальной, политической и художественной все возросшее, заменить, ого неорганическими результатами научного анализа; причем путем странного извращения фактов: это именовалось заменой искусственного естественным, короче говоря, вся та внутренняя борьба против макрокосма, как итога культуры, которую "последний" человек перестает воспринимать как свое и поэтому ненавидит во всех ее внешних исторических остатках. Шпенглер. Закат Европы. Советское издание. Т.1. гл.У. С. 359.

Замечательно, что так же определяет новую культуру и наш русский оригинальный философ Федоров. Он отмечает, что "для прогрессистов дурно все, что есть, а еще хуже все то, что было, что прошло; им представляется хорошим то, чего еще нет". Но они забывают, что "будущее станет настоящим и прошедшим, т.е. дурным. Таким образом, очевидно, что истинный прогрессист есть необходимо пессимист". Федоров Н.Ф. Философия общего дела. Т. 1. С. 18. Федоров остро бросает этим "прогрессистам": "Занятые тряпками, т.е. живым делом, как это кажется людям нашего времени, они с гордостью смотрят на археологов, занятых ветошью; как не сказать нынешнему поколению: не гордись,

тряпка, завтра будешь ветошью" (стр. 497). В применении этой "тряпки" к латино-польской культуре, которая захлестывающей волной надвинулась на Русь и при царе Алексее Михайловиче, эмигрантский профессор А. Карташев говорит: "Напуганная русская душа метнулась от нее в старообрядчество, убежала в леса и подполье и закрепилась там под впечатлениями совершенно чуждой и жуткой для нее стихии петровской реформы и нового европейского просвещения. Детски искреннее чутье этой души не обмануло ее. С Петром пришло на Русь и воцарилось на ней совершенно иное просвещение, идущее от иного корня, имеющее иное основание. Там ... целью было небо, здесь земля. Там Законодателем был Бог, здесь автономный человек с его мощью научного разума. Там критерием поведения было мистическое начало греха, здесь - хотя и утонченная, но в конце концов утилитарная мораль общежития..." // Путь. Париж, 1928. № 9. С. 36.

454 Проблемы русского религиозного сознания // Сборник. Берлин, 1924. С. 252.

455 Там же. С. 246.

456 Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. Париж. С.10

457 Аввакум. Житие, им самим написанное, и другие его сочинения. М.: АН СССР, 1933. С. 32.

438 Вышеуказанные "Проблемы". С. 141. Другой эмигрантский писатель, М. Курдюмов, отмечает, что "если бы благочестие было корнем и основой цельной внутренней жизни и высших слоев тогдашнего общества, то оно не уступило бы так легко даже и петровскому напору, оно не растеряло бы так быстро своих духовных ценностей и не докатилось бы к царствованию Екатерины до обезьяннего подражания всему европейскому... Вольнодумные "летиметры" того времени, в головы которых вольтерьянство проникало непосредственно из пудренных париков (за недоступностью этим головам других источников), разве они в каком-то смысле не были далекими предтечами наших безграмотных марксистов и наших неумытых безбожников? Если легкость разрушения старой Руси мы будем объяснять повальной пассивностью русской природы вообще, то куда же тогда придется отнести все наше старообрядчество, пронесшее свое двуперстие через пытки, костры и ссылки? Старообрядчество устояло на корню, потому что оно пронизывало жизнь до конца, а не было поверхностной ее облицовкой" // Путь. Париж, 1931. № 29. С. 57.

459 И.С. Аксаков писал: "Крестьяне, одаренные духовными талантами и жаждущие приложить свои силы к трудам умственным, при недоверии к обществу, правительству и духовенству... бегут к старообрядцам, где и находят особого рода общество людей ученых, т.е. начитанных, обширные библиотеки, читателей, издателей, переписчиков и все пособия для свободного общения мысли и слова"

// Русский Архив. 1886. № 4. С. 629-637. Советский литературный критик, [Р].Ф. Куллэ, говоря о современном поэте Николае Ключеве (старообрядце), замечает: "Там, в Олонецкой, Архангельской и Заволжских губерниях - до Урала и Сибири, в "лесах и горах", у заповедных озер, в водах которых "посвященные" видели очертания затонувшего "Китежа-града", хранились и накапливались богатства словесной руды, всегда золотоносной, всегда изобилующей густым, ярким, суггестивным символом". Куллэ. Поэт раскольничьей культуры // Вестник Знания, 1927. № 7 столб. 418.

460 Нововременский знаменитый публицист г. Меньшиков говорит: "Хотя старообрядцы и считались со времени Алексея отсталыми фанатиками, но на деле, подобно английским диссидентам, они всегда были наиболее передовым, наиболее культурным слоем, наиболее жизнеспособным их всех. Их фанатизм свидетельствовал об их искренности и серьезности, а такие люди всегда головой выше толпы, легкомысленной и либеральной, готовой менять верования по команде начальства. Глубокая вера в Бога есть сила души, вроде той, что толкает пушечное ядро: попробуйте остановить его. Направляемые этой верой и приверженностью к обряду, староверы или бежали из России на глухие окраины, или бежали в Польшу, Австрию и Турцию, или замыкались внутри своих общин, претерпевая самые безжалостные гонения, лишь бы отстоять гордость своей души - свободу веры. Ни жестокий Петр I, ни жесточайший Бирон, ни крутые власти николаевских времен не могли сломить обособленности старообрядцев, и пришлось кончить тем, что государство капитулировало перед ними. Но разве это похоже на отсталость? Именно у старообрядцев вы видите основную силу цивилизации, основной, так сказать, заряд прогресса - характер. Это строгий темперамент, это идеализм, страсть к чистоте души, за которую хочется бороться - хотя бы до самосожжения в срубах. Все это, знаете ли, не мелочь, это качества богатырские и не мудрено, что старообрядцы за двести лет гонений и всевозможных ограничений сумели сделаться самою выдающеюся частью крестьянства и купечества. Религия есть культура духа как же можно было считать старообрядцев отсталым элементом, если они были наиболее религиозные люди". По собственным наблюдениям Меньшикова над деревенским бытом старообрядцев, они "казались умнее и развитее православных. На них лежал хороший культурный облик, Сдержанный тон, чинность манер, приличие языка (вместо зловонного сквернословия православных), трезвый и ясный взгляд на вещи - все это ставило старообрядцев в своего рода артистический разряд среди деревенского населения" // Новое время. 1913. № 13363; Церковь. 1913. № 23. С. 552.

461 Матвей Иванович Платов - войсковой атаман Донского казачьего войска, генерал от кавалерии. Возведен в графское достоинство за храбрость и заслуги в войнах с Наполеоном. См. Словарь: Старообрядчество... С. 225. - Ред.

462 Возможно, имеется в виду русский поэт и военный писатель Денис Васильевич Давыдов, который в период Отечественной войны 1812 г. явился одним из организаторов и руководителей партизанского движения. - Ред.

463 Прокопий Дмитриевич Шелапутин принадлежал к старинному роду купцов белокриницкого согласия. Был коммерции советником; был возведен в дворянское достоинство; кавалер нескольких орденов. Городским головою был в Москве в 1812 г. и еще некоторое время после изгнания французов. См. Словарь: Старообрядчество... С. 311. - Ред.}

464 По характеристике даже такого светского писателя, как г. Мережковский, "послепетровская культурная Россия, думая, что борется с Церковью, то есть с историей, с народом за свое спасение, - на самом деле борется за свою погибель: страшна борьба, похожая на борьбу самоубийцы с тем, кто мешает ему наложить на себя руки". Мережковский. Л. Толстой и Ф. Достоевский. Изд. Сытина. Т. XI. Ч. I. С. 12-13. В.В. Розанову гимназическое и университетское просвещение представлялось "нигилизмом, страданием и насмешкой над Россией". Голлербах. В.В. Розанов: жизнь и творчество. Сов. изд. С. 10(7).

465 Вышецитированный нами профессор Карташев, кстати сказать, бывший обер-прокурором Синода в дни керенщины, говорит об эволюции русского казенного православия: "Православие новой латино-схоластической школы, новых храмов и живописи в стиле барокко и ренессанса, новой оперной музыки, светское, государственное православие, встревоженное научно-протестантскими проблемами, модернизированное задачами внутренней миссии. Вот результат этой революции" // Париж. Путь. № 9. С. 38. Необходимо, однако, заметить, что это "православие" все-таки удерживалось от многих других увлечений именно старообрядчеством, как консервативным началом, в чем признавались не раз синодские архиереи. Часто в Синоде, при попытках ввести что-либо новое в церковь (например, в царствование Николая I - музыку в храмах при богослужении, как в католичестве), ставился вопрос: "А что на это скажут старообрядцы?" И этого было достаточно, чтобы охладить нововводителей.

466 Известный писатель В.В. Шульгин, прославившийся своими тайными поездками по советской России, в своей книге "Три столицы", описывающей одну из таких поездок, рассказывает, что он в советском поезде "разговорился с одним купцом, который, не стесняясь, крестился, не скрывал своих убеждений и взглядов". "Можно было с уверенностью сказать, - заключил Шульгин, - что он из старообрядцев. Увы! Бог его знает, какими путями это произошло, что, можно

сказать, цвет деловитости русской оказался в старообрядчестве. Впрочем, это понятно. Пусть неверно верили эти люди, но крепко верили. Остальные же, которые легко пошли за новшествами, только в некоторой своей части были просвещеннее и умнее, в остальном же были просто партией К.В.Д. - куда ветер дует... Сугубо было бы интересно углубиться в вопрос: почему торговая купеческая деятельность нередко была связана с глубокой религиозностью?"

Ведь "почти все наше именитое купечество - старообрядцы, которые из-за вопросов веры готовы были идти на костер. Мне кажется, что солидные торговые предприятия создавались многими поколениями. Необходимо, чтобы сын делал то же самое, что отец, а внуки и правнуки наследовали дело дедов и прадедов. Для этого необходимо, чтобы люди в течение ряда поколений, в общем, жили одними и теми же идеалами и руководились одними и теми же правилами. Словом, это должны быть устойчивые психические типы с традицией в крови... Религия есть великая ось. Поэтому люди религиозные всегда будут созидателями длительных больших вещей, рассчитанных на много поколений". Шульгин В.В. Три столицы. Берлин. С. 254-256. Старый писатель, Мордовцев, отмечал в свое время, что одно большое село на Волге, Балаково (Самарской губернии), сплошь населенное старообрядцами, имело такие огромные хлебные операции, что могло диктовать свои цены лондонскому Сити (торговой бирже). Мельников-Печерский о своем времени утверждал, что тогда половина всех русских капиталов находилась в руках старообрядческих деятелей, что заводская, фабричная и торговая деятельность велась, главным образом, ими. Пароходство по Волге создано старообрядцами. Выговцы уже в петровское время имели на Белом море свое судоходство, суда доходили даже до Шпицбергена. Не много они имели судов - всего только четыре. Но "...мы, - говорят о них исследователи, - можем только удивляться, что крестьянское общество, каким, в сущности, были старообрядцы выгоречане, сумело так широко развить свое хозяйство, что имело даже свои корабли и посылало их к Шпицбергену" // Известия Общества Изучения Олонецкой губернии. 1914. № 6-7. С. 67. В суровое николаевское время всякая деятельность знаменитого Выга была прекращена и сам он был разгромлен: погибли и его корабли, и всякое другое имущество.

Ярко описана фабричная деятельность старообрядцев даже в Стародубской глуши (Черниговском полесье). "Сила церковно-семейной общины и талантливость этих великорусских пионеров превратила "брынские" дебри в промышленные центры... Тяжкая вековая работа, начатая во мраке непроходимых лесов, в глухих трущобах увенчалась блестящим успехом. Тайга "брынских" лесов пронизывается теперь ярким светом электрических фонарей. В глуши, где завывал зверь, гудят на все лады фабричные гудки, и шум усовершенствованных

двигателей, приводящих в движение армию тысяч машин и станков, вторит победному гимну русской промышленности. Это описывается только один старообрядческий посад Клинцы (Черниговской губернии), который представляет собою "Манчестер", вырабатывающий лучшие сорта разных сукон" // Московские Ведомости. 1912. № 175; Церковь. 1912. № 32. А какое описание можно представить о московском фабричном районе, об Ивано-Вознесенском, Богородско-Глуховском, Орехово-Зуевском, о фарфоровом производстве Кузнецовых (старообрядцев) и о многих других, покрывающих необозримую страну, включительно до Уральских гор, с их многочисленными заводами, и до беспредельной Сибири, с ее золотоносными рудами... И всюду - старообрядцы и старообрядцы...

Нелишне будет отметить еще один вид деятельности, который нельзя назвать старообрядческим, ибо он является странным парадоксом, но который создавали все же старообрядцы, хотя и увлекавшиеся "веком сим". Лучшие театры в Москве созданы старообрядцами: оперный Зимины (беспоповца Преображенского Кладбища); драматический Незлобина (старообрядца белокриницкого [согласия] из Нижнего-Новгорода); Художественный Саввы Морозова, Солодовникова - тоже на средства старообрядца. Странный это курьез, но из истории его не выбросишь. Впрочем, этот поразительный факт говорит в пользу старообрядчества: даже театральная деятельность не в силах была искоренить его [старообрядчество] из сознания и из сердца этих театралов: они до смерти оставались старообрядцами.

467 Костомаров Н.И. История раскола у раскольников.

468 Дружинин В.Г. Словесная наука в Выговской поморской пустыни. СПб. 1911.

469 Шпет, Густав. Очерки развития русской философии. Петроград, 1922. С. 256.

470 Там же. С. 23.

471 Там же. С. 225 и 256.

472 Об этом можно судить хотя бы по книге В.Г. Дружинина "Писания русских старообрядцев". СПб., 1912.

473 Директор Университетского пансиона Прокопович-Антонский в речи, произнесенной в 1793 г., восклицал: "Ах, время, время почувствовать, что просвещение без чистой нравственности и утончения ума, без обогащения сердца есть злейшая язва, истребляющая благоденствие не одних семейств, но и целых народов". Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. Париж. С. 24. Вся Россия его почувствовала лишь с приходом большевиков, когда в ней восторжествовало безбожие - самое мрачное и самое дикое.

474 Кельсиев В. Сборник правительственных сведений о раскольниках. Вып. IV. С. 166.

475 Пругавин А.С. Запросы и проявления культурной жизни в расколе. - У него же приведены и факты закрытия школ.

476 Церковь. 1915. №1. С. 21.

477 Заволоко И.Н. О старообрядцах в Риге. 1933.

478 Говорили, что Н.А. был очень близок и к жене Победоносцева и делал ей весьма ценные подношения.

479 Церковь. 1916. № 31. С. 644.

Богослужение и иконография.

Церковное чтение и пение

Богослужение старообрядческое особенное, своеобразное, только одному старообрядчеству присущее, отличающее его от всех других церквей: латинской, протестантской, никонианской... Если вы войдете в старообрядческий храм во время богослужения, то сразу же, по одной внешности, заметите, что тут все особенное, иное, чем в других исповеданиях. Прежде всего, иконопись - древнерусского или византийского письма в выдержанном церковном стиле: ни одной живописной картинки. Подлинно - иконопись, а не живопись^{*480*}. За престолом, в алтаре, как и на хоругвях, как и на церковных куполах и на всех приличествующих местах, - Кресты исключительно восьмиконечные; четырехконечных нигде не заметите, кроме как на священнослужительских облачениях. Всякая старообрядческая церковь имеет два клироса - правый и левый^{*481*}, где стоят чтецы и певцы. Молящиеся резко разделены на две категории - мужчин и женщин; мужчины стоят на клиросах и за клиросами, а женщины - в задней половине храма^{*482*}. В некоторых храмах мужчины занимают правую половину церкви, а женщины - левую. В прежнее время (совсем еще недавно) все мужчины - старые и молодые - были одеты в кафтаны (длинные одежды до пят с многочисленными сборками сзади, в талии, или лишь суженные, без сборок), а женщины в сарафаны (тоже длинные до пят платья, без всяких украшений) и обязательно с покрытой платком головой^{*483*}. Все молящиеся стоят рядами, молятся сообща: одновременно крестятся, одновременно кланяются, где это требуется церковным уставом и порядком. Все должны быть внимательны в совершающейся службе и знать, что и когда нужно делать. Если возглашается или читается: "Приидите поклонимся", - все враз творят положенные поклоны. На возглас священника: "Мир всем!" - отвечают: "И духови твоему", - и при этом приклоняют голову. То же делается и на возглас: "Главы ваша Господеви приклоните". Поклоны трех родов: поясные, земные великие и метания: великие совершаются с головой до земли (до полу), а метания только руками до полу. Для земных поклонов имеются в церкви особые "подручники" (от слова "под руки"), чтобы на них класть руки (собственно, ладони, сложенные в ряд), а не прямо на

пол, который может быть пыльный или грязный. Ограждаются крестным знаменем истово, а не как попало, иначе сосед заметит: "Что ты болтаешь [рукою], как никонианин". Моление в рассыпную, кто когда вздумал, не допускается. В последнее время и "православные" богословы начали осуждать такое моление, которое является отличительным признаком исключительно никонианского богослужения, нет его даже у сектантов. "Многие молящиеся в храме во время анафоры молятся своей самостоятельной, а не соборной молитвой, - говорится в сборнике парижских богословов "Живое предание", - благодарят Бога за свои радости, несут Ему свои скорби и просят у Него помощи в своих нуждах. Собрание верующих, к великому сожалению, не сознает себя единокорным и единомышленным и единым перед Господом, на котором вся Церковь и мир окружают Главу - Христа. В отношении мирян к евхаристии и литургии наблюдается элемент соборного, социального распада, который усугубляется грехом редкого причащения. Это есть соучастие в социальном грехе - грехе нелюбви к ближнему" ("Живое предание - православие в совершенности". Париж. С. 188). Больше того: это грех разрушения молитвенной соборности, единокория и единомыслия. Это и просто беспорядок, который не может быть терпим ни в каком деле, ни на каком собрании, ни в какой организации, кроме как только в одной бывшей господствующей в России церкви - и то лишь за богослужением. Непозволительно молиться и на коленях, это латинский обычай^{*484*}, принятый в сектантстве и в "православии". Считается бесчинием и стоять за Богослужением небрежно, как попало: расставив ноги или одну вытянув или отставив, а на другую опираться^{*485*}, или переминаясь с ноги на ногу. Требуется стоять прямо и твердо, как солдат во фронте, только чуть наклонив голову в знак смирения и руки скрестив на груди, прижав их. Каждая служба церковная начинается и заканчивается так называемым "семипоклонным началом" (т.е. семью уставными поклонами^{*486*}). Поэтому всякий богомолец, пришедший не к началу службы, обязательно "кладет" (т.е. молится) этот "начал" и этим, так сказать, входит в общую службу, "связывается" с нею, свою молитвенную "нить" вводит в общую "ткань" богослужения.

Отличается старообрядческое богослужение и чтением разными "погласицами": одной погласицей читаются "кафизмы", "часы", "славы", другой - "шестопсалмие", третьей - "паремии", четвертой - Апостол, Евангелие, особой погласицей - поучения, Пролог (жития святых) и т.д. Чтение должно быть неторопливым, внимательным, отчеканенным. Светская же манера чтения, принятая, например, в сектантстве (и, кажется, ни в какой другой религии), совершенно не допускается, как профанирующая Богослужение, низводящая его до обыденного газетного развлечения^{*487*}. На некоторых чтениях полагается

сидение: главным образом, за всенощной - самой продолжительной службой. Так, молящиеся садятся на чтении паремий, Пролога, поучений, седальнов; в некоторых приходах сидят и на кафизмах (то есть во время чтения их), что не установлено в церковном "Обиходе". Для сиденья в каждой церкви имеются скамьи, тянущиеся на всю длину стен, а под ними "про запас" - еще маленькие переносные скамеечки. Но есть в богослужении такие моменты, когда не разрешается не только сидеть, ни даже переходить с места на место, тем более - выходить из церкви: это при чтении Евангелия, шестопсалмия, вступления ко всякой службе (Царю Небесный, Святыи Боже, Пресвятая Троице, Отче Наш и Приидите поклонимся), а также при пении Херувимской, Символа веры, молитвы Господней ("Отче Наш"). В эти моменты даже поправлять свечи и лампы не допускается.

Богослужение есть молитва - беседа души с Богом, здесь все должно быть благоговейным, чинным, сосредоточенным, погруженным в "небесный поток". В Богослужении неуместно ничто низменное, суетное, греховное^{*488*}. Причем молитва должна быть общей, не разрозненной, а слитой в одно общецерковное русло, ибо молится вся церковь, - "едиными усты и единым сердцем славит Бога", как и возглашается в литургии. С апостольских времен и пение в церквях было общим, пели все: мужчины и женщины, старые и юные^{*489*}. Святые отцы свидетельствуют, что и в последующие века было так же^{*490*}.

В старообрядчестве сохранилось до сего времени древнерусское церковное пение, каковым оно было на Руси до Никоновской реформы, по духу своему, по тональности и всему строю отвечающее именно Богослужению. Это не светское пение с его всевозможными эмоциями, эффектами, многоголосием и многими другими прелестями, а церковное, подлинно религиозное, молитвенное^{*491*}. В церкви не должно быть никакой театральности, и богослужение не драма, не игра, а сердечное, внутреннее слитие с Божеством, то есть, по содержанию своему, Богодействие, а выражается оно в храме Божиим чтением и пением. "Ничто не возбуждает, не окрыляет так духа, ничто так не отрешает от земли, - говорит св. Иоанн Златоустый, - как пение стройное, как песнь священная по правилам ритма". "Настроившись на мелодии слов, - говорит другой великий св. отец, - душа забывает о страстях, с радостью взирает на ум Христов и помышляет только обо всем лучшем" (Афанасий Великий).

Но с Никоновских времен стало вводится в России за богослужением новое пение - светское, вычурное, "фряжское", против которого протестовал еще священномученик Аввакум^{*492*}. Потом оно превратилось совсем в театральное под именем пения "италианского"^{*493*}.

Старообрядческое пение унисонное, т.е. однотонное: строго требуется в нем, чтобы общий, соединенный звук, независимо от количества певцов, был вполне однородного характера, не нарушаемого покушениями кого либо из певцов выделить свой собственный голос: . Идеал такого пения - единодушие, сглаженность, чтобы "спевшиеся" певцы настолько приладили свои голоса один к другому, что при всей их органической разнохарактерности (басы, тенора, дисканты с их тембрами) пение их производило впечатление одного неразрывного целого. В таком пении не допускаются не только многоголосие (партес) или трехголосие, но даже так называемые вторы ^{*494*}. Все мелодии в старообрядческом пении подчинены восьмигласию: разделены на восемь гласов, т.е. ладов - от первого до восьмого; в одно воскресенье поются стихеры, возвахи, ирмосы на первый глас, в следующее - на второй и т.д., чередование идет в течение всего года. Некоторые стихеры поются еще на "подобны" - тот же глас, но мелодия более замысловатая, особенная, имеющая свою тоновую лестницу. Кроме того, в старообрядческом пении есть еще демественный напев. Древнерусские "Степенные" книги называют демественное пение самым прекрасным, а Летописи - изящным. Демество не подчинено правилам восьмигласия. Мелодия его более свободна и звучит торжественно, то сразу поднимаясь на большую высоту, то опускаясь на самые низкие ноты. Для песнопений имеются особые книги - певчие, написанные очень замысловатыми знаками, получившими по виду своему названия "крюков", почему и самые книги певчие называются "крюковыми", а пение по ним - знаменным, или столповым (от слова "столп", каковым именуется в славянском языке всякий знак). Знамена, или знаки (крюки) весьма различны и означают не только высоту тона, но и его продолжительность и силу (ударение, подчеркивание, мягкость и твердость и т.п.), означают и знаки препинания, т.е. паузы, замедление темпа, остановки. Крюковые знаки отвечают смыслу песнопения и поэтому имеют (с.290 ***) динамические оттенки: одни выпеваются тихо, другие "борзо", одни означают "качку" голосом, другие - "встряску", "ломку", третьи - "отсечки", "закидки" и иные названия в тоне; они и носят соответствующие названия и требуют соответствующего применения к тексту песнопения. Искусство крюкового пения довольно трудное, и не всякий может его постигнуть. За время двух с половиной веков гонения на старообрядчество, оно во многих приходах было утеряно и забыто, в других искажено до неузнаваемости: пели как кто мог и как умел. Когда там было изучать высокое искусство церковного пения, когда приходилось с пением прятаться по лесам и в подвалах. Не доставало и книг певчих: писались они от руки и стоили дорого. Вследствие такого положения пение церковное пришло в упадок. По местам создавались и напевы разные:

беливский, мысцевский, [...] , киевский, морозовский и др. Мелодии получили наслоения, [...], прибавления и убавления^{*495*}. Пели великолепно лишь в исторически известных монастырях да в богатых приходах. Но и тут не было пение совершенным. Сохранилось оно во всем его величии лишь в Москве на Рогожском Кладбище, тут о нем заботились и содержали большой платный штат певчих. Во всех же остальных приходах всегда пели сами прихожане, подучившись пению или у случайных "мастеров" или самоучкой: от таких певчих нельзя было и требовать какого бы то ни было совершенства в пении; было велегласие и громогласие, но не было "искусства". Наиболее совершенным было "морозовское" пение. Такое название получило оно от имени крупнейшего старообрядческого деятеля последнего времени (перед "золотым" периодом) Арсения Ивановича Морозова, известного фабриканта Богородско-Глуховской мануфактуры (вблизи Москвы). Он имел возможность содержать при старообрядческой церкви на своей фабрике огромный хор певцов и певиц (до 150 человек [...]), составленный из служащих и рабочих фабрик, а [...] "Императорское Общество Любителей Древней Письменности" издало на средства А.И. (посредством светопечати) весь "Круг древнего церковного крюкового истинноречного пения знаменного распева"; в него вошли Октай, Обиход (с Литургиями), Ирмосы, Праздники и Трезвоны. Напечатаны они с рукописи регента Морозовского хора И.А. Фортова^{*496*}. Что особенно было важно, в этом "Круге" была напечатана "Азбука певчая", в которой даны объяснения всем крюкам (знаменам): не только того, сколько какой крюк содержит в себе тонов и каких именно (ут, ре, ми и т.д), но и какая их выдержанность: скорость, продолжительность, переходы вверх и вниз и где над каким текстом, по смыслу его, они пишутся. Эта "Азбука" устанавливала полноту и совершенство искусства церковного пения^{*497*}.

Когда же была объявлена свобода вероисповедания (1905 г.), старообрядчество повсеместно начало восстанавливать церковное пение по "правилам ритма", как выражался св. Иоанн Златоустый. Во многих приходах открылись школы пения, в епархиях организовались курсы для подготовки учителей пения; саратовский епархиальный Съезд постановил во всех приходах епархии открыть училища церковного пения и чтения. Подобная забота была проявлена и в других епархиях. В старообрядческих журналах появились многочисленные статьи по методике пения. В Богородско-Глуховской общине организовалась подготовка учителей пения по очень широкой программе. Вот некоторые пункты ее: 1) правильная постановка голоса (теория и практика); 2) правильное изучение крюков, лиц, фит, кулизм и способы преподавания; 3) правильное изучение демественного пения и способы преподавания; 4) элементарная теория; 5) развитие слуха: сольфеджио,

диктант; 6) краткие сведения о формах гласового пения; 7) история церковного пения в России и т.д. Руководителем этой подготовки состоял заместитель Фортова по управлению Морозовским хором П.В. Цветков - восходящее яркое светило на певческом небосклоне.

Почти с такой же программой организовались курсы пения при Московском Братстве Честного Креста под руководством Л.В. К[...] ^{*498*}, тоже прекрасного знатока церковного пения. (Есть его собственного составления и издания "Азбука" по пению, очень ценная по содержанию). При Братстве же организовался и показательный хор под руководством Я.А. Богатенко, преподавателя церковного пения в старообрядческом Институте, богатого эрудита [...] и проникновенного методиста и исследователя по пению, главным образом, церковному, древнерусскому ^{*499*}. Во многих приходах организовались женские хоры - не только в городах, но и в селах, в станицах. Однако появление женских хоров в церквях за богослужением смутило некоторых старообрядцев, и вопрос о женском пении в церквях восходил на рассмотрение Освященных Соборов. Освященный Собор, состоявшийся в 1911 г., рассмотрел этот вопрос на основании церковно-богослужебных книг ^{*500*}, святоотеческих творений и истории церковной, постановил: "Представить разрешение пения женщин в храме усмотрению епархиального епископа, соображаясь с обстоятельствами и общественным мнением" ^{*501*}. На местах, во всех епархиях, были разрешены епископами женские хоры. В годы войны (1914-1918 гг.) многие приходы обслуживались одними лишь женщинами и девицами, даже в Московских храмах пели девицы. Пение их было допущено в церквях самого Рогожского Кладбища, ибо и тут оскудел состав мужских певчих.

Еще задолго до только что названной войны, старообрядческое пение под руководством опытных его руководителей настолько выровнялось и окрепло, приняв свой настоящий, неискаженный вид, что такие его вдохновители, как вышеназванные Цветков и Богатенко, решили вынести его на оценку широкой публики: они стали устраивать в Москве и Петрограде, а также и в других городах публичные концерты старообрядческого пения. Первый концерт Цветкова с Морозовским хором (в 130 человек) был дан уже в 1908 г. в Большом зале московской Консерватории и в том же году и в Петрограде, в тамошней консерватории. Концерты имели блестящий успех. Если раньше к старообрядческому пению "православные" ценители, за редкими исключениями ^{*502*} относились отрицательно, признавая его скучным, тягучим, даже "гнусавым" ^{*503*}, то теперь они были в большом восторге от него. Залы консерваторий были переполнены слушателями, среди них преобладала благодарная публика, достойные ценители пения: профессора высших учебных

заведений - университетов, институтов, регенты и учителя певческих хоров, представители господствующего духовенства и, главное, профессора и преподаватели в консерваториях, а также преподаватели филармонического училища, синодального певческого училища. Все они отзывались похвально о старообрядческом пении, признавая его истинно церковным, подлинно религиозным, создающим настоящее молитвенное настроение.

Печать обеих столиц также оценила старообрядческое пение. Им заинтересовались даже дворцовые круги, и Морозовский хор был приглашен и придворную певческую капеллу в Петроград, где и пел попеременно с дворцовой капеллой. "Одушевленно, могуче лилась древняя, как само христианство, церковная мелодия, перечувствованная и переработанная верующей русской душой, - отзывалась столичная пресса на старообрядческие концерты, - недаром же ученые наши композиторы видели в нашей старой церковной музыке близость с народной песней. Чувствовался в пении широкий простор полей русской родины, элегический, но могучий". Некоторые органы печати старый отзыв Мельникова-Печерского в его классических "Лесах" о старообрядческом пении на Иргизе: "Вот уж истинно ангелоподобное пение там. Стоим, бывало, за службой-то, всякую земную печаль отводит, никакая житейская суета в ум не приходит... Да, великое дело - церковное пение: душу к Богу подымлет, сердце от злых помыслов очищает...". Концерты Морозовского хора повторялись в последующие годы, вызывая тот же восторг и похвалы^{*504*}.

Я.А. Богатенко начал выступать на публичной концертной сцене со своим хором при Московском Братстве позднее - с 1911 г., притом на первых выступлениях с демонстрацией лишь духовных стихов, псалм и собственного старообрядческого творчества. Это творчество отражает в себе или молитвенные и религиозные чувства, или поэтические пересказы библейских и евангельских событий, или же, наконец, заключают в себе исторические факты из эпохи гонений на старообрядчество. Пение этих стихов было не церковным, а домашним: распевались они во время праздничного отдыха и во время работы, при семейных торжествах и празднествах (во время, например, свадьбы), заменяя собою светские песни. Выступления свои Богатенко сопровождал объяснениями: это были концерты-лекции, знакомившие публику не только с характером пения стихов, но и с их историческим смыслом и происхождением. Выступления Якова Алексеевича с братским хором было встречено и оценено публикой и специалистами-знатоками, а также и печатью не менее восторженно, чем концертные демонстрации Морозовского хора. Потом г. Богатенко ввел в свои концерты и чисто церковное старообрядческое пение. Выступал он с братским

хором не только в Москве, но и в Петрограде, Егорьевске, Ржеве и других городах, всюду имея неизменный успех.

В Петрограде устраивал "вечера песнопений" и свой местный хор - Громовского старообрядческого Кладбища, под управлением диакона Харлампия Маркова, и так же с большим успехом. Такие вечера песнопений начали устраиваться и в других городах местными старообрядческими хорами.

Ободренные и воодушевленные успехами на публичных выступлениях, господа Богатенко и Цветков осмелились демонстрировать старообрядческое пение даже на исключительно "православных" собраниях и съездах и в специально ученым учреждениях, впрочем, по нарочитым приглашениям. Так, на состоявшемся в Москве в 1910 г. всероссийском съезде хоровых деятелей был посвящен особый вечер для концерта Морозовского хора. Перед началом его Н.А. Богатенко прочел доклад "Забывтое искусство", а П.В. Цветков перед исполнением каждого песнопения давал объяснение его характерных особенностей. Это демонстрирование старообрядческого пения перед лицом съехавшихся со всей России регентов и содержателей православных хоров, а также представителей разных ведомств и учреждений имело громадное значение. Уже на самом Съезде один из членов его прочел о церковном пении доклад, в котором решительно заявлял: "Необходимо вернуться к старинной церковной мелодии". Несомненно, что и многие другие члены съезда увезли с собою в свои захолустья такое же впечатление^{*505*}. В 1912 г. на очередном всероссийском Съезде регентов и хоровых деятелей, состоявшемся тоже в Москве, выступил с докладом "О крюковом пении" уже представитель господствующей церкви, протоиерей В.М. Металлов - преподаватель пения Московской консерватории, в синодальном училище и археологическом институте. Он доказывал необходимость вернуться к древнерусскому церковному пению: "Старинные русские напевы, запечатленные в крюковом знаменном пении, обладают несомненными достоинствами и часто превосходят по своей выразительности (вполне доступной пониманию молящихся) современные церковно-музыкальные пьесы"^{*506*}.

В 1913 г. Я.А. Богатенко выступал с братским хором на юбилейном Археологическом Съезде в Москве, им был прочитан и доклад: "Русское духовное пение прошлых веков (церковно-богослужебное и домашнее)", который был напечатан в "Записках" Съезда. Даже такое совершенно светское учреждение, как музыкально-этнографическая комиссия в Москве, посвятила одно свое заседание выслушиванию доклада г. Богатенко о старообрядческом пении с демонстрированием последнего братским хором. Председатель названной комиссии, Н.А. Янчук, выразил даже пожелание, чтобы были снаряжены специальные научные экспедиции в такие старообрядческие места, как Заволжье,

Стародубье, на Ветку, на Кавказ, в Сибирь, чтобы "обследовать и собрать устный материал, хранящийся в народном предании, так как этот материал исчезает год за годом, а молодое поколение старообрядцев, заражаясь новшествами, забывает старину". И старообрядцам г. Янчук пожелал: "Пускай же они не забывают своей родной старины, своих родных песнопений". Нашлись, однако, и в старообрядчестве некие "новогласы", которые пытались ввести в церковное пение некую гармонизацию, удваивая и утраивая голосовые созвучия. Но здесь они получили суровый отпор со стороны иерархии и самого церковного народа и не имели никакого успеха^{*507*}.

Одновременно с развитием и укреплением повсеместно в старообрядческих приходах знаменного пения возникли и старообрядческие издательства певческих книг. Так, в Киеве основалось издательство Л.Ф. Калашникова под фирмой "Знаменное пение". Оно выпускало книги литографированные. В Москве организовалось издательство М.Д. Озорнова, оно начало печатать певчие книги типографским способом. С ним потом объединилось Калашниковское издательство. Книги стали дешевы и доступны по цене самому бедному приходу. Издательство "Знаменное пение" обязалось, в силу соборного постановления, предоставлять рукописи книг, предназначенные для печати, на предварительное рассмотрение и разрешение московскому архиепископу. Только такие издания благословлял Собор вводить в приходское употребление. Таким образом достигалось единообразное пение во всех приходах. По вопросам пения начали выходить два специальных журнала: "Церковное пение" в Киеве и "Церковный старообрядческий певческий вестник" в Беливе (у Гуслицы). Церковному пению старообрядчество, как видим, уделяло чрезвычайно много внимания в описываемый период.

Иерархические и церковно-общественные деятели

Описанная в предыдущих главах деятельность требовала многих крупных деятелей. Их действительно было немало, в особенности за [описываемый] нами период, почти все они начали свою деятельность в предыдущий период, еще до получения свобод, когда она была небезопасна и могла вызвать тяжкие последствия: тюремное заключение, высылку, ссылку и другие наказания. В каждой епархии епископ, в каждом приходе священник служили Церкви в силу своих священно-иерархических обязанностей. Но деятельность их была не только иерархической или священнослужительской, но и церковно-общественной: обо всех делах старообрядчества они должны были заботиться и действительно заботились. В древлеправославной Церкви нет классового или сословного священства (духовенства), в ней священство народное, подлинно церковное,

избранное из мирян, из самого общества и поэтому ему близкое, родное, свое. И миряне в Церкви не номинальные члены ее, а живые камни духовного здания (I Петр., 2:5; Ефес. 2:20-22), полнокровные органы Тела Христова, то есть Церкви Христовой (I Коринф., 12:12-30). Наряду со священством и заодно с ним и они должны "работать Господеви со страхом и трепетом", "созидать" Церковь Божию в меру данных им Богом сил, разума и всяческих дарований (Римлян., 12:3-13). Но из них выделялись отдельные деятели, отличаясь от других большим усердием и любовью к Церкви, своими способностями вести церковно-общественные дела, своей отзывчивостью на общецерковные нужды и потребности. Почти в каждом приходе были такие добрые ревнители и благодетели. В нашей краткой Истории мы можем, однако, отметить лишь тех из них, которые имели всероссийское значение по своей деятельности на пользу всего старообрядчества.

Прежде всего отметим священных лиц - иерархов, и в первую очередь, знаменитого Арсения, епископа Уральского (Швецова). О нем мы уже говорили в главах "Белокриницкая иерархия в России", "Ходатайства старообрядцев" и ниже будем еще иметь необходимость говорить о нем. В "золотом" периоде он прожил немного - всего лишь три года с четвертью. Вся его огромная, неутомимая и чрезвычайно важная для всего старообрядчества деятельность протекала в предыдущее время - в течение 45 лет. В решающей степени именно он подготавливал этот действительно золотой период старообрядческой истории. Он был инициатором создания Всероссийских Старообрядческих Съездов, всех тогдашних ходатайств перед правительством о старообрядческих правах и нуждах. Он еще в 1890 г., в знании лишь священноинока, посетил в России всех старообрядческих епископов, собирая от них подписи к заготовленному им Прощению на имя государя об облегчении тяжкого положения старообрядчества. Тот же о. Арсений был арестован и заключен в Суражскую тюрьму Черниговской губернии (почему и не была тогда осуществлена подача этого прошения царю). Епископ Арсений положил много труда на укрепление в старообрядческой Церкви соборности, которая в архиепископствование нерешительного Савватия начала было ослабевать. Главным образом епископ Арсений организовывал все последующие Освященные Соборы, включительно до своей смерти (10 сентября ст. ст., 1908 г.). С его благословения и под его руководством шли тогда и все новые ходатайства старообрядцев об их правах и нуждах. Ни одно крупное начинание в старообрядчестве того времени не обходилось без участия епископа Арсения. Немало он подготовил и достойных заместителей себе в качестве начетчиков, писателей, церковнообщественных тружеников и церковно-иерархических служителей. К числу таковых принадлежит наиболее выдающийся

из них - Иннокентий, епископ Нижегородский, впоследствии митрополит Белокриницкий. О нем как начетчике, писателе и издателе будем говорить ниже. Здесь отметим его лишь церковно-иерархическую деятельность, по необходимости, весьма кратко.

Уже прославленный как начетчик и писатель Иван Григорьевич Усов (таково мирское имя еп. Иннокентия) был поставлен в епископы на Нижегородскую епархию в 1903 г. в молодых годах (33-х лет). Почти все начинания и предприятия в старообрядчестве как того времени, так, в особенности, "золотого" периода, были [организованы] по его инициативе, он же был и первым их [участником]. Так, он первым начал созывать епархиальные съезды; раньше всех организовал у себя курсы для подготовки старообрядческих учителей; прежде других начал созидать в своей епархии монастырь с широко задуманными задачами: не только для иноческого жития образцовый, но и с апологетическими, просветительными, церковно-иерархическими и другими подобными же целями. Смелый, предприимчивый, он много раз лично обращался к правительству со своими ходатайствами по старообрядческим делам и почти всегда имел успех. Особенно много он потрудился в деле примирения с Церковью неокружников, беглопоповцев, беспоповцев, о чем речь будет ниже.

Совсем иного характера был другой иерарх того времени - Александр, епископ Рязанский (в мире Алексей Богатенко). Это был спокойный и тихий труженик усидчиво-канцелярского типа. Он состоял при московском архиепископе Иоанне сначала в качестве епархиального секретаря, а потом возведен был в епископы, в качестве его иерархического помощника. Имея титул епископа Рязанского, он все время жил в Москве и ведал всеми архиепископскими и общеиерархическими делами не только при архиепископе Иоанне, но и при преемнике последнего - Мелетии. Глубокий канонист, еп. Александр выпустил весьма ценную книгу о браках церковных (о степенях родства), которая сделалась руководственной в старообрядческой Церкви. Скончался епископ Александр в 1928(?) г.

Епископ Геронтий (священник Григорий Лакомкин) поставлен в епископы, как и Иннокентий, в молодые годы. Подвижной, отзывчивый на всякое доброе дело, энергичный, он быстро организовал новую Петроградскую епархию, на которую был рукоположен. Предшественник его, епископ Виталий Петроградский, очень недолго пробыл на этой кафедре: вскоре после возведения на нее [почил] о Господе, посему и не мог проявить своей деятельности по управлению. Еп. Геронтий заботился не об одной только своей епархии, но и обо всем старообрядчестве. Он участвовал на священных Соборах того периода и на некоторых из них председательствовал. Родной брат его, Геннадий, епископ Донской, так же отличался своей деятельностью по управляемой им епархии,

участвовал в общестарообрядческих делах. И все остальные епископы описываемого периода были достойными носителями этого [...] и несли возложенное на них бремя служения Церкви Божией с усердием и любовью. [...] К славной плеяде мирских церковно-общественных деятелей старообрядчества золотого периода нужно отнести прежде всех Арсения Ивановича Морозова. В предыдущей главе мы уже говорили о нем, как о создателе великолепного хора, получившего его имя - Морозовского, прославленного на всю Россию, - а также как об издателе весьма ценных певче-крюковых книг^{*508*}. Арсений Иванович принадлежал к старым уже деятелям. Выше нами нередко упоминаемый и цитируемый московский профессор Николай Субботин очень часто сообщал в своем "Братском Слове" о деятельности Морозова как старообрядческого представителя, рисуя его, по своему враждебному обыкновению, как злого "раскольника" и опасного "врага православной церкви". В действительности же толерантный, заботившийся и о "православных", А.И. был лишь беспримесным и примерным во всех отношениях старообрядцем, истинным "ревнителем древнего благочестия", какового достоинства своего никогда не скрывал ни перед православными своими друзьями и знакомыми, ни перед кем бы то ни было. Уже то одно, что он, высокообразованный человек, знавший и иностранные языки, директор и хозяин самой большой в России фабрики, так откровенно безбоязненно являл себя истинным и строгим старообрядцем, было, несомненно, по оценке разных Субботиных, "опасной пропагандой раскола". Близко же к своему сердцу принимал А.И. все дела старообрядческой Церкви и по своему усердию откликался на них. Его знала вся старообрядческая Россия как верного и достойного ревнителя древнего православия. Особенно он усердствовал по отысканию достойных кандидатов на священные степени. Таковых Субботин величал "морозовскими ставленниками". Пользуясь своим авторитетом и влияя на многие церковные дела, А.И., однако, никогда не злоупотреблял им, неизменно проявляя послушание и смирение перед иерархами^{*509*}. Состоя членом Совета московской общины, А.И. принимал участие во всех ее делах. Скончался Морозов в 1930 г. у себя на фабрике, в Глухове^{*510*}.

О Дмитрие Васильевиче Сироткине мы уже говорили в главах "Ходатайства старообрядцев" и "Всероссийские Съезды". Он приобрел в старообрядчестве действительно всероссийское значение, был исключительным ходатаем перед правительством по всем старообрядческим делам. Он именно своей предприимчивостью, настойчивостью и смелостью, заставил правительство переменить свое веками установившееся враждебное отношение к старообрядчеству на благожелательное и покровительственное. Главным образом Д.В. добыл старообрядчеству права и свободу 1905 г. Он снаряжал к

правительству многочисленные депутации, всегда стоя во главе их, неустанно добиваясь намеченных целей. Став в старообрядчестве инициатором проведения Всероссийских Съездов, он неизменно был единодушным голосованием избираем на них председателем. И так же, по единодушному избранию Всероссийских Съездов, он состоял несменяемым председателем и Совета Съездов за все время его существования. Ведя свои огромные коммерческие предприятия (торговлю и пароходства на Волге, по рекам Сибири и на Аральском море), состоя председателем Императорского судоходного Общества и директором многих учреждений, а также занимая еще должность городского главы в Нижнем Новгороде^{*511*}, в военное время - должность председателя военно-промышленного Комитета, Дмитрий Васильевич находил еще немало времени отдаваться всеми своими силами и с любовью старообрядческим церковно-общественным делам. В Нижнем Новгороде существовала и содержалась на его средства старообрядческая церковь и при ней епископская кафедра. После 1905 г. Д.В. воздвиг новую оригинальную церковь, стенная иконопись которой была украшена святыми ликами старообрядческих мучеников и событиями из истории старообрядчества, а при церкви построил подворье и гостиницу для приезжающих в Нижний, в особенности в ярмарочное время, старообрядцев^{*512*}. Как крупный деятель в торговом мире, с широким размахом, он выдвигается торговыми кругами в министры торговли и промышленности. Но большевистская революция с ее кровавым кошмаром вынудила Д.В. покинуть Родину и эмигрировать в Сербию. И здесь, на чужбине, он не переставал интересоваться старообрядческими церковными делами, оказывал материальную помощь старообрядцам, беженцам в Румынии. Родной брат его, Василий Васильевич, эмигрировал в Америку и, занимаясь здесь своим хозяйством, в то же время уделял серьезное внимание старообрядчеству и читал о нем здесь, в Нью-Йорке, публичные лекции^{*513*}.

Наряду с Д.В. Сироткиным по широте деятельности может быть поставлен лишь Павел Павлович Рябушинский - московский старообрядец. В ряды всероссийских старообрядческих деятелей Павел Павлович вступил уже в золотой век старообрядческой истории: впервые появился на очередном Всероссийском Съезде в декабре 1904 г. и сразу же обратил на себя внимание всего Съезда своими предложениями и речами. С тех пор и до самого конца описываемого периода он оставался неизменным деятелем по старообрядчеству, с каждым годом расширяя и углубляя эту деятельность свою. По его инициативе и на его средства был создан в Москве в 1905 г. Всероссийский крестьянский Съезд старообрядцев-хлеборобов. По его же инициативе и на его средства была предпринята Советом Съездов школьная анкета по всем старообрядческим

приходам, разработаны и изданы отдельной книгой результаты ее. П.П. много уделял внимания просветительным делам в старообрядчестве. Он высоко ценил значение печатного слова: на его средства начала выходить в Москве уже с 1906 г. ежедневная "Народная газета" с приложением к ней (два раза в неделю) "Голоса Старообрядца" и "Изборника" (ежемесячного, богато иллюстрированного). По закрытии этой газеты, он издавал "Слово Правды", с ежемесячным приложением того же "Изборника"; затем еженедельный журнал "Церковь" и, по закрытии его, "Слово церкви". Создал в Москве большую ежедневную и политическую газету "Утро России", имевшую по всей стране исключительный успех. П.П. участвовал почти на всех последующих Всероссийских старообрядческих Съездах, участвовал и в делегациях к правительству и государю. П.П. Рябушинский явил собою новый благородный тип старообрядца с высокой светской культурой. Ни высокое просвещение, ни общеевропейское образование, ни большая политическая деятельность, ни торговые, банковские и прочие многочисленные дела, ни пост председателя Московского Промышленного Комитета, ни председательствование в другом Комитете, военно-промышленном, ни, наконец, звание члена Государственного Совета (по выборам от Москвы) и ничто другое не помешали Павлу Павловичу быть не только искренним, убежденным старообрядцем^{*514*}, но и быть крупнейшим старообрядческим деятелем, его защитником, ходатаем и представителем перед правительством^{*515*}. После большевистской октябрьской революции он переехал в Париж, где и почил о Господе в 1924 г., напутствуемый в загробную жизнь епископом Иннокентием, впоследствии митрополитом Белокриницким; он же совершил по почившем и погребение там же, в Париже, где имеется старообрядческая община и молитвенный храм. Родной брат Павла Павловича, Владимир Павлович (тоже общеевропейского образования) живет в Париже^{*516*}, состоит между прочим председателем общества "Икона", имеющего целью знакомство европейской публики с художественными красотами древнерусской иконописи. Там же, в Париже, Владимир Павлович издал составленную уже в эмиграции замечательную книгу "Старообрядчество и русское религиозное чувство".

Михаил Иванович Бриллиантов, о котором мы уже говорили, как о сотруднике Д.В. Сироткина в предыдущее время (до свобод), особенно выдвинулся в золотой период как сподвижник этих изображенных нами титанов старообрядчества - Д.В. Сироткина, П.П. Рябушинского. Обладая большой начитанностью в старообрядческих вопросах, серьезным знанием церковных канонов, святоотеческой литературы, он был незаменимым помощником всероссийских ходатаев за старообрядчество во всех их начинаниях и предприятиях по церковно-общественным делам, всех их представлениях правительству.

Выражаясь юридическим языком, М.И. был всероссийским старообрядческим юристом. Он и состоял заведующим Совецательным Отделом при Совете Съезда, созданном с целью давать советы, отвечать на возможные справки, на все запросы и просьбы от приходов и частных лиц по правовым, юридическим, церковно-общественным и многим другим делам старообрядчества. Такие запросы были тысячами по всей России - из самых отдаленных ее краев, где главным образом и была нужда в этих справках, советах и указаниях и даже в составлении разного рода писем. Все это заполнял М.И. Бриллиантов, а также и его советник по Совецательному Отделу Василий Ефимович Мельников. Последний был часто командирован в провинцию для руководства на местах епархиальными Съездами и другими местными собраниями и организацией сложного дела переселения заграничных старообрядцев на Родину - в Россию. Постоянным сподвижником и сотрудником вышестоящих всероссийских деятелей старообрядцев был и Федор Ефимович Мельников. О нем, и о М.И. Бриллиантове как [известных] писателях будет речь ниже. Здесь мы отмечаем лишь общественную их деятельность. Почти на всех Всероссийских Съездах Ф.Е. был неизменным и незаменимым их секретарем. Многочисленные тома Протоколов Всероссийских Съездов составлены, главным образом, им. Он состоял (по выборам) постоянным членом Совета Съездов и участвовал во всех его делах, во всех представлениях правительству и царю. Он состоял секретарем и самого Совета Съездов.

Деятельными членами Совета Съездов состояли и другие лица: С.Д. [??илов], Н.Д. Зенин (оба из г. Егорьевска, Рязанской губернии), Ф.И. Масленников (из Рязани). Они и в своих приходах были крупными церковно-общественными деятелями. Старообрядческая Москва с ее многими приходами особенно изобиловала подобными деятелями. Славные имена И.А. Пуговкина, М.С. Кузнецова с сыновьями, Рахмановых, Мусориных, Расторгуевых, Кацеповых, Т.С. Морозова^{*517*} и многих других были известны всей старообрядческой России. В провинции же подобные деятели считались сотнями: в Петрограде П.А. Голубин, И.И. Захаров; в Саратове И.Е. Усачев, Т.В. Горин, С.И. Быстров; в Одессе Г.А. Дубинин; в Херсоне братья Тропины ?; в Балакове (Самарской губернии) братья О.М. и П. М. Мальцевы^{*518*}; в Уральске А.В. Симаков, Ф.В. Паршин, Ф.К. Решетов; в Тирасполе (Херсонской губернии) П.С. Болтиков; в Новониколаевске (Томской губернии) Т.А. Чернышев^{*519*}; в Клинцах (Черниговской губернии) Н.А. Степунин, Н.А. Смирнов. Всех их не перечить. Они именно своею ревностною и благочестивою деятельностью золотили и всячески обогащали описываемый нами действительно золотой период старообрядческой истории.

Необходимо подчеркнуть, что в этой "золотой" деятельности наряду с мужчинами принимали большое участие и женщины-старообрядки. Они так же, как и мужчины, являются полноправными членами Церкви Христовой. При Христе они явили себя первыми, раньше самих даже апостолов, благовестницами Христова Воскресения, о чем св. Церковь и поет за каждой воскресной всенощной и особенно - в Пасхальном каноне. В истории старообрядческой Церкви женщины имеют огромное значение^{*520*}. Вспомним хотя бы святых мучениц - боярыню Морозову (в пострижении инокиню Феодору), ее сестру Ангелину Урусову, Марию Данилову, Настасию Марковну (жену протопопа Аввакума), а в последующее столетие - игуменью Манефу (так ярко изображенную П.И. Мельниковым-Печерским). По ним можно судить и о тысячах других подобных ревнительницах и подвижницах^{*521*}. В деле воспитания детей женщины-матери имеют гораздо большее значение, чем мужчины-отцы. Так в семейной жизни, так и в церковной. Во многих старообрядческих приходах образовались женские комитеты по обслуживанию нужд храма и общины; в некоторых общинах женщины избирались в члены советов, в старосты, в казначеи и в другие приходские должности. Даже в общине Рогожского Кладбища, где такое изобилие деятелей мужчин, в члены совета избирались и женщины^{*522*}. Они были и щедрейшими жертвовательницами. На всю Россию известны были имена таких благотворительниц, московских старообрядок, как Ф.Н. Морозова, М.Ф. Морозова, О.А. Овсянникова, М.В?. Хромова, П?.П?. Милованова (в пострижении инокиня-схимница Аполлинария). Много усердных благотворительниц было и в провинции. Они и мужей своих воздвигали, поощряли на святые дела благотворения. Все имена их записаны в "Книге животней" - в памяти Господней.

Начетничество, миссионерство, братства

Начетчик - значит, начитанный человек. Каждый христианин должен быть начетчиком, т.е. знающим свое исповедание, способным защищать свое верование и поэтому должен быть начитанным прежде всего в Священном Писании, а потом и во всей другой церковной письменности. Еще апостол Петр требовал: "Будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением" (1 Петр., 3:15). Все христиане должны быть активными деятелями веры: должны проповедовать Христа и его учение всем, всегда и повсюду, в каком бы звании они ни были. Св. Григорий Богослов, обращаясь ко всем христианам, говорит: "Сие предписываю мирянам, сие заповедую священникам, а равно и тем, которым вверено начальство: вспомоществуйте слову все, кому дана от Бога возможность вспомоществовать. Великое дело воспрепятствовать убийству, наказать прелюбодеяние, обуздать

хищничество; несравненно выше - внушить благочестие и преподать здоровое учение"^{523*}. Начетничество, т.е. знание своей веры и распространение ее, есть, таким образом, священная обязанность всякого христианина. Оно (начетничество), по разъяснению того же великого святителя, "предпочтительно многих бдений, возлежаний на голой земле, которые приносят пользу только упражняющимся в оных"^{524*}, тогда как проповедь благочестивой веры приносит пользу, а главное - душевное спасение многим тысячам и даже миллионам других лиц. Потому она полезнее и славнее многих молитв, спасительнее самых строгих постов и других телесных подвигов; она важнее даже самых великих чудес, например, воскрешения мертвых, ибо воскрешает не тела, а самые души человеческие, которые дороже всего мира ^{525*}.

В так называемой "культурной", светской среде сложилось отношение к начетничеству какое-то презрительное. По интеллигентному представлению, начетничество есть что-то ветхое, устаревшее, пережевывание давно отжившего. Это неверное суждение. В сущности, всякий образованный человек, особенно же профессор, ученый, есть своего рода начетчик, ибо начитан в своей области или в своих познаниях. Знание, главным образом школьное, приобретается из книг, из чтения и изучения их, т.е. из начитанности. Но школьное знание - однобоко и предвзято, оно сужено и втиснуто в определенные программы, тогда как самообразование, т.е. свободное начетничество, шире, глубже, оно может быть и разнообразным и всесторонним. В Англии очень высоко ценится самообразование. Там многие профессора и ученые получили свои звания путем самообразования. Еще блаженный Августин писал: "Для приобретения и усвоения познаний гораздо действительнее свободная любознательность, нежели боязливая и запуганная принужденность"^{526*}. В самой новообрядческой церкви было в XIX столетии немало прославленных лиц, которых, по их познаниям, можно определить как начетчиков, так как свои познания, именно которыми прославились, они приобрели не на школьной скамье, не в университете или академии, хотя и окончили их, а посредством начитанности. Таковыми были знаменитый богослов Хомяков А.С., Аксаков И.С., Киреевский И.В., Филиппов Т.И., выступивший в 70-х годах указанного столетия в обществе Любителей Духовного Просвещения со своими знаменитыми чтениями "О нуждах единоверия"^{527*}, и многие другие. Они были свободными и более глубокими мыслителями, чем казенные профессора и официальные ученые.

История должна констатировать весьма занимательный факт: в самом начале никоновского церковного раскола на стороне никонианства не оказалось ни одного начетчика, и сам Никон был мало начитанным патриархом ^{528*}, поэтому его так легко и так до глупости просто сбили с толку пришлые греки-авантюристы:

Афанасий Пателарий, Макарий Антиохийский и другие. На стороне же старого православия было большое изобилие начитанных пастырей и мирян. Протопоп Аввакум был превосходным начетчиком^{*529*}. Братья Денисовы, авторы "Поморских ответов", были собственно начетчиками и блестяще использовали свою обширную начитанность в тогдашней письменности. Перед их "Ответами" казенные ученые Петровского времени просто невежды: традиционная начитанность победила академические знания^{*530*}.

В царствование Петра I повелось и в господствующей церкви начетничество под громким, впрочем, названием - миссионерство. Но замечательно, что оно создано было все же старообрядцами - "выходцами из раскола": Питиримом Нижегородским и его учениками - Неофитом, Репаловым и др. Но старообрядческая начитанность не принесла им пользы в новой церкви: в ней они убедились, что необходимы для ее оправдания и защиты иные средства - насилие и фальсификации. Питирим, архиепископ Нижегородский, в качестве первого "православного" миссионера опозорил себя и защищаемую им новую веру на все времена, как насильник-мучитель и как бесстыдно наглый фальсификатор подложных документов: "Деяния небывалого собора на небывалого еретика Мартина Армянина", "Феогностов требник" и др. Ученики его отличались этими же конфузными качествами. Но "Диаконские ответы" (Керженские) и "Поморские" силою своих начетнических аргументов принудили этих миссионеров петровской эпохи смолкнуть и самоуничтожиться.

Новое миссионерство, так называемое "противораскольническое", возродилось уже в XIX столетии, во второй его половине. И опять-таки это сделано было тоже "выходцами из раскола" - Пафнутием Овчинниковым, бывшим старообрядческим епископом, и Павлом Прусским, бывшем игуменом в беспоповском монастыре в Пруссии. Пафнутий недолго миссионерствовал в господствующей церкви, скоро опять возвратился в старообрядческую Церковь^{*531*}, а Павел создал в никонианстве крупную миссионерскую организацию, действовавшую включительно до большевистского разгрома России, и с каждым годом увеличивавшуюся^{*532*}. Пропитанный духом беспоповства, Павел Прусский воспитал в этом духе и созданное им миссионерство. Так, оно учило, вопреки академическим богословским наукам, что в еретических обществах (даже второго и третьего чина) прекращается хиротония: там не епископы и не священники, а "простые мужики" и что даже все таинства недействительны и ничтожны в этих неправославных обществах; что святое миропомазание "смазывает", т.е. уничтожает хиротонию, превращая иерархических лиц в "мирских человек"; что епископская благодать имеет материальный характер, вроде струи воды или электропровода и другие беспоповские заблуждения привил Павел своим

миссионерским воспитанникам^{*533*}. Миссионеры были назначены по всем епархиям России, ко времени свобод их насчитывалось уже несколько сот лиц, оплачиваемых солидным жалованием. Они разъезжали по всем тем приходам, где имеются старообрядцы, и вызывали их на публичные беседы; духовных же старообрядческих лиц привлекали на эти состязания с помощью полиции. Миссионеры были сами наиболее усердными помощниками и сотрудниками полиции и жандармерии. Наряду с беседами по вере, они занимались сыском, доносами, [...], закрытием старообрядческих храмов и нагребанием у старообрядцев церковных ценностей: св. икон, книг, облачений и всякой другой утвари. Несмотря на то, что в семинариях и Духовных Академиях существовали кафедры по "истории и обличению раскола", лица, окончившие эти учебные заведения, не смели вступать в собеседования по вопросам веры со старообрядцами. Для этого нужно быть специалистом-миссионером, т.е. пройти еще миссионерскую выучку, начитаться в старопечатных книгах, изучить старообрядческую письменность - стать профессионалом-начетчиком. Побуждаемые натиском миссионеров, старообрядческие начетчики вынуждены были тоже специализироваться для борьбы с ними, чтобы уметь публично, на миссионерских беседах давать отпор этой новой многочисленной армии врагов старообрядчества, вооруженных "до зубов". Возник, таким образом, и в старообрядчестве особый тип начетчиков-собеседников - борцов с миссионерами. Опасная это была борьба, и начетчики этого типа почти все побывали под судом и в тюрьмах. Тип таких начетчиков сложился еще задолго до религиозной свободы. Все начетчики этого типа заслуживают того, чтобы история занесла их имена на свои страницы. Но в нашей краткой Истории мы этого сделать не можем. Дадим сведения лишь о наиболее выдающихся из них. Таковым был прежде всех уже не раз нами выше представленный епископ Арсений Уральский, тогда еще в мирском звании - Онисим Васильевич Швецов. Нужно читать субботинский журнал "Братское слово", чтобы иметь представление об этом знаменитом духовном борце. Профессор Субботин почти в каждом номере своего журнала неистово кричал, чтобы обратить внимание правительства, что "Швецов опасный пропагандист раскола", что он "сеет раскол по всей России", что он "наводнил страну своими подпольными сочинениями и изданиями" и т.п.^{*534*} Швецов действительно во многих епархиях выступал на беседах с миссионерами и всегда одерживал над ними победы. Особенно торжественной была его победа в Петрограде в 1886 г. над синодальным миссионером, протоиереем Ксенофонтом Крючковым^{*535*}. Швецов был уже в звании священноинока Арсения. Нужно заметить, что начетчики прежнего времени пользовались исключительно старопечатными книгами, изданными до Никона

или переизданными с них. Этими же книгами пользовались и миссионеры. Но Швецов .ознакомился со всеми новыми академическими изданиями Творений святых отцов: Василия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского, Златоуста, блаженного Иеронима, блаженного Августина и многих других - и почерпнул в них бесценный материал в защиту старообрядчества. На Петроградских беседах о. Арсений выставил такую сильную и для Крючкова совершенно неожиданную аргументацию, что последний был просто ошеломлен и разбит на всех своих пунктах. Все миссионеры главным обвинением против старообрядческой Церкви ставили, что она в течение 180 лет не имела у себя своего единого епископа. По этому вопросу о. Арсений (Швецов) не только привел многочисленные цитаты из Творений св. отцов о падении епископов в ереси, но и изложил свое исповедание в Символьную Церковь, которое совершенно расходится в самой сущности своей с никонианским школьным богословием. Он выявил внутреннюю сущность Церкви - таинственную, благодатную, Божественную. Непогрешимость Церкви и ее неодоленность заключается не в людях, всегда грешных, всегда падших и преступных, а в Христе и Его благодатных действиях в Церкви^{*536*}. Синодальный миссионер не знал даже, что ответить на это. Но академические круги были заинтересованы мыслями старообрядческого апологета, и о. Арсений был приглашен в Духовную Академию для бесед со студентами. Почти вся столичная печать отметила беседы о. Арсения как победу старообрядчества.

Как отличный собеседник славился в то время и другой выдающийся старообрядческий начетчик - Климент Анфиногенович Перетрухин, состоявший секретарем московского Духовного Совета при архиепископе Савватию. Священноинок Арсений воспитал многих учеников, из них наиболее видными были: священник о. Димитрий Смирнов, священник о. Иоанн Иголкин, священник о. Алексей Старков (впоследствии священноинок Аввакум), М.И. Бриллиантов, Иван Григорьевич Усов, братья Мельниковы, Василий и Феодор. О последних [...] деятелях мы уже говорили выше. Бриллиантов подвизался как собеседник, главным образом, в Москве, так как был московским жителем: он часто [выступал] на беседах с миссионерами, лишь изредка выезжал и в провинцию для бесед. Усов же и братья Мельниковы представляли собою стародубское трио, ибо родились и на первых порах подвизались в роли начетчиков и собеседников в Стародубских посадах и слободах. Иван Григорьевич родился в посаде Святск, Суражского уезда, по профессии был иконописцем. Он жил потом при епископе Арсении (Швечове) в Уральске. В качестве старообрядческого начетчика он исколесил почти всю великую страну Российскую и как старообрядческий писатель прославился на всю Россию, о чем речь будет ниже, в следующей главе,

потом стал епископом с иноческим именем Иннокентий и, наконец, митрополитом Белокриницким, о чем мы уже говорили выше. Судьба братьев Мельниковых сложилась совершенно иначе. На путь начетничества они вступили в очень ранние годы: Василию не было еще полных 18 лет, а Феодор был и того моложе - 16 лет, когда они уже сражались на миссионерских состязаниях сначала в своем родном городе Новозыбкове (Черниговской губернии), а потом - во всех посадах знаменитого Стародубья. Предварительные познания по старообрядческим вопросам они получили от своего родного отца, священника Евфимия^{*537*}. Когда же, именно в 1890 г., в Стародубье был арестован о. Арсений Швецов и по освобождении из суражской тюрьмы, по поручительству Еланского старообрядца Г.А. Гусева^{*538*}, поселился в ожидании суда над собою в старообрядческом монастыре Предотеченском, вблизи посада Клинцы, сюда к нему приехали молодые братья Мельниковы и И.Г. Усов для приобретения больших знаний. В Стародубье Мельниковы свели на нет совершенно все миссионерские усилия свращать старообрядцев: повсюду миссионерство было разбито. Деятельность Мельниковых как собеседников распространилась вскоре далеко за пределы Стародубья: в Москву, на Кавказ, в Бессарабию. Особенно знаменитыми были их беседы в г. Измаил (Бессарабия) в 1893 г. Местный миссионер священник Ф. Воловой просто сбежал от них с первой же беседы, представил фальшивую телеграмму, что его [мать?] как будто бы умерла и на погребение [ее] ему нужно немедленно ехать. Через неделю он возвратился в Измаил с двумя миссионерами - вилковским о. Ил. Софроновичем и клинцовским семинарским преподавателем "по расколу" Маргарито-вым. Но и они были не в состоянии вести беседы с Мельниковыми. Через несколько дней в Измаил приехал из далекого Петрограда сам синодальный миссионер Крючков, командированный обер-прокурором Синода Победоносцевым. Он смог восторжествовать над Мельниковыми только судебным порядком: вместо залы бесед они оказались в камере судебного следователя^{*539*}.

Как Усов И.Г., так и братья Мельниковы усвоили новую тактику бесед с миссионерами - наступательную. Они условливались с миссионерами: "Вы ставьте свои темы и вопросы, какие вам угодно, а мы выставим свои". Мельниковы разработали и новые вопросы, которые старыми начетчиками не ставились: о цезарепапизме господствующей церкви, о синодском строе, о бессоборности никонианской церкви, об ее внутреннем разложении и т.п. Требовали они на беседах равноправия и ведения бесед речами - по очереди, не перебивая друг друга. Редкие миссионеры соглашались на такие условия. Но уже один отказ от них означал поражение миссионеров. Соглашавшиеся же терпели еще более разительное посрамление. Беседы затягивались на долгие часы - на 10-

12 часов^{*540*}. Сообщение миссионеров на 3-м всероссийском миссионерском съезде в Казани в 1897 г. о появлении новых молодых начетчиков произвело большую сенсацию. Миссионерство не знало, что же ему предпринять, и по старой привычке проектировало ряд полицейских мер против старообрядчества. Но и эти меры были вскоре ослаблены установлением в России религиозной свободы^{*541*}. В "золотой" век продолжали свою работу на благо старообрядческой древлеправославной Церкви те же начетки: Швецов и Усов уже в иерархическом звании, Бриллиантов в роли ходатая за старообрядчество перед правительством; Василий Мельников в качестве помощника в Совецательном отделе Всероссийского Совета, Феодор Мельников развил писательскую деятельность, не оставляя в то же время и начетничества, т.е. публичных бесед с миссионерами. Золотой век дал ряд и новых начетчиков, воспитанных уже епископом Иннокентием и отчасти Ф.Е. Мельниковым: Д.В. Варакина, В. К. Кожилкина, В. А. Лукина, А. В. Зайцева, В. Т. Зеленкова, А. А. Селезнева, И. В. Мурашева, Ф.Н. Егорова, Т.Г. Федорова, А.М. Мурашкина, В. И. [Литвинова?], Н.Д. Зенина, Ф.А. Московцева, И.С. Шмаева, А.Д. Токманцева и многих других. К блестящему "полку" старообрядческих начетчиков принадлежал и знаменитый старообрядческий епископ-писатель Михаил, прозванный Канадским. Он воспитанник не старообрядческой среды, а никонианской, академической (окончил Казанскую духовную академию)^{*542*}. На состоявшемся в Киеве всероссийском миссионерском съезде в 1908 г. он вызвал миссионеров на публичный диспут. Таковой и состоялся. Но в собственном смысле публичным назвать его нельзя, так как зал собеседования был заполнен исключительно миссионерами и посторонняя публика не могла попасть в него. Из огромного количества съехавшихся миссионеров (около 300?) только один Крючков согласился беседовать с о. Михаилом - как синодальный миссионер он и не мог уклониться от этого собеседования. Темой беседы был вопрос: могла ли Церковь быть долгое время без епископа. Чрезвычайно яркой и показательной была картина этого диспута. Епископ Михаил (тогда еще в звании архимандрита) вел его с присущей ему серьезностью, ученостью и смирением. Крючков же просто балаганил и неистовствовал: ругался, обзывал своего собеседника "самозванцем", "отступником", "беглецом", "предателем". Этой грубостью он только подчеркивал свое бессилие и невежество. Обращался к нему грубо: "Михаила". Вся же огромная армия миссионеров во главе с Антонием, архиепископом Волынским (Храповицким), при каждой подобной выходке Крюčkова "ржала, как лошади в конюшне", по выражению одного газетного представителя. Конечно, такая "публика" не убедилась доводами ученого собеседника^{*543*}.

"Золотой" период был почти сплошным триумфом старообрядческих начетчиков, потому что они защищали истину и правоту старообрядчества. Победоносные беседы состоялись в том же году и с тем же синодальным миссионером, окруженным, впрочем, и другими миссионерами, его помощниками (Скворцовым, Козловым, Гринякиным, Водягиным, [Ливановым?]) в Петрограде. Со стороны старообрядцев вели беседы Ф.Е. Мельников и Д.С. Варакин. В течение месяца они провели 22 публичные беседы на разные темы. По выражению петроградской газеты "Новая Русь", эти "собеседования, подобно землетрясению, всколыхнули исторически сложившиеся религиозные пласты и наслоения нашей родины и между ними началось глубокое брожение". Насколько победоносны были эти беседы, свидетельствует миссионерская газета "Колокол", которая обращалась к богословам и профессорам Петроградской духовной академии с призывом выручить синодального миссионера. Вся светская печать отмечала поражения миссионеров, а в дворцовой газете князя Мещерского "Гражданин" эти беседы были изображены, как "игра кота с мышью"^{*544*}. Конечно, "кот" - начетчик, а "мышь" - миссионеры. Синод даже постановил прекратить беседы^{*545*}.

Не менее победоносными были беседы Ф.Е. Мельникова в г. Житомире, происходившие под руководством самого Антония, архиепископа Волынского, в 1914 г. и в том же году в г. Чистополе (Казанской губернии) с миссионером - профессором Казанской духовной академии М.И. Васильевским^{*546*}, и почти каждый год - в Нижнем Новгороде, во время всероссийской Нижегородской ярмарки. На эти беседы съезжались миссионеры в большом количестве из разных епархий, чтобы здесь, на практике, подучиться, как вести беседы со старообрядцами. Съезжались сюда и начетчики. Эти беседы были действительно показательными, но не свободными в постановке вопросов: миссионеры заранее сами выбирали и ставили темы для бесед, и начетчики вынуждены были подчиняться им.

Самыми слабыми, самыми трусливыми и самыми поэтому несговорчивыми оказались московские миссионеры. В течение длинного ряда лет, еще задолго до свобод и во время свободы, московские старообрядцы добивались от них и от высшего их начальства согласия вести собеседования на равных правах и по вопросам, совместно со старообрядцами намеченными и разработанными. Просили об этом самих миссионеров, обращались с просьбами к московскому митрополиту, писали даже Синоду в Петроград. Ничто не помогло. Так и не смогли московские старообрядцы добиться равноправных бесед, воистину братских и беспристрастных. Впрочем, и без этих условий московские миссионеры всегда терпели поражения от старообрядческих начетчиков и спасались от них одним

лишь бегством, т.е. вместо представления начетчику очередной речи они запевали "Достойно есть" и объявляли беседу законченной.

Для более планомерной и объединенной деятельности старообрядческие начетки создали для себя в 1906 г. "Союз старообрядческих начетчиков" и ежегодно собирались на свои начетнические съезды, где давали отчеты о своей прошлогодней деятельности, взаимно делились между собою добытыми ими новыми аргументами в защиту старообрядчества и вели между собой практические беседы. Впоследствии "Союз начетчиков" слился с Московским Братством имени Честного и Животворящего Креста Господня, так как почти все деятели "Союза начетчиков" состояли в одно и то же время и членами Братства. Поименованное Братство было учреждено еще в 1874 г., по благословию московского архиепископа Антония. Цель его: "Обсуждение вопросов в области веры и церковно-приходской жизни старообрядчества и стремление к духовному единению"^{547*}. Братство это было весьма деятельным и включало в себя более 200 человек. Главным деятелем был М.И. Бриллиантов, из других деятелей наиболее известны А.Е. Егоров, А.Г. Боев, Лялин; из новых - И.Н. Цепов, А.А. Пашков, Н.В. Мартьянов. В члены Совета входили такие лица, как Я.А. Богатенко, Ф.Е. Мельников, А.И. Королев, А.В. Зайцев, М.П. Агафонов. Председателями Братства были с начала учреждения священник о. Прокопий Лапшин, впоследствии Паисий, епископ Саратовский; потом председательствовали А.Г. Боев, М.И. Бриллиантов, А.И. Королев.

Московское Братство успешно боролось с многочисленными врагами св. Церкви. Оно выпустило разного рода сочинений более 75, изданных гектографическим способом, это в бесправное время грозило весьма тяжкими последствиями. Собрания братчиков до свобод происходили тайным образом и на разных квартирах. Много шума наделало Братство подачей московским миссионерам 105 вопросов. Миссионеры, даже с академическими знаниями, отказались на них отвечать. Только уже спустя много времени на них написал ответы постоянный сотрудник профессора Субботина в "Братском слове" Егор Антонов, тоже опять-таки "выходец из раскола". Но они тогда же были подвергнуты беспощадному "Разбору" со стороны И.Г. Усова (впоследствии епископа Иннокентия). В годы свобод Братство усилило свою деятельность: открыло школу, о которой мы упоминали выше, организовало большой любительский хор, дававший публичные показательные концерты, о чем мы сообщали уже выше, открыло курсы церковного пения, предприняло книгоиздательство, выпускавшее ежегодно до 20 тысяч экземпляров книг и брошюр религиозно-нравственного и богословско-полемиического характера, и ежегодно издавало "Старообрядческий Календарь" в 100 тысяч экземпляров. При Братстве имелась большая библиотека.

В зимние месяцы почти каждый воскресный день читались в зале Братства лекции, доклады, велись беседы на разные религиозные и церковно-общественные темы.

Братства существовали и в других епархиях. Наиболее известным было Петроградское имени святых апостол Петра и Павла, под председательством П.А. Голубина и при секретарстве И.И. Захарова; Егорьевское (Рязанской губернии), в котором выдающимся деятелем был Н.Д. Зенин; Екатеринбургское, Ростовское, Севастопольское и др. Все они на местах принесли большую пользу Церкви и всему старообрядчеству.

480 О характере старообрядческой иконописи мы отчасти говорили уже в главе Храмоздательство. Новые живописные, натуральные иконы не приняты в старообрядчестве. Собственно, это не иконы, а картины. Еще священномученик Аввакум резко и сильно протестовал против нового иконописания: "Пишут Спасов образ Иммануила, лицо одутловато, уста червонные, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, тако же и у ног бедра толстыя и весь яко немчин брюхат и толст учинен, лишь сабли той при бедре не писано, а то все писано по плотскому умыслу, понеже сами еретицы возлюбиша толстоту плотскую и опровергоша долу горняя". Аввакум. Житие... Указ. изд. С. 211. Какие же нужно писать святые иконы, указывал тот же Аввакум: "Старые добрые изуграфы подобие их описуют: лица и руце и нозе и все чувства отончава и изможда от поста и труда, и всякия им выходящая скорби. А вы (к никонианам обращается св. отец) ныне подобие их переменили: пишете таковых же, яко же вы сами - толстобрюхих, толсторожих, и ноги, и руки, яко стульцы. И у каждого святого, - спаси Бог-су вас, - выправили вы у них [образ] бедных: сами они в животе своем не догадалися так сделать, как вы их учинили" (Там же. С. 218). Собственно, характером иконописания определяется и сущность древлеправославия и новоправославия и их различия: старая вера это не земное устремление, а небесное, возвышенное, святое, благодатное, а новая - это все житейское, земное, светское, сластолюбивое, это широкий путь и "многие идут им" (Мф., 7:13). Светские картины, называемые почему-то "иконами", саму церковь обмирщают, небесное низводят на землю, принижают его и вводят соблазн, чего не должно быть в храме Божиим. Красиво и натурально разрисованные святые могут вызывать у молящихся низменные страсти. Много фактов тому. Не без причины же в католической церкви запрещено монахам иметь в своих кельях такие "иконы". Какая, в самом деле, может быть молитва, когда молимся не перед иконой, на которой изображен святой или святая, а перед

картиной, на которой расписана красавица из современности.

В последнее время, начиная с первой войны с немцами, и православные писатели, главным образом светские, начали в старых иконах находить действительно небесное, божественное, а не искать прелесть мира сего. Старые иконы, более двух столетий презираемые и гонимые, вдруг приобрели признание: в них увидели глубокую религиозную символику и цельное мировоззрение (см. брошюру кн. Е.Н. Трубецкого "Умозрение в красках и линиях"). Старая иконопись, - начали ценить ее новые исследователи, - это "одно из величайших мировых сокровищ религиозного искусства", это "шедевр мистически чарующей небесной красоты". Много написано в таком духе статей и трактатов православными знатоками искусства. Даже в романах и повестях воспеваются старые иконы (См., например, [...] Бунина). В эмиграции повсюду видим преклонение наших беженцев перед иконами старого письма: в Париже устраиваются выставки старых икон, новосоздаемые храмы украшаются иконами древнерусского стиля; роспись храма Сергиевского подворья в Париже, где помещается и богословский Институт эмигрантской церкви, вся выполнена в подлинно-старообрядческом духе, что нарочито подчеркнуто в богословской печати: "Весь дух иконостаса, - говорится в этой печати, - соответствует древнерусским, преимущественно старообрядческим образцам" // Православная мысль. Вып. II. Париж, 1930. С. 192 и 194. Здесь и "строгость монастырского пения так гармонирует с темными красками икон, со спокойствием древних ликов, с красотой и глубиной умозрения в красках" (там же. С. 188).

481 "Клирос" - от слова клир, но обычно говорят "крылос" - это высокие загородки в приличном расстоянии от иконостаса с правой и левой стороны церкви.

482 Это порядок древней Церкви. Блаж. Августин (IV в.) говорит, что в его время в христианских храмах при Богослужении было "благоприличное отделение того и другого пола". Августин Блаженный. О Граде Божиим. II. 28. Историк Байе тоже свидетельствует о древних церквях. Байе. Очерк истории искусств. Кн. II. Гл. I. С. 78.

483 Апостол Павел пишет: "Всякая жена молящаяся или пророчествующая со открытою головою, постыжает свою голову... Рассудите сами, прилично ли жене молиться Богу с непокрытою головою?" (1 Коринф., 11: 5 и 13).

В миссионерской газете "Колокол" было в свое время сообщено о таком факте: "Недавно в церкви архиерейского дома (в Кишиневе), благодаря модным женским шляпам произошел несчастный случай: одна вертлявая дама с громадной шпилькой на шляпе проколола щеку рядом с ней стоявшему господину. Местная печать страшно возмутилась этим фактом. Обратил ... внимание и преосвященный Серафим, и в пятницу на первой неделе он произнес проповедь, направленную

против безумий мод. "Мне, - говорил епископ, - шлют письма с просьбой воспретить дамам ходить в церковь в громадных шляпках. Зачем наряжаться, словно на бал, идя в храм Божий. Всего лучше ходить в платках. Ни одна старообрядка, как бы она богата ни была, не пойдет в храм, не покрыв голову платком. Чем же наши православные женщины хуже старообрядок?" // Колокол. 1911. С. 1483. А тем, - ответим мы, - что своими дурными модами заражают и старообрядок.

484 Знаменитый митрополит Киевский бывшей господствующей церкви Антоний (Храповицкий), председатель Синода эмигрантской русской церкви, неоднократно осуждал этот обычай. В эмиграции он выпустил уже "33-е объяснение поклонов", в котором разъясняет, что "сей неразумный обычай появился у нас (т.е. у никониан) только в начале XIX в., а до того времени ни один православный христианин никогда не стоял в церкви на коленях" и что молящиеся на коленях "уподобляются в этом отношении врагам Христовым", которые, "пригибая колени, поклоняются Ему (Марка, 15:19), уже присужденному к смертной казни" // Вера и правда. 1932, 25 февраля. № 27 (эмигрантское издание); напечатано и отдельными оттисками. Есть о молитве на коленях и в "Избранных сочинениях" м. Антония, Белград. С. 349.

485 Раньше считалось такое "разгильдяйское" стояние расслаблением воли, рассеянностью, небрежностью, а теперь "стояние с упором на одну ногу" объявляется "свойством всех религиозно-культурных людей" // Путь. Париж, 1930. № 25. С. 9. Уставы же церковные требуют: "...соедини ноги и очи смежи, и ум собери" (Там же. Требование преподобного Иосифа Волоцкого. № 27. С. 63). "Как хорошо стоять в струнку, не распуская лениво и беспечно членов, держа все их в некоем напряжении", - говорит даже "православный" епископ Феофан Затворник // Беседы о молитве Исусовой. Издание Валаамского монастыря, 1938. С. 398- 399. Замечательно, что даже в еврейской литературе отмечается, что при молитве нужно иметь ноги соединены. Еврейская энциклопедия. Т. XI.

486 Каждый старообрядец знает этот "начал" с детства. Многочисленные Уставы говорят о нем, даже в святцах он часто излагается: в сей день - поклоны приходные и исходные земные или поясные. Имеется это требование и в никонианских богослужебных книгах, но ни один ни архиерей, ни иерей, ни семинарист, ни академик не знает его, потому что оно ни в одном даже монастыре "православной" церкви не выполняется ни за какой службой. Старообрядческая же служба без этого "начала" немислима.

487 Были и в старообрядчестве попытки отдельных лиц, зараженных уличной "культурой", ввести такое чтение, но они всегда вызывали лишь возмущение у молящихся. Соответственно моде можно и Христа изобразить в сюртуке, и

Богородицу подрумянить; может быть, на современный взгляд, это и красиво, но с религиозной точки зрения это кощунство. Это все равно, что бородавка или прыщ на лице: портит общий стиль богослужебного лика.

488 Уже допущение на молящихся модной одежды вносит в церковь некоторую светскость и пестроту, обмирщает ее, ослабляет ее красоту и вносит соблазн и, значит, греховность.

489 Это видно из книги "Постановления Апостольские" (Кн. VIII. Гл. 12 и 13). Святой Исидор Пилусиот говорит: "Апостолы Господни, обучавшие нас благоустройству, с намерением прекратить пустые разговоры в церквах, благоразумно дозволили в них петь женщинам" (Т I. С. 63).

490 Св. Иоанн Златоуст о своем времени говорит: "Вот пропетый псалом соединил различные голоса и устроил то, что вознеслась одна стройная песнь: и юноши, и старцы, и богатые, и бедные, и жены, и мужья, и рабы, и свободные - все вознесли одно песнопение... Из всех составляется хор, всякому принадлежит одинаковое право пения, и земля подражает небу. Таково превосходство Церкви. Ибо нельзя сказать, что здесь господин поет с великим дерзновением, а рабу заграждаются уста или богатый имеет право говорить, а бедный осуждается на молчание, или муж поет с дерзновением, а жена стоит и остается безгласною, но все мы, пользуясь одинаковой частью, возносим общую жертву, общее песнопение; ни тот не имеет преимущества пред этим, ни этот пред тем, а все в равной чести, и одно пение из различных уст воссылается к Создателю вселенной". Св. Иоанн Златоустый. Беседы на разные места Священного Писания. Т. III: Беседа о псалмопении. СПб., 1863. С. 385-386.

491 О таком пении известный светский писатель В.В. Розанов отзывается: "Когда стали петь, я стал вслушиваться в звуки и тайную музыку наших церковных напевов. Все они таковы, что в них как бы умерли все стихии земные; нигде удара голоса, восклицания, ничего горячего, страстного, т.е. могуче и благородно страстного, что для музыки доступно и выразиимо. Все спокойно, тягуче; звучит - но уже бесстрастными звуками. Как бы это поют лики угодников из-за золотоносных риз своих, и пение это прекрасное, особенное, неземное пение". Розанов В.В. Темный лик. С. 65.

492 Он писал в своих "Беседах" о никонианском пении: "Он мой бедной (труженик), мается шесть ту дней на трудах, а в день воскресной прибежит во церковь помолити Бога и труды своя освятити, ано и послушати нечево - полатыни поют, плясавицы скоморошья". Аввакум. Житие... Указ. изд. С. 218-219. В одном письме Аввакум восклицает: "Зело Богу гнусно нынешнее пение!" (там же. С. 349).

- 493 В варшавском Синодальном журнале "Воскресное Чтение" напечатана замечательная статья о церковном пении (№ 44-45). О древнерусском церковном пении автор статьи говорит, что это "дыхание христианских катакомб, умилительное и детски чистое" (С. 668). А о новом отзывается, что оно "исказило дух и стиль духовной музыки", сообщает, что его "насадил" в России знаменитый итальянец Сарти (1729-1802 гг.) в царствование Екатерины Великой. Он в славословие великое вставил даже "канонаду и фейерверк в честь Екатерины" (С. 668 и 669), что и принято было новой церковью и выполнялось. Говорят: итальянское пение красиво, чарующе, захватывает. На это знаменитый философ Вл.С. Соловьев отвечал: "Красивы и танцы, красив и фарс - не вводить же их из-за этого в Богослужение". Хороша соль в своем месте, но если ее всыпать в чай, никто его пить не станет; даже мед в борще неуместен. Все хорошо и своем месте.
- 494 По объяснению глубокого знатока старообрядческого пения, Я.А. Богатенко, "втора", в ее прямом значении, есть постоянное сопровождение основной мелодии добавочными звуками, идущими на всем протяжении пения". "Проходящие же интервалы в расстоянии терции (когда лишь в некоторых местах басы берут ниже) допускаются" // Церковь. 1915. № 14. С. 329.
- 495 Очень несовершенно старообрядческое пение за границей (в некоторых приходах Румынии), его даже трудно признать истинно старообрядческим, до того оно извращено - и по мелодии и даже по выражению текста. [...] На состоявшемся в г. Браилове Освященном Соборе 25 апреля (8 мая) 1941 г. эти недостатки в пении были отмечены, и постановлено: вменить в обязанность приходским священникам и дьякам (уставщикам) следить, чтобы пение в храмах было чинным, правильным и благолепным.
- 496 И.А. Фортов был не только очень глубоким знатоком церковного пения, но и композитором. По предложению названного Императорского общества, он переложил "Творения царя Ивана Васильевича Грозного" и "Стихиры св. Петру" с древней крюковой ноты [нотации] на современную линейную. По предложению того же общества, он написал службу св. Николе Чудотворцу напевом XVI века и канон-молебен с тропарями, кондаками и икосами полностью - для подношения императору Николаю Александровичу. Умер И.А. 24 декабря 1907 г.
- 497 Один из учредителей Императорского общества, издавшего морозовские книги, позволил себе в некоторых местах их, именно в текст их, внести кое-какие поправки. Это обесценило книги, и они не были приняты в старообрядческих приходах, за исключением лишь некоторых, где "поправки" эти все-таки уничтожили.
- 498 Вероятно, речь идет о Л.Ф. Калашникове, старообрядце белокриницкого согласия, авторе "Церковного знаменного пения". - Ред.

499 Впоследствии Я[ков]А[лексеевич] был приглашен преподавателем древнецерковного пения, именно крюкового, в Государственную Консерваторию. Уже при советской власти были изданы его ценные исследования по древнецерковному пению.

500 В чине венчания мужа и жены читается молитва, в которой говорится: "Сия же жена покровенною главою со благоговением и целомудрием добре устрояет себе дела благими и пение приносит славе Твоей".

501 Церковь. 1911. № 37. С. 888. Собор 1913 г. не разрешил смешанных хоров, а также пения женщин в мужских монастырях. Но в Белокриницкой митрополии было принято в особо торжественных случаях допускать пение инокинь в мужском монастыре.

502 Знаменитый композитор, профессор Московской Императорской консерватории С.В. Смоленский писал о древнерусском церковном пении, сохранившемся в старообрядчестве: "Можно сказать без преувеличения, что это русское церковное богатство, к тому же несравненно более сильное мелодически, чем у всех неславянских народов Европы, есть суций краеугольный камень будущей русской музыки". "Если сравнить наглядность и выразительность крюков, объясняющих "меру и силу, и всякую дробь и тонкость", с бедностью квадратных пятилинейных нот, лишенных означений ритмических и означений для выработанных ныне оттенков исполнения, то, действительно, в нотах "никакая же надлежит нужда". "Мне обидно за нынешних русских художников, прямо не знающих и даже не желающих сколько-нибудь узнать этот глубокий мир русских звуков. Это мир озарения самых чистых и простых чувств великой русской души...". Смоленский С.В. О собрании русских древнепевческих рукописей в московском синодальном училище. С. 2-4 и 32-33.

503 "Гнусавым" старообрядческое пение не может быть, ибо оно по своему ладу выполняется открыто, свободно, полной грудью. Намеренно гнусавое пение принято и до сих пор существует в греческой церкви и румынской.

504 Весьма показательно, что и "православные" стали подражать старообрядцам не только в пении, но и в одеянии. Так, по поводу одного такого подражания даже миссионерская газета "Колокол" писала: "Как отрадно было видеть благоговейных певцов и певиц - крестьян. Девушки и девочки покрыли свои головы платочками, мужчины были в приличных русских костюмах. Песнопения древнерусского напева производят сильнейшее впечатление, чем новомодные" // Колокол. 1913. № 2192. Еще знаменательнее, что даже один из сектантских журналов "Верность" (Филадельфия, Америка) заявляет: "Светские мелодии наносят большой урон душам" // Верность. Филадельфия, 1936. № 10-11. С.4).

505 В духовной печати того времени появилось много статей, посвященных церковному пению в православной церкви. Так, и "Вестнике Виленского Святодуховского Братства" священник Л. Рождественский писал: "За Богослужением вы часто не видите надлежащего религиозного настроения у молящихся, несмотря на все ухищрения регента при исполнении церковных песнопений. Разительно это заметно на литургии верных. Наступает время таинственнейшего во всей литургии священнодействия. Приносится Святая Жертва. Молящиеся приглашаются устремить сердце от земли к небу - горе, а на клиросе вдруг заревут: "Милость мира", - "с чердачка" или "пуганное", и всякое религиозное настроение окончательно исчезает... Всевозможные непризнанные композиторы долго еще будут царить на нашем клиросе, в конец убивая наше церковно-певческое искусство, в старину столь славное" // Вестник Виленского Святодуховского братства. № 22. 1913. "Полтавские епархиальные ведомости" писали: "Большинство сельских хоров с их руководителями до сих пор питают пламенную любовь к такого рода произведениям, как Отче наш - "птичка"; Господи помилуй - "соловей" и подобным, "им же несть числа". Этим "вдохновляют" молящихся и, зачастую, и предстоящих" // Полтавские епархиальные ведомости. 1910. № 6. В "Волынских епархиальных ведомостях" была напечатана обширная статья: "О [...] пении, допускаемом в некоторых наших храмах" // Волынские епархиальные ведомости. 1910. № 26. В ней между прочим сообщается: "Прежде всего бросается в глаза неуместная [...] и кощунственная мелодия Херувимской песни. В сельских храмах приходится иногда слышать пение Херувимской песни на мотив "Дубинушки", "Камаринского". В захолустных храмах клиросные "художники" разделяют иногда такие "плясы", что будь не храм - хоть танцуй... Какое поругание, какое кощунство вносятся в храм пением разных "дубинушек"! Какое развращение народа!" Автор припоминает наставление пастырям "преосвященного" Антония, архиепископа Волынского, потом митрополита Киевского и, наконец, в эмиграции - председателя священного Синода эмигрантской православной церкви: "Особенно должно с любовью хранить местные церковные напевы, которые гораздо ближе к богопреданному знаменному и крюковому пению, чем ноты современных композиторов... Увы, последняя русская церковная служба удалась от вселенского общения больше, чем какая бы то ни было поместная церковь". Невольно вспоминаются гневные слова великого Аввакума: "Зело Богу гнушно нынешнее пение".

506 Церковь. 1912. № 25. С. 606. На этом съезде хоровых деятелей не смог участвовать Морозовский хор, так как его талантливого руководителя не было уже в живых: П.В. Цветков скончался 20 марта 1911 г. в расцвете своих молодых сил и богатых дарований.

507 Эти попытки тем более возмутительны, что делаются в такое время, когда даже никониане стараются отделаться от этих "уклонов". Митрополит Антоний (вышеупоминавшийся) и в эмиграции не раз заявлял, что старообрядческое знаменное пение "умилительное", а православное многоголосное "бесмысленное и совратительное" (Брошюра его "Православие и [шовинизм]". Карловцы. 1930. С. 9.). В эмиграции многие церковные и светские писатели изобличали православное многоголосное пение и требовали удаления его из церкви, как свойственного театру, а не храму Божию (см.: иеромонах Иоанн. // Б[...]лое иночество. 1932. С.48-49 [...]; иеромонах Филипп. // Воскресное чтение. Варшава. 1934. № 34 и 35; священник [...] // Церковь и наука. Сидней - Австралия, 1935. № 24. С. 6; И. А. Ильин // Путь. Париж, 1930. С. 127; Н. Ильенко. Вестник русского студенческого христианского движения. 1928. № 1; И. Лаговский // Вестник - орган церковно-общественной жизни. 1937. № 3-4. С. 15 и др. В самом Париже давались концерты знаменного пения православным хором. Сообщалось о них в "Возрождении" (эмигрантской газете): "Когда русский духовный хор исполняет на концертах в Париже песнопения старины, так называемые знаменные распевы, то перед иностранцем - новый мир, а у русского - холодок по спине: эти вещи сочинены около тысячи лет назад, может быть, в Киево-Печерской лавре. Напевы величественны, суровы в своей чистоте, неизукрашенности, писанные "знаменем", то есть как бы иероглифически: нот теперешних не было, звуки изображались рисуночками" // Возрождение. 1938. № 4137.

Замечательно, что в самой римско-католической церкви, от которой никониане позаимствовали партесное пение, очень сильно "унисонное" движение. Еще в XVI в. на Тридентском соборе было решено возвратиться к одноголосному пению. Папа Пий X, большой знаток церковной музыки, неоднократно делал попытки восстановить в католичестве унисон в церковном пении. В наше время "повсеместно возвращаются к строгим древним распевам - параллельно западному григорианскому унисону, который тоже в большой моде" // Путь. № ?. 193?.

508 В книге Панкратова "Ищущие Бога" и в кн. Зингера [...] дана характеристика А.И. Морозову [...].

509 Был, однако, случай, когда по вине Морозова был записан один брак незаконно. Тогдашний московский архиепископ немедленно отлучил А.И. от всякой святыни, пока [...] мер к расторжению этого брака. Как только стало известно [...] срочно состоялось заседание Совета Рогожского Кладбища, состоящего из сорока лиц [...] из именитого купечества, и по его решению А.И. был исключен, как отлученный, из [...] учреждений, в которых он состоял членом. Он

не посмел обсуждать по существу архиепископское отлучение. А.И. принес архиепископу слезное прошение с обещанием [принять] меры к расторжению незаконного брака, и только тогда [было снято] с него отлучение. Тогдашняя светская печать [отмечала этот] факт, как свидетельствующий о великом достоинстве [...]

510 Большевики многих фабрикантов расстреляли; многие фабриканты бежали за границу. Но А.И. остался на месте. Его не тронули большевики, так как на защиту его выступила вся его фабрика, но выселили его из дома, и он поместился со своей женой в сторожке при старообрядческой церкви, терпеливо неся эту [...], в церкви он исполнял обязанности звонаря и старосты, [...] в ближайшей роще собирал дрова, сам топил печи, [...] и не хуже другого пролетария выполнял это. [...] большевики ставили его трудолюбие в пример своим товарищам. В партийно-коммунистической газете "Правда" была напечатана статья под названием "Хозяйский глаз", в которой ярко описывается многообразная былая забота Арсения Ивановича о своей фабрике и о рабочих ее. Замечательно, что, когда в 1905 г. бастовали все фабрики по всей России, только одна Богородско-Глуховская не бастовала. Рабочие так были преданы своему бывшему хозяину, что, когда он умер, горько плакали о нем и решили нести его на Рогожское Кладбище, в Москву, за 60 верст от Глухова, на своих руках. Но такого "торжества" не допустила советская власть: она свезла тело А.И. Морозова на Рогожское Кладбище на [...]

511 По избрании в городские головы, Д.В. Сироткин счел своим религиозным и гражданским долгом представиться местному архиерею "православной" церкви и заявить ему, что он, Сироткин, как городской глава должен присутствовать в православном соборе на царских молебнах, но как старообрядец не может принимать ни благословения, ни других каких-либо "освящений" от новообрядческого епископа или других священнослужителей.

512 Для благочестивых людей эта гостиница была очень удобна; [...] в ней готовилась пища по уставу: в скоромный день - скоромная, а в постный - постная. Тут же рядом и церковь для молитвы со священником и причтом. Кроме того, останавливающийся на этом подворье старообрядец пользуется как комнатой, так и кухней бесплатно в течение трех дней, по истечении которых может продолжать и дальше пользоваться помещением и столом, но уже за плату. Впрочем, очень умеренную.

513 Известный писатель Максим Горький написал очерк "Н.А. Бугров", посвященный этому старообрядческому крупнейшему финансисту, изданный советским издательством. В нем Горький говорит о Д.В. Сироткине, как виднейшем старообрядческом деятеле, но дает о нем и неверные сведения, что он

будто бы поставлен в старообрядчестве епископом. Очевидно, Горький спутал Сироткина со старообрядческим епископом Иннокентием - тоже Нижегородским.

514 Искренность и убежденность П.П. доказывается не только тем, что он посещал старообрядческий храм, помогал ему материально, состоял членом Совета местной общины, участием в церковно-общественных делах старообрядчества и изданием старообрядческих органов печати, но и писательским участием в них: передовица в первом номере "Голоса Старообрядца": "За что вы гнали нас" - написана Павлом Павловичем. Даже на политических выступлениях он указывал на старообрядчество, как на пример его внутренней канонической организации, которому могла бы и должна бы последовать господствующая церковь. П.П. как бы хвалился своей принадлежностью к старообрядческой Церкви.

515 Еще задолго до "золотого" века начал складываться иной тип "просвещенного" старообрядца - отступнический и посему преступный: окончит он высшее какое-либо учебное заведение, получит чин или теплое бюрократическое местечко и уже... забыл старообрядчество. У него нет никаких убеждений - ни старообрядческих, ни никонианских. Он и сам не знает, кто он. Даже имен таких "старообрядцев" наша История не может знать.

516 Владимир Павлович Рябушинский умер в Париже в 1955 г. - Ред.

517 Тимофей Саввич Морозов, только что окончив университет, был избран членом педагогического совета старообрядческого Института и принимал самое близкое участие в делах Института и материально помогал ему. В войну с Германией был произведен в офицеры. Большевики же его расстреляли.

518 Паисий Михайлович Мальцев, собрал весьма ценную библиотеку редкостных книг и рукописей и подарил ее Саратовскому Университету, а мог бы и должен бы пожертвовать ее старообрядческому Институту или Рогожскому Кладбищу в Москве, которое к тому же имело и свое великолепное редкостное собрание книг и рукописей. Мальцевская библиотека обогатила бы это собрание.

519 Тарас Антонович Чернышев был таким ревностным старообрядцем, что никогда не нарушал установленных Церковью постов, хотя бы это требовалось светским этикетом. Так, состоя городским головою г. Новониколаевска (столицы Сибири), он неоднократно по должности своей бывал на губернаторских обедах, и губернатор, зная это благочестие Чернышева и ценя его, всегда приказывал готовить ему постные блюда, если это было в постные дни.

520 См. брошюру профессора П.С. Смирнова: "Значение женщины в расколе" // Отдельный оттиск из ж. "Христианское чтение".

521 В ж. "Церковь" 1914 г. в № 36 напечатана замечательная статья епископа Михаила (подписанная "Аминь"): "Женщине старообрядке". С. 825-827.

522 Слово церкви. 1916. С. 306-307. Женщины с апостольских времен почитались в Церкви как сотрудницы Божий. Еще св. Игнатий Богоносец (ученик апостола Иоанна Богослова) писал: "Почитайте сих, иже в девической чистоте живут, яко же Христовых священников; вдовицы же, яко в чистоте пребывают, яко же алтарь Божий" (Посл. к Тарсянам и в Летописи Барония, лето 109, число 4). Маркелла, вдова в Риме, "Свеща ясная всея Церкви бяше" (лето 382, число 4). О ней же говорится: "Господь Бог жену возбуди, оную преславную Маркеллу, яже очи отверзати иереям" (лето 307, число 4). Благочестивый папа Сирикий(?) на святость Мелании "полагашеся" (там же). Другой папа древнего времени [...], "похваляет жен", Анастасию и Далматию, которые крепко стояли при православной вере, "егда епископы отпадаху" (лето 510, число 3).

523 Св. Григорий Богослов. Творения. Ч. III. Сл. 37. С. 192.

524 Там же. Ч. II. Сл.21. С. 171.

525 Там же. Ч. II. Сл.21. С. 171.

526 Августин Блаженный. Исповедь. Кн. I. Гл. 14.

527 Терентий Иванович Филиппов занимал министерскую должность государственного контролера. За означенные чтения профессор Н.Н. Глубоковский обзывал его раскольническим апологетом // Русская богословская наука. Варшава, 1928. С. 57. Как легко попасть в "раскольники": выступил с правдивым словом и... уже раскольник и даже апологет раскола.

528 Судя по трехтомному исследованию варшавского профессора М.В. Зызыкии "Патриарх Никон" (Варшава, 1931-1936), он хорошо знал лишь одну книгу, "Кормчую", да и то односторонне и текстуально, не углубляясь в сущность и смысл церковных правил.

529 О своем начетничестве Аввакум говорит: "Подобен я нищему человеку, ходящу по улицам и по крошкам милостыню просящу... У богатова Человека, Царя, Христа, из Евангелия ломоть хлеба попрошу; у Павла апостола, богатова гостя, из полатей его хлеба кроху выпрошу; у Златоуста, торгова человека, кусок словес его получу; у Давыда царя и у Исаяи пророков, у посадских людей, но четвертине хлеба выпросил. Набрал кошель, да и вам даю, жителям в дому Бога моего. Ну, ешьте на здоровье, питайтесь, не мрите с голоду". Аввакум. Житие... Указ. изд. С. 264.

530 Известный славянофил И.С. Аксаков имел твердые основания именовать старообрядческих начетчиков людьми "учеными". Вот что он писал в своих "Записках" о странниках: "Крестьяне, одаренные талантами духовными и жаждущие приложить свои силы к трудам умственным, при недоверии к обществу, правительству и духовенству... бегут к старообрядцам, где и находят

особого рода общества людей ученых, т.е. начитанных // Русский Архив. 1866. № 4. С. 629-687.

531 См. о нем выше, в главе "Отступничество от церкви".

532 В.Г. Сенатов, близко стоявший к окружению Павла Прусского, сообщил в журнале "Церковь", что есть сведения, будто Павел перед смертью тайно опять присоединился к беспоповству.

533 Слово "миссионер" для старообрядцев стало жупельным, как слово "иезуит". Назвать старообрядческого начетчика "миссионером" - это значило оскорбить его. Какой ужас производили миссионеры на старообрядцев, можно судить даже по субботинскому журналу. Когда в 1891 г. съезжался в Москве всероссийский миссионерский съезд, старообрядческие духовные лица, по свидетельству Субботина, "страшно перетрусили". "Напуганные страхом, они почти на все время съезда покидают свои жилища и ищут приюта у знакомых. Савватий (старообрядческий архиепископ) проживал у разных богачей-раскольников и только изредка посещал свой дом. Службы в Савватиевской кинонии все это время отправлялись втихомолку, каждую обедню старались отслужить как можно раньше" // Братское слово. 1891 . Т. II. С. 697-698.

534 Субботин каждый раз оповещал в своем журнале о приезде Швецова в Москву, как о каком-то чрезвычайно важном событии. Вот, например, образчик его сообщения: "Своего рода событием в расколе был приезд в Москву известного раскольнического миссионера и литератора Онисима Швецова, именующегося также священноиноком Арсением", - сообщает Субботин о приезде о. Арсения в 1887 г. // Братское слово. 1887. № 19. С. 725.

535 Это единственный синодальный миссионер: ни до него, ни после него уже не было "синодальных" миссионеров. И замечательно: Крючков был из беспоповцев и выученик Павла Прусского, он был любимцем Победоносцева, поэтому перед ним трепетали даже епархиальные архиереи. Ни из академиков, ни из богословов, ни из огромной армии миссионеров не нашлось ни одного достойного заместителя Крюčkова. Так его кафедра и осталась пустой.

536 Об этом "исповедании" о. Арсения мы будем говорить в последней главе нашей Истории: "За святую церковь".

537 Священник о. Евфимий Мельников славился по всему Стародубью как весьма начитанный и деятельный пастырь: многие беглопововские [...] Белокриницкому священству, был другом и единомышленником знаменитого Ксеноса. Субботин много писал в своем журнале об о. Евфимии и всегда враждебно и доносительно.

538 Герасима Алексеевича Гусева, крупного деятеля в Стародубье, Субботин величает "слободским Бугровым", ибо он имел в Стародубье такое значение, какое Бугров - по Волге.

539 Кишиневский окружной суд оправдал Василия Мельникова, а Феодора приговорил к четырем дням тюремного заключения. В 1895 г. он снова был привлечен, уже на родине, к судебной ответственности, тоже за собеседование. На этот раз была подведена статья уголовного закона, карающая многолетней каторгой. Юный ратоборец вынужден был скрыться за границу, именно в Румынию. Здесь, в г. Браиле, он начал издавать старообрядческую [...] газету "Слово правды". В июне 1897 г. он, однако, был предательски арестован в вышеупомянутом г. Измаиле, пограничном с Румынией, и заключен в тюрьму. Много обвинений было предъявлено Ф. Мельникову [...]. [...] провел] в предварительном заключении девять месяцев, [после] судебного разбирательства он был Стародубским окружным судом освобожден от всякой ответственности. Брат же его Василий, арестованный еще раньше в своем родном городе (Новозыбкове) лишь за то, что у него жандармерия при обыске нашла четыре номера газеты "Слово правды", отсидел в предварительном заключении девять месяцев. Дважды суд приговаривал его: в первый раз к ссылке в Сибирь, во второй - к арестантским ротам на три года и восемь месяцев, и оба раза дело восходило до Сената. Наконец, по Высочайшему велению дело было прекращено. В. Мельников был все же заключен на целый год в самый отдаленный и безлюдный скит Валаамского монастыря (на Ладожском озере) и по отбытии сего заключения отдан под надзор полиции на пять лет. Только уже объявленная в 1905 г. религиозная свобода избавила его от дальнейших мытарств. Начетничество ему пришлось, однако, оставить навсегда.

540 Последняя беседа с Крючковым в Измаиле продолжалась 18 часов без перерыва - с 12 часов одного дня до 6 утра другого дня.

541 По признанию и откровенному заявлению миссионеров Высочайший манифест 17 апреля 1905 г. о веротерпимости "[...] похоронный перезвон для господствующей церкви" // За первый год вероисповедной свободы в России. Изд.: Миссионерское обозрение. С. 200.

542 Большой шум и в церковных, и светских кругах, и в печати вызвало присоединение к старообрядческой Церкви православного архимандрита Михаила (Семенова) 23 октября 1907 г. Даже правительство переполошилось и очень серьезно допрашивало представителей Совета Съездов: почему и с какими целями присоединился о. Михаил к старообрядчеству и даже - как посмели старообрядцы присоединить его к себе? Архимандрит Михаил занимал весьма видное положение профессора Петроградской духовной академии, несмотря на свои молодые годы (ему только что исполнилось 30 лет), и приобрел уже громкую славу как весьма талантливый и весьма плодовитый писатель, отзывавшийся на самые боевые и волнующие вопросы современности. По его заявлению даже в

светской печати, он еще на студенческой скамье был склонен к старообрядчеству и нередко выступал в защиту и оправдание его // Религия и жизнь. Сборник. СПб., 1907. С.77-78. В иерархических кругах старообрядческой Церкви к нему относились очень строго. Епископ Нижегородский Иннокентий поспешил поставить его в епископы на Канаду (в Америке, отчего он и получил титул Канадского), где в то время было сильное течение среди тамошних православных к принятию старообрядчества. Срочно требовалось учредить в Канаде старообрядческую епископскую кафедру. Иннокентий и поспешил это сделать, но без согласия Собора и без ведома архиепископа, за что и был как он, так и еп. Михаил запрещены: Иннокентий на один год, а Михаил - впредь до занятия им Канадской кафедры. Но сложились такие обстоятельства, что еп. Михаилу не было возможности выехать в Америку, и он оставался в России до самой своей смерти, и только перед смертью был разрешен от запрещения. Трагической была его смерть: он был избит до полусмерти теми самыми пролетариями, каковых он защищал всю свою многосложную жизнь: он, полуживой, был поднят на одной из московских улиц и доставлен в ближайшую больницу, а оттуда перевезен на Рогожское Кладбище. Здесь он и отошел в вечные обители к Господу 27 октября 1916 г. Торжественное погребение совершил архиепископ Мелетий с [...] духовенства. (См. 45-й ж. "Слово церкви", посвященный епископу Михаилу, за 1916 г.). Таковой кончиной завершалась жизнь почти всех пророков и апостолов.

543 Стенографическая запись этой беседы была напечатана в ж. "Церковь" и издана отдельной брошюрой.

544 Гражданин. 1908. № 91.

545 Петроградские беседы довольно обстоятельно изложены в знаменитой книге В.И. Ясевич-Бородаевской "Ворьба за веру". СПб., 1912, премированной Академией Наук.

546 Единственным миссионером-профессором, занимавшим в духовной академии кафедру "но расколу" и вступавшим в публичные беседы со старообрядцами, был П.И. Ивановский, преподававший "историю и обличение раскола" в Казанской академии. По смерти его эту кафедру занял М.И. Васильевский, его ученик, тоже вступавший в публичные состязания со старообрядцами. Это был миссионер-неудачник: он почти всегда терпел поражения на своих беседах со старообрядцами.

547 Устав "Братства" напечатан в № 22 ж. "Церковь" за 1908 г.

Литература и издательство

Старообрядческая литература золотого века выросла и развилась из литературы предыдущего периода, и большинство писателей этого века начали свою литературную работу в предшествующее ему время. Общее направление

старобрядческой письменности создал епископ Арсений (Онисим Васильевич Швецов) еще задолго до свобод. Знаменитая его книга "Истинность старообрядчествующей^{*548*} иерархии противу возводимых на нее обвинений" издана еще в 1885 г. в им же организованной типографии в старообрядческом Мануйловском монастыре, в Молдавии^{*549*}. Другие его капитальные сочинения: "Оправдание старообрядческой Церкви", "Показание всеобдержности двуперстного сложения в древней православной церкви и погрешностей противу св. Евангелия в новообрядствующей церкви" и "Об антихристе" - напечатаны в 1888 г. в "типографии Б.Н.П...къ, Яссы", как значилось на их обложках.^{*550*} Уже по одним титулам всех этих книг видно, что литература эта была полемической и апологетической. В отражение миссионерских нападков и обвинений, старообрядцы вынуждены были писать преимущественно такого рода сочинения. Духовно-нравственных и исторических книг они за это время почти не писали^{*551*}. Другие многочисленные сочинения Швецова печатались гектографическим способом или переписывались от руки. Это был наиболее плодовитый старообрядческий писатель. Однако в золотой период епископ Арсений уже не мог обогатить старообрядческую литературу новыми выдающимися произведениями, будучи весьма занятым иерархическими и церковно-общественными делами; да и прожил он при свободе слишком мало времени. Но вся новая старообрядческая литература создавалась и развивалась под воздействием всех его прежних сочинений. Она, однако, отличается от его трудов важными новыми качествами: во-первых, стилем; он писал еще полуцерковным слогом, тогда как его ученики и преемники писали уже чисто русским, вполне литературным стилем. Во-вторых, обилием новой аргументации, широким использованием новых ученых трудов профессоров духовных Академий и Университетов по разным религиозным, богословским, церковным и историческим вопросам и даже светской литературы. В-третьих, постановкой и разработкой новых вопросов: о цезарепапизме в господствующей церкви, о ее внутреннем антиканоническом строе и разложении, о ее догматических и богословских заблуждениях; о внутренней сущности старообрядчества, о его духе, его истинной соборности и подлинной церковности, его национализме и патриотизме, его культурном строительстве, просвещении, экономике, социальных вопросах и мн. др., что отсутствует в прежней старообрядческой литературе. В этот период начала создаваться и противосектантская старообрядческая литература.

Появление капитальных сочинений И.Г. Усова, (впоследствии м. Иннокентия) еще до свобод: "Разбор ответов на 105 вопросов" и "Церковь временно без епископа" - было для врагов старообрядческой Церкви ошеломляющим. Написанные

хорошим литературным языком, снабженные новыми аргументами в защиту св. Церкви, новыми выводами и положениями, они производят сильное впечатление. "Разбор" решает вопросы главным образом никоновской реформы и созданного ею раскола русской Церкви. А книга "Церковь временно без епископа" посвящена исключительно бывшему положению старообрядческой древлеправославной Церкви без личного присутствия в ней своего единоверного епископа в течение 180 лет. Это состояние церкви было главным обвинением против старообрядчества со стороны миссионеров. На эту тему ими написаны и изданы сотни книг и брошюр. Весьма сильно и убедительно были написаны сочинения на эту тему и в оправдание старообрядческой Церкви тем же еп. Арсением (Швецовым). Но И.Г. Усовым скомбинирована была эта защита в названной его книге еще более убедительно, подкреплённая новыми соображениями, новыми выводами и новыми текстами. Написанная в форме диалога, она постепенно и в логической последовательности сокрушительно разбивает все вражеские нападки на древлеправославную Церковь, все построения и всю аргументацию казенных миссионеров и в то же время твердо и несокрушимо воздвигает оправдание и защиту Церкви в ее временном безъепископском состоянии^{*552*}. Любопытно, что за опровержение книги "Церковь временно без епископа" брались многие миссионеры. Но их преследовал какой-то странный рок: одни из них умирали почти в начале своей работы (Головкин, Картушин), другие бросали свой труд на полдороге (Круглов и др.). Так всероссийское миссионерство и не смогло справиться с книгой Усова. Она осталась не опровергнутой и стала лучшим руководством для старообрядческих начетчиков по разработанному в ней вопросу. Написал владыка Иннокентий немало сочинений и на другие темы, например, "О крещении греческой церкви и митрополита Амвросия", "О жалованье м. Амвросию", "Об исповеди м. Амвросия" и мн. др.

Ф.Е. Мельников, о котором мы уже говорили выше, как о церковно-общественном деятеле и начетчике, отчасти и писателе (издавал в Румынии газету "Слово Правды"), прославился как писатель всецело в золотом периоде. До свобод, в юношеские еще годы, им были написаны лишь два сочинения: "Ответы на десять вопросов Смежницкого" (миссионера) и "Беседы братьев Мельниковых в п. Городец с миссионером священником Елеонским в 1891 г." Из крупных сочинений Мельникова назовем "Испытание и победа Церкви Христовой", "Исследование о крещении и святительском достоинстве м. Амвросия"^{*553*}, "В защиту старообрядческой иерархии" (два выпуска), "Конец сомнениям в законности старообрядческой иерархии", "Современные запросы старообрядчеству", "Возможно ли объединение старообрядчества в одну Церковь", "Рассмотрение книги "Пращица" и подложного соборного Деяния на Мартина Армянина",

"Блуждающее богословие. Обзор вероучений господствующей церкви" (выпуск первый)^{554*}. Это последнее сочинение было наиболее выдающимся, вызвавшим большой переполох в среде миссионеров и богословов новообрядческой церкви. Принято думать, что старообрядчество отличается от казенного "православия" лишь некоторыми обрядами да разницей в богослужении. Догматы же у них одни и те же. В книге Мельникова показано и доказано, что "православие" заражено многими догматическими заблуждениями, что вообще все это богословие "блуждающее" - смесь латинства и протестантизма, что ни по одному церковному таинству нет у него единого, твердо и непреложно установленного верования и учения. Книга Мельникова осталась не опровергнутой, между тем, на нее было сделано указание даже с трибуны Государственной Думы, именно, что православные миссионеры и богословы оказались бессильными перед ней. Многочисленные статьи Ф.Е. на разные темы, главным образом на современные, печатались преимущественно в ж. "Церковь" и "Слово Церкви"^{555*}. Он же состоял и фактическим редактором этих журналов, а также и предшествовавших им "Голоса старообрядца", "Слова правды" (московского издания) и "Изборников". Две большие книги выпустил М.И. Бриллиантов, неоднократно упоминавшийся выше: "Бремя правды" и "Шувойская беседа". В первой раскрываются многочисленные подлоги, подделки, подчистки, обманы, вымыслы, созданные и узаконенные в господствующей церкви. Вторая книга заключает в себе богатый и редкостный материал по вопросу неокружнического раздора. Немало и других сочинений написано М.И. Бриллиантовым.

Крупным и [выдающимся] писателем, именно только золотого периода, был И.А. Кириллов. Его сочинения по своим темам совершенно отличны от основной старообрядческой литературы, преимущественно полемической и апологетической. Он писал, главным образом, о старообрядческой культуре, просвещении, быте, по вопросам социальным, экономическим и другим подобным же. Из-под его пера вышла весьма богатая по материалам и по особому освещению старообрядчества книга "Правда старой веры", составленная из статей, печатавшихся предварительно в ж. "Церковь".

К новым писателям принадлежит и П.П. Власов (оба москвичи, оба с высшим образованием). Он писал исключительно по историческим и библиографическим вопросам, будучи весьма кропотливым и усердным собирателем исторических материалов по старообрядчеству и ученым их критиком. Вышли его три выпуска "Из истории старообрядческой иерархии" и "Письма старообрядческих деятелей". Немало его исторических статей и записок напечатано в "Церкви".

К золотому периоду принадлежат еще писатели: священник Самуил Фомичев, К.Н. Швецов и И.К. Перетрухин (сын вышеупомянутого Климента Анфиногеновича), все

трое - тоже с высшим образованием. О. Самуил писал преимущественно нравоучительного характера статьи и проповеди; Швецов - о колонизации старообрядцев, бытовые и исторические очерки; Перетрухин - полемические статьи и беседы по вопросам, [пререкаемым] с никонианами.

К числу новых писателей нужно отнести и Д.С. Варакина, начетчика, которого мы упоминали выше, он также писал только по вопросам полемики. Лучшее его сочинение - "Рассмотрение примеров, приводимых в защиту реформы Никона".

К прежним писателям, работавшим и раньше, и в описываемый период, принадлежат: Вл.Е. Макаров, И.И. Захаров и А.А. Пашков. Замечательны Макарова "Очерки истории старообрядчества от Никона до наших дней" и "К вопросу о русском расколе". Брошюра Захарова, глубоко патриотическая, - "Мысли старообрядца в смутную годину", прочитанная в виде доклада на Всероссийском Съезде в Москве в декабре 1905 г., - во многом оказалась пророческой. Пашков сотрудничал еще в старом "Слове правды" (румынского издания); известно его сочинение "Нечто о единоверии и единоверцах". В золотой период он дал ряд статей и очерков в ж. "Церковь" и в "Старообрядце".

Из духовно-иерархических писателей необходимо назвать архиепископа Московского Иоанна, епископа Александра Рязанского, епископа Антония Пермского, архимандрита Феофилакта, священника Гр. Карабиновича, священника К. Шадрина, священника И. Кудрина, о. А. Старкова, о. В. Сюткина, о. И. Иголкина, о. Г. Макарова, о. В. Механикова, о. Феодора Гусякова. Два последних - выдающиеся писатели. Отец Феодор состоял помощником редактора ж. "Церковь" и "Слово Церкви", вел постоянный их отдел "Ответы редакции", богатый всевозможными разъяснениями, советами, справками, указаниями по вопросам богословским, историческим, специально старообрядческим, по церковно-общественным, по церковно-богослужбным, уставным, брачным и т.п. Дал в эти же журналы многочисленные и большие статьи на разные темы. О. В. Механиков повторил собою биографию о. Пафнутия Овчинникова. В служение старообрядческим священником, он составил замечательную книгу "Историко-каноническое обозрение старообрядчества", написанную в сдержанном, мягком тоне; потом отступил от старообрядчества в единоверие по причинам греховным. Вскоре снова вернулся в старообрядчество. Но писательская его роль уже закончилась, хотя он и писал после сего покаянные статьи в "Церковь". Сконфузил он себя еще до отступничества своим неуместным и бестактным писательским выступлением против епископа Арсения (Швецова) по богословским вопросам.

Необходимо отметить еще целый ряд новых писателей: уже хорошо известного нам Я.А. Богатенко, он писал главным образом по методике церковного пения; С.И. Быстрова - писал по многим вопросам, весьма интересна его книга "По

Востоку (путешествие старообрядческих епископов)"; В.Е. Мельникова, В.Л. Быстрова, Н.С. Логинова, В.В. Галкина, Н.Д. Зенина, Порфирия Шмакова, Бориса Широкова (два последних - поэты). Все они писали в старообрядческих журналах: "Церковь", "Старообрядец", "Старообрядческая мысль". Заслуживает особого замечания писатель В.Г. Сенатов. Но официально в паспорту он значился единоверцем; но по духу своему, по убеждениям был истинным старообрядцем. Много статей его напечатано в ж. "Церковь", и вышла отдельным изданием его "Философия истории старообрядчества", в двух выпусках. Он выявлял главным образом глубинное содержание старообрядчества, его внутреннюю сущность, его психологию и философию. Самые обряды старообрядческие В.Г. [показывал] богословски и догматически, разъяснял именно догматическое их значение. Всех старообрядческих писателей не перечислить в краткой Истории. Почти все начетчики были в то же время и писателями. Нельзя не упомянуть, что среди старообрядческих писателей были и женщины. Так, в ж. "Церковь" сотрудничала А.М. Свенцицкая (по девичьей фамилии Вострякова). Ее перу принадлежат очерки "Старообрядческие мученики"^{*556*} и др. статьи.

Весьма солидный вклад в старообрядческую литературу сделал епископ Михаил Канадский, бывший профессор Петроградской духовной академии, своими многочисленными сочинениями по различным вопросам и, прежде всего, по специально старообрядческим. Это не первый случай, когда "пришлец из страны далеча" обогащает старообрядческую литературу.

В 70-х годах прошлого столетия к древлеправославной Церкви присоединился от господствующей церкви Вл.М. Карлович (еврейского происхождения). Он обладал замечательно ярким и пышным литературным слогом, будучи высокообразованным человеком. Тогдашний московский архиепископ Антоний не преминул использовать эти ценные качества г. Карловича: он снабдил его важнейшими материалами по старообрядчеству. Вл.М. изучил их, и из-под его талантливого пера вышли в свет три больших тома "Исторических исследований, служащих к оправданию старообрядцев". Первый том был напечатан в Москве в 1881 г., но тотчас же был конфискован по особому определению Синода^{*557*}, а сам автор был выслан из пределов России. Поселившись в Австрии, вблизи Белокриницкого монастыря, Вл.М. выпустил два следующих тома своих "Исследований". Написанные книжным и ученым языком, они предназначались, главным образом, для интеллигенции и высокообразованных читателей. По объявлении в России религиозной свободы, г. Карлович возвратился в Москву, здесь издал новую книгу: "Краткий обзор преследований христиан первых веков в тесной связи с печальной судьбой старообрядцев" (1907 г.).

Епископ Михаил был превосходным писателем во всех отношениях - не только по многочисленности и необычайному блеску своих творений, но и по широте и глубине трактуемых в них тем. Отметим прежде всего его сочинения по старообрядчеству и никонианству:

Исповедь^{*558*}.

Разрушающая церковь (никонианская)^{*559*}.

Апология старообрядчества.

Прошлые и современные задачи старообрядчества.

Разговоры между никонианином и старообрядцем о причинах разделения.

Нужны ли обряды.

Великий разгром (Повесть из времен царевны Софьи).

Горящие огнем (протопоп Аввакум).

Боярыня Морозова (Историческая повесть).

Многострадальная княгиня Анна Кашинская и мн. другие.

Для старообрядческих школ и богословско-учительского института епископом Михаилом написаны:

Учебники по Закону Божию.

Катехизис, или краткое изложение христианской веры.

История христианской церкви с апостольских времен до разделения на Западную и Восточную.

История Восточной и Западной церкви после их разделения.

Учение о Богослужении.

Основное Богословие.

Нравственное Богословие^{*560*}.

Письма о преподавании Закона Божия и др.

Много статей и целых исследований написано им по вопросам философским и богословским. Отметим хотя некоторые из них:

Новая философия о религии и науке.

О вере и неверии.

Нужны ли догмы.

О [телесном]

Беседы против сектантства.

Апологетические беседы.

Что такое Церковь и в чем ее признаки (догматические очерки).

Христианская гигиена духа.

Как спастись в миру, и мн. др.

Колоритным изложением отличаются и его повести, очерки, рассказы из жизни христианской и церковной:

На заре христианства.

За Ликом Христовым (церковно-исторические рассказы из V в.).

За иконы (церковно-исторический рассказ).

Прекрасная пустыня (очерк жизни подвижников в III-V вв.).

Второй Рим (картины Византии IX-X в.).

Перед Стоглавым Собором (повесть-хроника). И др.

Кроме того, в каждом номере "Церкви" печатались нравоучительные статьи и проповеди епископа Михаила. В то же время он сотрудничал и в других журналах: "Старообрядец", "Старообрядческая Мысль", а также в светских журналах и газетах. Писательская плодовитость его была колоссальной, трудоспособность его в этой области поразительная, он способен был писать всегда и всюду, при всяких условиях: дома наедине, при людях, на собраниях, в поезде, в трамвае. И каждое сочинение его - это блеск ярких и глубоких мыслей, согревающие лучи духовного солнца. Писал он и светские пьесы и драмы. Не только в старообрядческой литературе, но в общей богословской и общехристианской епископ Михаил оставил после себя яркий и многоцветный след, вернее сказать, целый путь, словно огненный метеор, пролетевший по небу. Жизнь его действительно была какой-то метеорной, вспыхнувшей сильным пламенем, но быстро закатившейся. Он умер, но дела его и подвиги не перестают гореть прежним светом и огнем. Нужно читать его многочисленные творения, чтобы в этом убедиться. Как был подготовлен золотой период в истории старообрядчества ярким старообрядческим светилом - епископом Арсением (Швецовым), так и закончен он был не менее ярким светилом - епископом Михаилом Канадским. Оба они отошли в иной мир, но здесь, на земле, дела их продолжают ученики их и заместители.

В золотой период развилась и старообрядческая журналистика. Выше мы упоминали мимоходом почти все старообрядческие журналы, выходившие в это время. Но первое их основание было положено задолго до религиозной свободы в России. Первый старообрядческий журнал с титулом "Старообрядец" начал выходить с декабря 1878 г. в Австрии, в г. Коломые, под редакцией инока Николы Чернышева. При самых тяжелых условиях издания он просуществовал до 1888 г. С 1892 г. инок Никола начал издавать в том же городе "Древнюю Русь", просуществовавшую лишь два года^{*561*}. С 1896 г. в Румынии (в г. Браилове) начала выходить ежемесячная газета "Слово Правды", под редакцией Ф.Е. Мельникова. После его ареста в июне 1897 г. она смогла просуществовать лишь один год. В России первый старообрядческий журнал (ежемесячник) "Старообрядческий вестник" основал епископ Иннокентий в 1904 г. Печатался он в одной петроградской типографии под строжайшей тайной, но редакция его была указана:

Климоуцы (Австрия). С провозглашением свободы уже не было необходимости в такой конспирации. Епископ Иннокентий начал издавать журнал "Старообрядец" (ежемесячник) в Нижнем Новгороде с начала 1906 г., по закрытии которого начал выходить так же журнал - "Старообрядцы". В Москве с начала того же 1906 г. стала выходить основанная П.П. Рябушинским ежедневная "Народная газета" с приложением два раза в неделю "Голоса Старообрядца" и раз в месяц - иллюстрированного "Изборника народной газеты". Газета эта была общеполитической, превратившейся в следующем году в новую ежедневную газету "Утро России". Специально же старообрядческая газета начала выходить в Москве с января 1907 г. два раза в неделю под названием "Слово правды". Но со следующего года вместо нее начал выходить еженедельный, роскошно иллюстрированный журнал "Церковь". В 1914 г. он был закрыт правительством, вместо него стал выходить еженедельник "Слово Церкви", прекратившийся лишь в конце 1917 г., когда закончился и самый век золотой. Фактическим редактором всех перечисленных изданий (кроме "Народной газеты" и нижегородских "Старообрядцев") был Ф.Е. Мельников. Журнал "Церковь" и "Слово Церкви" были во всей России самыми большими еженедельниками: по богатству печатавшихся в них статей и по богословским, философским и вообще церковно-общественным темам и по разнообразию сообщений они превосходили все еженедельники, выходившие в России. При них, кроме того, давалось ежемесячное приложение "Друг земли" - журнал, посвященный вопросам сельского хозяйства, тоже иллюстрированный. Давались еще и другие весьма ценные приложения: книга "Кормчая" с издания патриарха Иосифа (в двух больших томах), "Статьи" инока Никодима, "Исповедь" блаженного Августина, "Священная и церковная История" Сульпиция Севера, "Законопроект о старообрядческих общинах" (полный стенографический отчет о заседаниях Государственной Думы по сему законопроекту). В Москве же издавались журналы "Златоструй" и "Старообрядческий пастырь". В г. Егорьевске Рязанской губернии выходил ежемесячный журнал "Старообрядческая мысль", издание Н.Д. Зенина. К нему даны были ценные приложения: книга блаженного Симеона Солунского, "Летопись" Барония и "Выписки из святоотеческих и других книг", служащие к оправданию старообрядческой Церкви, собранные В.Т. Зеленковым^{*562*}. В Саратове беспоповцы издавали ежемесячник "Щит веры". О певческих старообрядческих журналах мы дали сведения в одной из предыдущих глав. Как видим, старообрядческие журналы выходили в золотой период в изобилии. Не менее изобильно было за это же время и открытие старообрядческих типографий. В одной Москве было их четыре: [...] типография П.П. Рябушинского, с ротационными и наборными машинами (она, впрочем, была общесветской), в

которой печатались и посторонние заказы; типография на Рогожском Кладбище, беспоповская на Преображенском Кладбище и четвертая - беглопоповская. Прекрасно оборудованная типография действовала в г. Уральске - А.В. Симакова. Даже в таком захолустном селе, как Тунка(?) Вятской губернии, была открыта старообрядческая тигюграфия и оловолитня. Во всех этих типографиях печатались, главным образом, церковнобогослужебные книги.

С первых же годов церковного раскола старообрядцы очень нуждались в богослужебных книгах. Старые книги, дониконовского издания, беспощадно истреблялись властями: их сжигали тысячами. В царствование Петра Великого при одном таком сожжении одних медных застежек было "подгрблено" около 4 пудов. В старообрядческих монастырях и скитах весьма усердно эти книги переписывались для богослужебных надобностей. Но труд этот - медленный, кропотливый и дорогой. Да и рукописные книги преследовались и истреблялись. Поэтому старообрядцы при первой же возможности стали пользоваться польскими типографиями, имевшими славянский шрифт: появились книги Виленской печати, Гродненской, Почаевской и др. Широко пользовались старообрядцы и тайными типографиями в России, так называемыми подпольными, хотя таковые и строго преследовались. В царствование императрицы Екатерины Великой старообрядцы оборудовали в п. Клинцах Черниговской губернии большую дозволенную типографию на девять станков для печатания богослужебных и поучительных книг. Но в 1797 г., при Павле Петровиче, она была закрыта^{*563*}. В 1801 г. император Александр I разрешил ее. Однако по указу Синода от 28 июня 1812 г. она снова была "запечатана" и впоследствии передана единоверческой типографии в Москве. Многие старообрядцы пренебрегали книгами, выходившими в единоверческой типографии, и продолжали пользоваться подпольными типографиями до самого последнего времени, т.е. до объявления в России религиозной свободы в 1905 г. С этого времени подпольные типографии прекратили свое существование. Вышеперечисленные типографии, открытые после 1905 г., начали издавать богослужебные книги в таких больших [количествах], что в течение очень короткого срока напечатали весь круг церковных книг и снабдили ими все старообрядческие приходы по всей России. Из этих типографий вышли даже такие крупнейшие издания, как двенадцать месяцев Служебных миней, двенадцать месяцев четий-миней, трехтолковый Апокалипсис с многочисленными рисунками в красках и с золотом и даже вся Библия - с Острожского издания, тоже с лицевыми изображениями; "Поморские ответы", напечатанные с подлинника. Из типографии г. Симакова в Уральске выходили книги, исправленные под наблюдением епископа Арсения (Швецова). Тут напечатан и им составленный

"Устав церковный" - необходимое руководство для ведающих богослужением^{*564*} .

В перечисленных типографиях начали печататься и книги апологетические и полемические в защиту старообрядчества.

Кроме типографий, в старообрядчестве образовались и другие книгоиздательства, печатавшие свои издания в чужих типографиях. Так, существовало книгоиздательство московского Братства Честного Креста, Союза старообрядческих начетчиков, богословско-учительского Института, Совета Съездов, Заботина, Зенина, Вострякова, Овчинникова, Галкина, Яксанова и др. частных предпринимателей. Старообрядцы переиздали (строка в строку, буква в букву) даже такие никонианские книги, как "Пращица" с подлинным Соборным деянием на небывалого еретика Мартина Армянина и "Оправдание поливательного крещения" Феофана Прокоповича. Все с обширными критическими предисловиями Ф.Е. Мельникова. Эти книги необходимы были для полемики с миссионерами, а, между тем, в продаже их уже не было, почему и потребовалось новое их издание.

Золотой период был роскошно насыщен старообрядческими изданиями и творениями.

Объединение старообрядчества

Старообрядчество было очень обессилено внутренними разногласиями и разделениями. Расколы всегда были присущи Церкви. Соблазны в ней, падения и разделения предсказаны Самим Основателем ее - Христом Спасителем^{*565*} . Но все же это была не норма церковной жизни, а распад ее, не здоровое состояние, а болезненное, гибельное, которое нужно лечить и изживать. Сила Церкви не в разделении, а в единении, в сплоченности и единомыслии всех чад ее.

Старообрядцы горько скорбели о своем разделении и всячески старались прекратить их. Но в годы гонений и преследований они не имели возможности ни свободно собраться где-либо для обсуждения причин разделения и для принятия мер к их устранению, ни издать, распространить какой-либо призыв или увещание по этому делу. Были и в то время, как мы видели, соборы и съезды, но они проходили под прикрытием непроницаемой тайны и под постоянной угрозой быть накрытыми и жестоко наказанными. На них решались по необходимости лишь самые насущные вопросы, неотложные текущие - и то наспех, в срочном порядке. Не оставались без всякого внимания и вопросы разделения. Но они требовали иной обстановки, иных условий для своих решений, а главное - для устранения происшедших разделений и разногласий.

С момента установления в России религиозной свободы открылась широкая возможность покончить со всякими разделениями и раздорами в

старообрядчестве. "Золотой" период в истории старообрядчества представляет собою действительно золотую полосу многочисленных попыток и усилий объединить все старообрядчество в единую нераздельную Церковь.

1. В первую очередь нужно было покончить с так называемым "неокружническим" раздором, существовавшим внутри самой белокрыницкой иерархии. Это была наиболее ошутимая и свежая рана Церкви. Ее требовалось прежде всего залечить, ибо на нее указывали и ее ставили препятствием к единению и другие старообрядческие согласия: беглопоповцы, беспоповцы и единоверцы. Было немало усилий к прекращению этого раздора и в предыдущие периоды, начиная даже с самого возникновения его. Особенно много забот о сем проявил московский архиепископ Антоний, а позднее - епископы Арсений Уральский и Иннокентий Нижегородский. Но они не имели решительного и окончательного успеха, и только потому, что не улеглись еще страсти раздора, бурлил еще во многих дух вражды и непонимания одним другого. А взошедшее солнце свободы в такой яркой степени осветило бывшее "поле сражений" и все причины, из-за которых оно возникло, что для всех стало ясно, что совершенно не из-за чего разделяться между собой этим двум половинам церкви, именовавшим себя "окружниками" и "неокружниками", и что настал благоприятный момент покончить с этим разделением. Особенно это почувствовали и осознали миряне, сама паства - тело церкви. Уже в первую половину 1906 г. во многих епархиях произошли по этому делу совещания, съезды, соборы; из последних наиболее известны Гомельский (Могилевской губернии), Бендерский (Бессарабия) и Московский. На Гомельском соборе были еще многословные "прения", но на Бендерском (апрель 1906 г.) и Московском (1-5 июня) обсуждались и вырабатывались лишь "условия" соглашения и были подписаны "акты примирения" обеими сторонами. После них примирились бывшие "неокружнические" епископы Михаил Новозыбковский, Петр Бендерский, Кирилл Одесский и др. Это было действительно славное торжество мира церковного. Нужно отметить, что в нем деятельное участие принимали виднейшие представители "неокружников": Н.Т. Кадепов (Московский фабрикант), Ф.И. Масленников (рязанский купец) и П.П. Пастухов (юг России). Они заслужили титул "миротворцев". Раздор "неокружников" не был, однако, совершенно уничтожен: еще осталась некоторая часть не примирившихся раздорников, словно крохи под столом после обильной трапезы.

2. Труднее было примирить беглопоповцев, несмотря на то что причины их раздора были давно и весьма основательно устранены. Они выставляли лишь две причины неприятия Белокрыницкой иерархии: а) что м. Амвросий был будто бы крещен обливательно и б) что он состоял под запрещением священнослужения. Но многочисленными актами и документами было выяснено

еще в самом начале возникновения Белокриницкой митрополии, что греки, от которых принят м. Амвросий, крестят в три погружения, что они соборно и неоднократно осуждали обливание как ересь, что они до последнего времени перекрещивали латин, как крещеных обливательно. Относительно самого м. Амвросия было официально установлено, что он никогда - ни до присоединения к древлеправославной Церкви, ни даже после сего - никем не был ни запрещаем, ни даже судим за что бы то ни было. Замечательно, что все это установлено на основании подлинных официальных документов врагами старообрядчества и особенно Белокриницкой иерархии - никонианскими историками, профессорами и писателями, а также и самими беглопоповцами и даже беспоповцами, посылавшими специальные делегации с этой целью в Константинополь и на родину м. Амвросия (Энос). Нужно было поэтому ждать, что с провозглашением в России свободы беглопоповцы в первую очередь примкнут к Белокриницкой иерархии. Действительно, после каждой беглопоповской делегации на Восток беглопоповцы большими массами присоединялись к Белокриницкой иерархии. Особенно многочисленными были присоединения после делегации 1892 г. Но теперь, по установлению свободы, этого не произошло. Причины были ясны. Вследствие министерского циркуляра (совершенно секретного, от 7 октября 1895 г.), к беглопоповству с того времени присоединилось немало "беглых от православной церкви священников" миссионерского типа и духа, пропитанных враждой и ненавистью к Белокриницкой иерархии: в таком духе они воспитывали и свою новую паству. В этот же период сложился в беглопоповстве новый тип деятелей, которые возмечтали возглавить свою среду самостоятельной иерархией, приняв к себе епископа от господствующей в России церкви. Надежды на успех этой затеи окрепли с дарованием свободы. Состоялось несколько беглопоповских Съездов, на которых решено во что бы то ни стало добыть себе епископа. Были избраны с этой целью и особые уполномоченные. Но все обращения их к никонианским епископам не имели успеха: никто из них не соглашался переходить в беглопоповство. Беглопоповцы посылали делегацию и на Восток, но и там ничего не получили. Многих из них охватило уже отчаяние, о чем они и заявляли на своих Съездах.

За всеми этими попытками и поисками беглопоповцев следили со скорбью и печалью епископы древлеправославной Церкви и с надеждой ждали удобного момента призвать их соборно к единению. Состоявшийся в 1911 г. Освященный Собор обратился к беглопоповцам с пастырским посланием. "Что может быть печальнее, - говорится в этом послании, - для истинного христианина, жаждущего выполнения величайшей заповеди Христовой о любви к ближним, как беспричинное разъединение родных братьев по плоти между собою. Кольми паче

объемлет печаль душу христианскую при наблюдении горестного разъединения братьев по вере и благочестию". Изложив довольно обстоятельно историю возникновения Белокриницкой митрополии и выяснив, что у беглопоповцев нет никаких оснований чуждаться Белокриницкой иерархии, Собор призывает их "к братскому о Христе миру и любви и к полному церковному единству". По слову апостола Павла, "да будет у нас едино тело и один дух" (Ефес., 4:4). "Сие-то единство надлежит, - привел Собор слова св. Киприана Карфагенского, - крепко поддерживать и отстаивать нам, особенно епископам, которые председательствуют в Церкви, дабы показать, что и самое епископство едино и нераздельно"^{566*}. "Примите от нас сие наше послание в духе братолюбия и христианского смирения, - закончил Освященный Собор свое послание. - Если у вас есть какие-либо недоумения и сомнения, мы готовы с радостью вместе с вами рассмотреть и разъяснить таковые"^{567*}. Всероссийский съезд беглопоповцев 1912 г. не принял этого братолюбного предложения Освященного Собора древлеправославной Церкви.

В самый разгар войны Германии с Россией, именно в 1915 г., Освященный Собор этого года обратился к беглопоповцам со "вторым пастырским посланием": "В годину тяжкого бедствия, переживаемого нашей дорогой Родиной, обращаемся мы вновь к вам, братие о Христе, с нашим архипастырским посланием. В дни потрясающих нашу страну событий долг нашей святой веры и доброй совести, а также и глубокие чувства гражданственности повелительно требуют от нас не только общественного и государственного объединения, но и духовного. В настоящее тревожное время нам надлежит более чем когда-либо прекратить наши внутренние раздоры и несогласия и едиными усты и единым сердцем молить Бога о благоденствии нашей страны и о нашем спасении о Боге". Изложив далее кратко содержание первого послания и рассмотрев все причины разделения, по которым беглопоповцы находятся в раздоре со св. Церковью, своей же матерью, которая приняла к себе м. Амвросия, Освященный Собор умоляет их: "Во имя заветов Господа и во имя блага и единства церкви мы молим вас выслушать наш отеческий голос с любовью и христианским смирением. Мы страдаем душою о существующем между нами разделении. Нужно общими силами устранить его"^{568*}. Но и этот архипастырский призыв остался "гласом вопиющего в пустыне". Вскоре и вся Российская великая страна была превращена в кровавую пустыню жесточайшими врагами христианства - большевиками. Однако в такое ужасающее время беглопоповцам удалось, наконец, присоединить к себе одного никонианского епископа - Николая Позднева (Саратовского) и таким образом завести свою новую иерархию. Беглопоповцы приняли его так же, как был принят и м. Амвросий, вторым чином, т.е. под миропомазание. Так же, как и Амвросия

митрополита, Николая присоединил иеромонах; есть и другие сходства и подражания. Но есть и огромная разница между той и другой иерархией: митрополит Амвросий крещен в греческой церкви, которая, как мы неоднократно подчеркивали, отвергает и осуждает обливательное крещение, как страшную ересь и нечестие, тогда как Николай Позднев крещен в такой церкви, которая не только имеет у себя обливание, но и оправдывает его как равносильное трехпогружательному крещению. О греческой церкви старообрядчество имело к моменту присоединения Амвросия уже почти двухсотлетнее ведение и определение, тогда как Николай Позднев присоединился от такой новой никонианской церкви, получившей название "обновленческой", которая возникла лишь в годы безбожной революции в России, и старообрядчество не имело ни времени, ни возможности составить о ней свое суждение. Она, однако, существенно отличается от прежней никоновской церкви. Это церковь предательская, красная - и по своим верованиям и по своим делам: она объединилась с большевиками и благословляла их убийственные действия; в русском страждущем народе о ней сложилось суждение, как о втором отделении ГПУ^{*569*}. Принятие от такой церкви иерарха было делом весьма рискованным и сомнительным. Патриаршая никоновская церковь совсем не признает действительности хиротонии в этой красной церкви. Митрополит Амвросий присоединился к древлеправославной Церкви без согласия на то константинопольского синода и патриарха: оно в данном случае не требовалось и было бы весьма не каноничным и подозрительным, тогда как Николай Позднев присоединился к беглопоповцам с особого благословения и даже письменного постановления обновленческого синода, который уполномочивал его "взглавить" беглопоповство. Весьма коварная печать безбожной красноты лежит на новой беглопоповской иерархии. Приняли ее, однако, не все беглопоповцы: многие приходы совершенно отвергли ее как сомнительную, другие же присоединились к Белокриницкой иерархии. Тем не менее, возникновение в старообрядчестве новой иерархии, да еще такого происхождения, создало новые преграды к объединению его в единую древлеправославную Церковь.

3. Если уж беглопоповцы не пошли на примирение со своей бывшей матерью - Церковью и собственное властолюбие поставили выше общестарообрядческих интересов и вообще церковных, то можно ли было надеяться, что беспоповцы откликнутся на призыв к объединению всего старообрядчества в единую Церковь. Древлеправославная Церковь не оставляла и их своим вниманием. В далеком прошлом они были - и по верованиям своим, и по стремлениям, и надеждам - настоящими поповцами. Мы видели в своем месте^{*570*}, что поморский Выг, во главе со славными братьями Денисовыми, объединился с поповщинской

Веткой в деле приискания себе епископа от греческой иерархии. Даже в ближайшее к нам время, именно в 1765 г., беспоповцы вместе с поповцами решали на московском объединенном соборе вопрос о восстановлении иерархии. В это время они жили еще духом и надеждами священноиерархическими. Но в дальнейшем, от поколения к поколению, беспоповцы становились не только фактически, но и по верованиям своим настоящими беспоповцами, т.е. стали веровать, что священство Христопреданное окончательно пало, его истребил антихрист с 1666 г., и что оно никогда уже не может быть восстановлено. Многие же из беспоповцев, тоскуя по священству, стали признавать своих, беспоповских, наставников духовноиерархическими лицами - настоящими пастырями, отцами и полноправными совершителями церковных таинств. Новое беспоповское духовенство становилось своеобразным пресвитерством, на манер протестантского или лютеранского.

"Золотой" период истории старообрядчества для всех вообще беспоповцев явился золотой неожиданностью, не предусмотренной беспоповским сознанием и верованием. По беспоповскому верованию, все пророчества о последнем времени (пред кончиной мира) давно уже исполнились: последний антихрист пришел, воцарившись в России с рокового года 1666 г. Предназначенные для его изобличения пророки Илия и Енох давно им убиты; бескровная Жертва Господня на св. алтарях Христовых прекратилась, даже вопреки Христову обетованию о ней, что она пребудет вечно: давно уже нет на земле ни алтарей, ни церквей, всюду одна лишь "мерзость запустения". Остается лишь ждать архангеловой трубы о конце мира и явления Самого Христа - второго Его пришествия. И вдруг вместо такого конца - свобода: стройте церкви, воздвигайте алтари, молитесь Богу свободно и всенародно. Беспоповцы начали повсеместно собираться на свои совещания, съезды, соборы и обсуждать и решать на них свои духовные дела и вопросы. В самой первопрестольной Москве состоялись даже всероссийские соборы беспоповцев под благосклонным покровительством самого правительства. С его же разрешения беспоповцы повсюду воздвигли храмы и колокольни, в некоторых городах и в обеих столицах России - Петрограде и Москве - даже весьма великолепные. Начали они и школьное строительство. Всероссийский съезд учителей и учительниц поморского согласия, состоявшийся в Двинске в 1911 г., единогласно признал "среднее и высшее образование в старообрядчестве не только желательным, но и необходимым". Оно, по заявлению этого съезда, "будет наиболее способствовать укреплению христианства". Таким образом, страшный призрак антихриста, все время пугавший беспоповцев, точно исчез куда-то. Или... его еще совсем не было. Во всяком

случае, свобода должна была в корне изменить все мировоззрение беспоповства, все его верования и упования.

Беспоповские согласия начали делать попытки к взаимному между собой объединению, например, брачники с безбрачниками (поморцы с федосеевцами). И те, и другие с радостью приняли государственный Закон о старообрядческих общинах и на основании его всюду организовали свои приходы; и те, и другие ввели в них метрические записи своих браков: в них стали записывать свои браки и "безбрачные" беспоповцы. Получился явный парадокс: "безбрачники" с записанными в общине "браками". Фактически "безбрачники" всегда были брачниками, ибо женились и рождали детей. Но такое брачное состояние они считали блудным. Теперь же оно узаконивалось записью в официальные метрические книги, становилось "законным". Поморцы, воспользовавшись таким новым положением федосеевцев, предложили им объединиться с ними и стать брачниками без всяких замаскирований и прикрытий. Состоявшиеся по этому поводу беседы в Москве между начетчиками, представителями обоих согласий, не привели к их объединению, так как разногласия между ними шли глубже, чем эти формальные записи браков. Безбрачники остались при прежнем своем веровании, основанном на книге "Кормчей"^{*571*}, что бессвященнословный брак - "пребеззаконен" и, значит, блудный. Поморское простецкое "венчание" не делает его законным. Поэтому, оказывается, оба эти согласия записывают в свои общинные метрики браки незаконные, блуднические; только федосеевцы таковыми их считают, тогда как поморцы думают, что браки эти стали законными по причине их "венчания" беспоповскими наставниками, а по верованию федосеевцев, оно только усугубляет их незаконность: незаконное сожитие закрепляется еще незаконным венчанием.

Беспоповцы поморцы обратились с предложением и к представителям Белокриницкой иерархии обсудить совместно с ними вопросы и пункты их разделения. Во время заседания в Москве Всероссийского Поморского Собора, в мае 1909 г., состоялись публичные собеседования между представителями этих двух старообрядческих ветвей: со стороны белокриницких вели беседы Ф.Е. Мельников и Д.С. Варакин, а со стороны поморцев Л.Ф. Пичугин при своем помощнике Т.А. Худошине^{*572*}. В первой же речи своей Ф.Е. Мельников нарисовал картину объединения всего старообрядчества под руководством единого старообрядческого центра. "Таким центром объединения может быть только старообрядческая иерархия. Только под ее руководством может и должно последовать примирение всего старообрядчества". Первая беседа и была посвящена вопросу о Белокриницкой иерархии. Замечательно, что представитель поморцев г. Пичугин ни одним словом не обмолвился по вопросу объединения

старообрядчества и лишь пытался чем-либо опозорить Белокриницкую иерархию^{*573*}. Конечно, беседы такого характера не могли объединить между собою поморцев и белокриницких старообрядцев. Тем не менее, они с достаточной убедительностью выяснили, что даже между этими старообрядческими расхождениями возможно объединение в единую древлеправославную Церковь^{*574*}. Мешают этому не старые вопросы и недоразумения между ними - таковые само время устранило и сдало многие из них в архив забвения, - но возникновение в беспоповстве нового течения протестантского духа, и оно стало мировоззрением нового поколения беспоповцев. В последнее время, именно к началу "золотого" периода старообрядчества, в беспоповстве народился новый тип деятелей. Как выражается "Церковь", "шустрые, бойкие, они сумели стать во главе современного поморского общества и коренным образом реформируют его на новый лад - протестантский или сектантский^{*575*}. На настойчивые предложения белокриницких старообрядцев объединиться с ними в одну Церковь они откровенно отвечали: "Мы верим, что победа останется на нашей стороне, потому что и наука, и современная жизнь неудержимо стремятся к упрощению форм человеческого общежития, к разрушению всевозможных сословных и должностных преимуществ"^{*576*}. Характерна и весьма знаменательна эта ссылка на науку и, главное, на "современную жизнь"^{*577*}. Это уже не старообрядческий путь, не старообрядческая аргументация и вообще не церковная и не религиозная. Это веяние "духа времени".

"Должностные преимущества" - это, конечно, иерархия, священноначалие, разные "чины" в Церкви. Все это долой, по требованию нового типа беспоповцев. С такими "старообрядцами" никакое объединение невозможно, ибо у них ничего старообрядческого, по существу, не остается.

Руководящий орган Совета Всероссийских Съездов старообрядцев журнал "Церковь" очень энергично настаивал и требовал, чтобы со стороны архипастырства древлеправославной Церкви было проявлено как можно больше усилий и мер к объединению старообрядцев. Точно предчувствуя грядущие страшные потрясения, он писал: "Необходимо спешить с нашим объединением, чтобы надвигающиеся события не захватили нас врасплох"^{*578*}. Названный журнал предлагал, чтобы Освященные Соборы ежегодно посвящали свои заседания вопросу объединения старообрядчества, чтобы для практического осуществления этой неотложной задачи была создана не одна лишь соборная Комиссия, а целый ряд их в каждой епархии и, если возможно, в каждой общине и приходе. "Задачу объединения старообрядчества нужно сделать неразрывной частью нашего религиозного сознания, движущей силой в нашем церковно-

общественном росте". "Церковь" проектировала созывы Всестарообрядческих Всероссийских Съездов, на которых старообрядцы всех согласий, объединяясь по многим общим вопросам: правовым, экономическим, хозяйственным и т.п. - могли постепенно сближаться и в чисто церковных вопросах, узнавая друг друга ближе, непосредственно знакомясь с нуждами и верованиями всех разъединенных частей единого старообрядчества^{*579*}. В этом великом деле объединения миряне могли бы скорее достигнуть единства, чем духовные лица. Война с Германией во многом помешала достижению этой цели, а вспыхнувшая затем революция всех верующих лишила всякой возможности объединяться между собою.

4. К самому концу "золотого" периода обратились, наконец, и "единоверцы" к старообрядческому Освященному Собору с письменным предложением объединить старообрядцев и новообрядцев и одну Церковь. Единоверцы признают в этом "Обращении", что раздор в Русской Церкви своим формальным происхождением обязан действиям на соборе 1667 г. главным образом восточных "святителей", и "считают необходимым снятие клятв путем соборного определения совместно с восточными патриархами". Признают единоверцы, что никоновское книжное "исправление" было "неосмотрительным и недостаточным пониманием дела" и что Никон и его сторонники осудили древние обряды и обычаи Церкви как "неправые, нововводные и еретические". Далее единоверцы заявляют, что никоновская церковь до сего времени строилась не канонически, что она все время была заражена цезарепапизмом и что только теперь она становится на канонический путь. В заключение единоверцы предлагают: "Вы, старообрядцы, дайте дух церковности, а вы, последовавшие за реформой патриарха Никона, принесите веру во Христа". "Обращение" это было подписано председателем Совета всероссийских съездов единоверцев Андреем, епископом Уфимским, товарищем председателя протоиереем Симеоном Шлеевым и членами Совета. На самый Собор старообрядческий, заседавший в то время в Москве (в мае 1917 г.), "Обращение" было представлено лично епископом Андреем и о. С. Шлеевым, их сопровождал еще епископ Иосиф Углицкий. В особом заседании Совета Собора, посвященном единоверческому "Обращению", они имели продолжительное собеседование со старообрядческими епископами, после которого Собор поручил Совету при архиепископии составить письменный ответ на единоверческое "Обращение".

Это "Обращение" вызвало в старообрядческой среде серьезные сомнения в его искренности своей недоговоренностью, неопределенностью и беспринципностью. "Мы неоднократно заявляли, - пишет журнал "Слово Церкви", - что в таком великом деле, как единение верующих людей в едином исповедании и в единой

Церкви, необходимы искренность, ясность и определенность. Всякая фальшь в этом деле, какая-либо недоговоренность, уклончивость приведут лишь к недоразумениям и печальным последствиям. Нужно теперь же сказать всю правду, как бы горька она ни была, чтобы потом не раскаиваться в допущенном умолчании. Пункты единоверческого "Обращения" страдают, главным образом, недоговоренностью. Единоверцы идут к примирению с прежней своей Матерью - древлеправославной Церковью, словно ошупью, с какою-то непонятной боязнью. В чистом деле единения церковного не должно быть боязни и страха. Тут все должно быть открытым и прямым"^{580*}. Единоверцы обязаны были сказать, по совести и искренно, законны или незаконны проклятия и анафемы Московских соборов 1656-1667 гг., произнесенные на старые обряды и на православных их держателей, и тогда уже говорить об их снятии и с кого именно они снимаются, т.е. на ком они лежали целые столетия - на православных ли христианах и, значит, на всей Церкви или на самих проклинателях, как на незаконно и безрассудно их произнесших. Должны были единоверцы определенно высказаться и обо всей иконовской реформе, и о последовавшей за ней петровской церковной реформе. Не ново и их предложение старообрядцам, "дать дух церковности" - кому и как? И совсем уж неуместен был их призыв к новообрядцам в "Обращении" к старообрядческому Собору, чтобы они "принесли веру во Христа". Кому - старообрядцам или единоверцам? И какую именно веру? По своему содержанию и бестактности^{581*} "Обращение" единоверцев было очень неудачным. Тем не менее, на него последовал ответ старообрядческого Архиепископского Совета за подписью трех епископов во главе с московским архиепископом Мелетием. В противоположность единоверческому "Обращению", ответ этот был весьма ясным и категоричным: "Считаем долгом ответить, что даже предложение мира церковного между нами и вами совместно с господствующей церковью в настоящее время неосуществимо и даже вредно для чистоты древнего благочестия". Указав далее, что единоверие не смогло в течение даже целого столетия привить господствующей церкви дух церковности и само утеряло его от сближения с никонианством, старообрядческие архипастыри заявляют: "По нашему мнению, соединение церквей может состояться только тогда, когда обе церкви, старообрядческая и новообрядческая, не будут ни в чем разниться. Посему, прежде чем приглашать к единению, необходимо, чтобы последователи реформ Никона при участии восточных патриархов соборно отвергли и осудили безрассудные клятвы и злохуления, произнесенные на святоотеческие предания и обычаи и на православных христиан, содержащих оные; обязаны раскаяться и испросить прощение как за эти клятвы и злохуления, так и за все бесчеловечные мучения и гонения, каким подвергали они и их предки держателей святоотеческих

преданий. Должны всецело восстановить каноничность своей церкви и устроить ее в том виде, в каком пребывала древнерусская Церковь до разделения".

"Подобает возобновити, - скажет словами святых отцов Седьмого Вселенского Собора, - оставленные обычаи, и тако содержати, по писанному и неписанному законоположению" (7-е правило). Все архипастыри и пастыри, согласно 1-му правилу Седьмого Вселенского Собора, должны соборно засвидетельствовать, что для них "свидетельствами и руководством служат (и будут служить) Божественные правила, изложенные от всехвальных апостолов, святых труб Духа, и от вселенских Соборов, и поместно собравшихся, и от святых отец наших. Ибо все они от одного и того же Духа быв просвещены, полезное узаконили". Без всего же этого, при настоящем антиканоническом положении и расстройстве церкви господствующей, когда попираются священные каноны, презираются святоотеческие предания и древлецерковные обычаи, не исполняется богослужебный чин - даже по ее книгам и уставам - служба совершается с пропусками, какими-то отрывками, антицерковным (концертным) пением, нет в церкви единообразия и благочиния - говорить о мире и единении нас с вами и с господствующей церковью нам кажется преждевременным и бесполезным. Но, тем не менее, мы не престанем усердно молить Господа "о мире всего мира и о совокуплении всех во едину святую соборную и апостольскую Церковь", чтобы если и не в наши дни, то хотя бы в дни нашего ближайшего потомства по милости Божией воссияло солнце правды и истины, мира и любви среди верных сынов Руси святой"^{*582*}.

Со стороны единоверцев не последовало никакого отклика на этот ответ на их "Обращение". Но епископ Андрей Уфимский напечатал в московских газетах "Открытое письмо к старообрядческим епископам Белокриницкой иерархии". Титулуя их "возлюбленными братьями о Христе" и "братьями-святителями", он предлагает им весьма упрощенный способ взаимного объединения старообрядцев и новообрядцев: "Иерархи Белокриницкой иерархии должны идти великим крестным ходом в святой Московский Кремль, к московским чудотворцам, а навстречу им из Кремля со всеми святыми древними образами должны идти всем собором православные иерархи. Встретившись на Красной площади, все участники обоих крестных ходов падают в землю друг другу и взаимно испрашивают друг у друга прощение за вольные и невольные двухвековые прегрешения. После взаимного братского лобзания старообрядческий первосвященник совершит Божественную литургию в Архангельском соборе с епископами Андреем Уфимским и Иоанном Углицким^{*583*}, и первосвященник новообрядческий с двумя епископами старообрядческими будет литургисать в Успенском соборе". Епископ Андрей прибавляет, однако: "Все

это должно произойти в согласии со всем верующим народом обеих сторон". В этом-то и вся суть: как создать это "согласие всего народа обеих сторон". Одними крестными ходами его не установишь. Для народа нужна прежде всего искренность и подлинная правда всего дела объединения Церквей. Этого именно и требует ответ старообрядческого московского Совета Архиепископии. Епископ Андрей далее соглашается, что "потом мудрость объединенной иерархии должна на общих соборах (может быть, на многих) чрез общие молитвы объединить все свое стадо церковное и в обряде". В заключение он просит старообрядческих епископов: "Постарайтесь свершить объединение церкви православной со старообрядцами. Да укрепит Господь вас на этот великий подвиг!"^{584*} Однако этот благой и славный порыв епископа Андрея никто не поддержал со стороны его собратьев - новообрядческих епископов. Старообрядческая печать отметила, что "епископ Андрей в стремлении своем к единению своей церкви с нашей древлеправославной Христовой Церковью является совершенно одиноким. И это одиночество его особенно заметно из того, что письмо написано им от себя лично"^{585*}. Состоявшийся в 1917-1918 гг. в Москве первый за два с половиной столетия всероссийский собор новообрядческой церкви, обсудив старообрядческий вопрос, пришел к следующим заключениям: "1) дорогие для старообрядцев богослужебные книги и обряды сами по себе православны; 2) держащиеся этих книг и обрядов в общении с церковью являются чадами единой святой соборной и апостольской Церкви; 3) все суждения, несогласные с выраженным (настоящим всероссийским собором) взглядом о старых обрядах, встречавшиеся в издававшихся с разрешения церковной власти и в некоторых других церковногосударственных актах прежнего времени, собором отменяются; 4) клятвенные запреты, изреченные отдельными святителями и соборами 1656 и 1667 гг., поскольку в этих запретах усматривается возбранение самого употребления старых богослужебных чинов и обрядов, собор отменяет". Это решение всероссийского собора можно признать лишь первым серьезным шагом в некотором повороте никонианства к святой старине, в боязливом сближении его с древнерусской православной Церковью. Но собор ничего не сказал по существу ни о смысле бывших соборных клятв на древние церковные предания, богослужебные чины и обычаи, ни о самой никоновской реформе, ни о произведенном ею расколе Русской Церкви. Постановления всероссийского собора так же, как и единоеверческое "Обращение", отличаются неполнотою, неясностью и неопределенностью. Они не удовлетворили даже единоеверцев, и они выделились из новообрядческой церкви в самостоятельную церковь со своей независимой иерархией. Вскоре и вся новообрядческая церковь распалась на целый ряд новых расколов и церквей. В революционном же огне, охватившем

всю великую страну, погибла и вся Российская империя. "Золотой" период истории старообрядчества снова сменился полосой мрака и ужасов, на этот раз для всего русского народа.

На старую дорогу

Золотой век истории старообрядчества не был вполне золотым, много было в нем всякого рода примесей: наряду с полученной свободой шли и прогрессивно укреплялись принуждения, насилия и преследования за религиозные верования, деяния и факты. Господствующая церковь никак не хотела расстаться с былыми гонениями на старообрядчество и все сворачивала на старую дорогу - первониколаевскую, когда старообрядцы в своем родном отечестве не имели никаких прав.

Законодательство по старообрядчеству. Высочайший манифест 17 апреля об укреплении начал веротерпимости, который сам император определил, как "дело мира и любви", иерархия новообрядческой церкви встретила враждебно и с ненавистью, а некоторые иерархии - с ужасом и отчаянием. Варшавский архиепископ Николай с трибуны даже Государственного Совета весьма цинично заявил, что акт царской милости к старообрядцам "есть тяжкое оскорбление православной церкви, ничем не заслуженное. Представьте себе, - восклицал Николай, - какое впечатление такой акт правительства мог произвести на сынов и дочерей православной церкви?! Государство берет под свою защиту и покровительство врагов церкви - мятежников и революционеров!"^{586*} Раскольники радовались, торжествовали, а мы плакали"^{587*}. Эта речь архиепископа Николая была напечатана в официальном органе правительствующего Синода - "Церковных ведомостях" и в миссионерских журналах. Ей аплодировало все "ведомство православного исповедания". Другой архиепископ, более авторитетный, Антоний Волынский (впоследствии митрополит Киевский, а в эмиграции - председатель Синода Зарубежной церкви), - на киевском миссионерском Съезде 1908 г. сделал такое признание: "Когда я приказал прочесть Указ 17 апреля в церкви моему протоиерею, он от ужаса впал в обморок: вот каков этот Указ"^{588*}. В другом случае тот же архиепископ сослался уже на народ православный: "17 апреля возбуждает усиленный ропот православного народа, более громкий, нежели все прочие узаконения, пошедшие вразрез с народным духом, с народным бытом"^{589*}. В таком же духе высказались и другие архипастыри синодской церкви: Флавиан, митрополит Киевский, предшественник Антония; Кишиневский Владимир; Симбирский Гурий и многие другие^{590*}. Руководящий журнал всей "православной" миссии - "Миссионерское обозрение" провозгласил: "Указ 17 апреля был для церкви ошеломляющим. Он железным

ударом разбил знамя миссии"^{*591*}. Он "был первым предательским законодательным актом в отношении благочестивого царя - помазанника Божия"^{*592*}. Миссионерский орган бесстыдно утверждал, что совсем не царь даровал старообрядцам свободу, а "масонское международное правительство"^{*593*}.

Как мы отмечали, Высочайший Указ 17 апреля не давал старообрядцам даже тех прав, которыми уже пользовались в России еще до этого акта инославные и даже иноверные исповедания: магометанское, иудейское и языческое. Но против этих прав не протестовал ни Синод, ни иерархия, ни миссионерство, ни церковь. Полученные же старообрядцами скудные права всех их приводили в трепет и ужас, и начался отчаянный поход против них [старообрядцев] с первого же года их обнародования.

В декабре 1907 г. последовало синодальное определение "О законопроектах, касающихся осуществления свободы совести" (за № 8198^{*594*}). Весьма длинное определение Синода сводится к следующим пунктам:

1. Государственное положение, свобода в действиях, свобода пропаганды принадлежат исключительно одной синодальной церкви. Прочие вероисповедания могут пользоваться только такой свободой, какая будет им предоставлена церковью господствующей.
2. Выходящий из господствующего исповедания подвергается сорокадневному увещанию и получает право перейти в другое исповедание только по представлении от духовного начальства свидетельства о бесплодности увещания.
3. Старообрядцы и другие исповедания не пользуются никакими правами распространять свое вероучение; губернаторы и полиция пресекают все подобные деяния: подвергают аресту и суду старообрядческих и иных проповедников, содействуют господствующему духовенству в миссионерском деле.
4. Постройка старообрядческих храмов и молитвенных домов, совершение крестных ходов и т.п. разрешается с дозволения епархиального начальства господствующей церкви.
5. Вероисповедным обществам вменяется в обязанность не распространять своих учений среди населения господствующего исповедания.
6. Духовным лицам иных исповеданий запрещается носить церковные облачения и духовные одеяния одинакового покроя с духовенством господствующей церкви.
7. К перечисленным пунктам на киевском миссионерском съезде было добавлено требование, чтобы вероисповедные законопроекты были изъяты из ведения законодательных учреждений, их имеет право обсуждать только

правительствующий Синод, после чего они представляются на утверждение Государю императору^{*595*}.

В этих пунктах заключалась церковно-политическая программа Синода. Даже официальное "Новое время" признало, что в ней "выражается страстный и партийный дух, до известной степени князя тьмы, который обуял духовных особ". Всякая свобода этой синодской программой совершенно устранялась. Синод, однако, не в силах был изменить установленную в России с 1905 г. государственную конституцию, на основании которой существовали и действовали законодательные палаты - Государственная Дума и Государственный Совет: им, а не Синоду, предоставлено право и обязанность законодательствовать. Посему правительство внесло в Государственную Думу законопроект о старообрядческих общинах, основанный на Высочайшем манифесте 17 апреля, на практике он уже действовал как Закон: старообрядческие общины (приходы) открывались и действовали на основании этого законопроекта. Государственная Дума приступила к его рассмотрению лишь в мае 1909 г. До этого рассмотрения законопроект прошел через думскую "старообрядческую комиссию", где он был в некоторых своих пунктах уточнен и более определенно выражал мысль законодателя. Так, в первую статью Закона, предоставляющую старообрядцам право исповедания своей веры, комиссия ввела и "право проповедания": "исходя из тех соображений, что исповедание веры ни логически, ни нравственно, ни юридически неотделимо от понятия проповедания и, кроме того, между исповеданием и проповеданием строгой и определенной черты провести нельзя"^{*596*}. Во-вторых, "принимая во внимание, что та часть старообрядчества, которая признает священство, имеет у себя трехчленную иерархию, и что правительственный законопроект в одном из своих примечаний содержит указание на то, что они именоваться так в своей среде могут, комиссия в самый Закон, во избежание всяких недоразумений, внесла термин: "священнослужители по старообрядчеству, именующиеся иерархическими по старообрядчеству наименованиями"^{*597*}. В общем собрании Государственной Думы эти два пункта главным образом и подверглись ожесточенному нападению со стороны православного духовенства и так называемых "правых партий". Четыре дня продолжались прения по старообрядческому Законопроекту. Большинством голосов он принят Думой в редакции думской старообрядческой комиссии: с "правом проповеди" и с наименованием "священнослужители" старообрядческих иерархических лиц. В таком виде он поступил и в Государственный Совет. Здесь началось рассмотрение его ровно через год - 12 мая 1910 г.

Представители господствующей церкви - иереи и архиереи, члены Государственного Совета, подвергли в этом высоком законодательном учреждении старообрядческий Законопроект еще более свирепому терзанию, чем это было в Думе. Почти каждую статью они критиковали. Над двумя же вышеуказанными пунктами - о праве старообрядцев проповедовать свое учение и об именовании старообрядческих духовных лиц священнослужителями - просто неистовствовали с безудержной ненавистью. Особенно злостно свирепствовал Варшавский архиепископ Николай, тот самый, что проливал крокодиловы слезы по поводу Высочайшего манифеста 17 апреля, этого "дела мира и любви", как сам Государь назвал этот акт. Николай основывался на определениях собора 1667 г., объявляя их неизменным голосом св. Церкви, обзывал старообрядцев мятежниками, а старообрядческую иерархию - самозванной, фальшивой, каковую необходимо изъять из обращения, как изымаются фальшивые монеты и как преследуются самозванные полковники и генералы. Огромное большинство членов Государственного Совета бесстыдно аплодировало братоненавистническому выступлению архиепископа Николая. Только небольшая группа членов Государственного Совета героически отстаивала свободу вероисповедания и старообрядческий законопроект в думской редакции. Но зато это была самая блестящая плеяда верхней Палаты, в состав ее входили такие знаменитости, как А.Ф. Кони и М.А. Стахович. Речи последнего местами возвышались до пророческого вдохновения. Они предусматривали грядущую борьбу с неверием и безбожием. Он смело бросил страшное осуждение всей синодской иерархии: "Церковь Божию святотатственной рукой приковали вы к подножию власти суетной, земной". "Я думаю, что если оглянемся на недавнее прошлое и сопоставим со своим долгом, само собой придет на память грозное предвещание пророка: "Помни, откуда спал еси, и покайся, и хотя малые первые дела сотвори. Аще ли же ни, гряду к тебе скоро и сдвигну светильник твой от места своего". Место Господне это - дух народный. Место Господне это - духовный рост народа; место Господне - это свободная вера народа, это свободное общение его совести с Богом^{*598*}. Это именно место и попирает с такою ненавистью представитель синодальной иерархии в Государственном Совете - Николай Варшавский, а заодно с ним - и почти весь состав верхней Палаты. Замечательную речь произнес М.А. Стахович и по вопросу об именовании в Законе старообрядческих духовных лиц "священнослужителями": она изобиловала каноническими и юридическими справками и фактическими аргументами. Ссылаясь на Основные Законы Российской империи - на статьи: том II:294, 343; том XI:541, 1113, 1194 и 1905 и целый ряд статей тома X, - г.Стахович показал, что званием "священнослужители", а также и другими иерархическими

титулами величаются в этих статьях не только католические духовные лица, но даже протестантские и мариавитские ("это самое последнее нововведение"). Привел высокий оратор и министерские разъяснения, в которых старообрядческие духовные лица именуется священниками и епископами. Наконец, указал на ряд высочайших телеграмм, в которых сам Государь именуется старообрядческих иерархов епископами и архиепископами^{*599*}. Как же после сего Николай Варшавский смеет обзывать их самозванцами и уподоблять фальшивым монетам?!

Нападая на старообрядческую Белокриницкую иерархию, высокие представители синодской иерархии в Государственной Думе и в Государственном Совете основывались не на канонах Церкви, что требовалось от церковно-иерархических деятелей, а на вековой непримиримости и боязни конкуренции. Они очень боялись заговорить о каноническом состоянии Белокриницкой иерархии, когда Синод и вся синодская иерархия сверху и донизу - антиканоничны, и об этом в то время и перед свободами говорила и почти вопияла вся русская печать - и духовная и светская; говорили открыто и в среде самой иерархии, и даже в самом Синоде. Старообрядческая иерархия вполне канонична в церковно-благодатном и соборном смысле. Это отлично сознавали и синодские иерархи. Один из них, Антоний Волынский, писал в то время Московскому старообрядческому архиепископу Иоанну: "Белокриницкое священство может быть принято в сущих санах, без всякого повторения над ним хиротонии"^{*600*}. Даже миссионеры и во главе их - профессор Казанской Духовной Академии Н.И. Ивановский в то же время печатно заявляли, что "не подлежит ни малейшему сомнению факт, что митрополит Амвросий имел вполне законное и благодатное преемственное апостольское рукоположение от цареградского патриарха"^{*601*}.

В описываемое нами время даже римско-католическая церковь официально признала Белокриницкую иерархию действительной и законной. Преемственное и каноническое достоинство ее обсуждала в Риме особая "Первосвященническая комиссия", которая и вынесла "принципиальное решение, получившее окончательную санкцию от папы Пия X"^{*602*}. Униатский митрополит Андрей Галицкий (граф Шептицкий) сообщал в Москву в 1909 г.: "Наша церковь признает за рукоположениями старообрядцев полную каноническую силу, т.е. признает старообрядческих диаконов, священников и епископов действительными диаконами, священниками и епископами"^{*603*}.

В этот же период и русская синодальная иерархия особенно ярко выявила свои отношения к еретическим иерархиям: армянской, англиканской, мариавитской, протестантской и даже языческой. В июне 1909 г. торжественную поездку по России совершил католикос всех армян Матеос II. Всюду его встречали

представители государственной власти с высоким почтением. В Петрограде его принял глава правительства и сам Государь. Император величал его: "Ваше Святейшество", "верховный патриарх-католикос". По окончании аудиенции ему были вручены Высочайшая грамота на патриарший сан и высочайший рескрипт, при котором препровождался алмазный крест на клобук. Рескрипт составлен в высокомиловидных выражениях. Против такого приема и признания Государем армянского патриарха синодская иерархия не только не протестовала, но через митрополита Петроградского Антония, ездившего с визитом к католикосу Матеосу, сама приветствовала его как действительное святейшество, заключающее в себе всю полноту законной иерархической власти. О "фальшивых монетах" и поддельных генералах даже и Николай Варшавский не посмел хотя бы только намекнуть^{*604*}.

В 1908 г. Россию посетил епископ англиканской иерархии Ингрэм; он побывал в обеих русских столицах - Москве и Петрограде. Посетил московского викария епископа Трифона, а также и других епископов господствующей церкви, находившихся в то время в Москве, а они, в свою очередь, посетили Ингрэма на его московской квартире. Побывал он и в Успенском московском соборе, и в Троице-Сергиевской лавре. Всюду "православное" духовенство встречало его как законного святителя, облеченного иерархической властью. С большим вниманием и с большим почитанием, торжественно и даже пышно были приняты синодальной иерархией в Москве и Петрограде новые английские гости, епископы Векфильский, Экссторский(???), Оссорский(???) и Бангорский(???), гостившие здесь с 12 по 22 января 1911 г. Весьма любезно и даже заискивающе их приветствовали синодские иерархи, в числе их и те, которые так бесцеремонно и так бесстыдно нападали на старообрядческую иерархию в обеих Законодательных Палатах. Они величали этих английских "лордов и милостивых государей" "преосвященными епископами" и "дорогими братьями и сослужителями о Христе", принимали их в своих церквях и соборах, имели с ними даже молитвенное общение. С особой торжественностью они были приняты в самом Синоде. Сюда английские гости прибыли выхоленные, тщательно выбритые, в сюртуках темно-лилового цвета, в такого же цвета коротких брюках, чулках и туфлях с пряжками. Их встречали здесь два митрополита: Московский Владимир и Киевский Флавиан и весь иерархический состав Синода во главе с самим обер-прокурором его В.К. Саблером. Рассыпались они в изысканных любезностях перед англиканскими епископами, всячески льстили им, пели им "исполла эти деспота" и богослужебные песнопения, сфотографировались с ними. "Объединились они с английскими лордами-епископами и в общей трапезе, и в общей молитве, и в общих чувствах". Перед этими в действительности,

выражаясь определением Николая Варшавского, "бутафорными архиереями" и "фальшивыми монетами" вся иерархия никоновской церкви с отменным благоговением преклонилась^{*605*}. В 1910 г. прибыл из Англии в г. Полоцк священник англиканской церкви о. Файн-Клинтон на т.н. "евфросиниевские торжества". Здесь он "участвовал на всех торжествах и во всех службах". Заслуживает особой отметки, что он особенно сочувственно был принят Холмским епископом Евлогием, тем самым, который так яростно нападал в Государственной Думе на старообрядческий законопроект за то, что он поименовал старообрядческих духовных лиц "священнослужителями по старообрядчеству"^{*606*}.

Особенно показательно отношение русской синодской иерархии к старокатолическим иерархическим посвящениям. Старокатоличество выделилось из римско-католической церкви, составив из себя по отношению к последней раскольническое сообщество. На первых порах оно не имело у себя даже епископа. Но потом оно установило у себя и епископат, путем единоличного рукоположения: первые старокатолические епископы Герцог и Рейкенс получили единоличное рукоположение. Их рукоположение было позаимствовано от Утрехтской схизмы (в Голландии), образовавшейся еще в самом начале XVIII в. Последний из "законных" архиепископов Утрехтских Кодде был вызван в Рим на суд и, обвиненный в ереси, был низложен в 1704 г. На место его был назначен другой архиепископ, которого, однако, голландское правительство изгнало. Так начался церковный раскол утрехтской паствы. "Капитул ея лишь в 1723 г. избрал себе в архиепископы, вопреки воле Римского папы, некоего Корнелия Стеносфена. Он был рукоположен в это достоинство Вавилонским епископом Домиником-Мариєю Варле, который 1) священнодействовал один, без ассистентов; 2) рукополагал в области ему, как епископу Вавилонскому, неподведомой; 3) канонически и не мог бы приступить к хиротонии, так как не имел требуемого на то, по тогдашнему римско-католическому церковному праву, папского разрешения, и 4) по канонам и не должен был бы приступить к совершению хиротонии, так как еще 15 (4) марта 1720 г. ему было объявлено запрещение в священнослужении, между прочим, за то, что в 1719 г. он совершил, не имея разрешения, до 640 конфирмации над утрехтскими схизматиками. Тот же Варле и так же один, без ассистентов, совершил хиротонию и над тремя преемниками Стеносфена. Эти "архиепископы утрехтские" упорно посылали папе известительные грамоты. А папа в ответ высказывал им свое осуждение их хиротонии и уже в ответ на вторую из этих известительных грамот объявил всех прикосновенных к хиротонии отлученными и схизматиками. Таким образом, третью и четвертую хиротонии Варле совершил отлученный над отлученными

среди отлученных^{*607*}. От этой столь не каноничной иерархии позаимствовало себе хиротонию Старокатоличество - одна схизма от другой и тоже - единоличным рукоположением. Тем не менее, русская синодальная церковь признает старокатолических епископов "апостольскими преемниками"^{*608*}.

В феврале 1909 г. в Петрограде состоялось, при участии профессоров Петроградской духовной академии, заседание "старокатолической" комиссии по вопросу о присоединении к "православию" "пресловутого Матью, именующего себя графом Ландафским", посвященного в старокатолические епископы утрехтским архиепископом Гулем^{*609*}. Комиссия признала этого Матью имеющим на себе иерархический сан.

Поразительнее всего отношение синодальной иерархии к недавно возникшей секте в Польском крае под названием "мариавитов". В начале уже нашего, двадцатого, века она образовалась из фанатически настроенных польских католиков, ушедших из римско-католической церкви. Положила ей начало некая Мария Козловская, женщина истерическая, объявившая себя пророчицей, а последователи приравнивали ее к Пресвятой Богородице. По ее имени и секта стала называться "мариавитской". К ней примкнуло и несколько польских ксендзов. Количество всех последователей Марии Козловской насчитывалось тысяч 50-70. Они не имели в своей среде епископов. Но обзавестись собственной иерархией им помог все тот же старокатолический архиепископ Герард Гуль, который посвящал и "пресловутого Матью". Он единолично рукоположил в мариавитские епископы некоего Яна Ковальского, расстриженного ксендза. Русское правительство, то самое, которое никак не соглашалось только поименовать членов старообрядческой иерархии, духовно окормляющих миллионы русских людей, "священнослужителями", поспешило признать этого польского расстригу "законным епископом" и внести в Государственную Думу законопроект о мариавитах. В нем духовные лица мариавитов титулуются не только "священнослужителями", но и "епископами", им предоставлено право проповеди; "мариавитским приходам предоставлено право владеть всякого рода собственностью, движимой и недвижимой, без всякого ограничения".

Законопроект этот прошел через Государственную Думу без всяких задержек и в Государственном Совете был принят 2 декабря 1910 г. полностью^{*610*}. Ни один представитель господствующей церкви ни единым словом не возражал ни против признания действительно "бутафорных" мариавитских "священнослужителей", ни против даруемого им права проповеди, ни вообще против каких бы то ни было пунктов мариавитского законопроекта. В Думе епископ Евлогий, а в Совете архиепископ Николай молчаливо приняли эти "фальшивые монеты" и склонили свои "святительские" головы перед мариавитской бутафорией. Напрасно один из

членов Государственного Совета, И.Н. Дурново, заявлял, что "можно именовать Ковальского "епископом из куртуазии" в гостиных, но именовать его епископом в официальных актах совершенно невозможно". Напрасно он и подчеркивал, что мариавиты - "социал-демократы", "покровительствовать которым, создавая им духовную иерархию, дело рискованное, гадательное и результаты его должны быть взвешены весьма тщательно". Дурново даже прибавил в каком-то предчувствии: "Быть может, нам придется дорого заплатить в будущем за нашу неосмотрительность и благодушие". Он не ошибся в своих гаданиях. Наконец, он указал: "Нами принят старообрядческий Законопроект, далеко не дающий старообрядческим общинам тех привилегий, которые мы готовы дать мариавитам, а теперь мы собственными руками создаем мариавитскую церковь"^{*611*}. Все усилия Дурново вразумить членов Государственного Совета были тщетны. Мариавиты - не старообрядцы, создавшие великую Россию, а польские бунтовщики: одного этого было достаточно, чтобы и правительство, и Государственный Совет, и сам Синод признали незначительную кучку этих врагов русской государственности законной церковью, а их авантюрных вождей - законной иерархией. Сам Государь утвердил Яна Ковальского в качестве "законного святителя".

Укажем еще на два весьма показательных факта, совершившихся все в этот же описываемый нами "золотой" период. 2 апреля 1910 г. "обер-пастор евангелической лютеранской церкви свв. Петра и Павла (в Петрограде) Генрих фон-Дингофф, по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел об отлично усердной и долголетней полезной службе его, пожалован почетным званием евангелическо-лютеранского епископа. О таковой монаршей награде новый епископ получил извещение г. министра внутренних дел с присовокуплением его поздравления"^{*612*}. Как известно, лютеране отвергают священную иерархию. Для них титул иерархический действительно "бутафория" - не в переносном смысле, а в действительном. Недоставало еще наградить лютеранского пастора св. крестом или св. иконою, что лютеране признают идолами. Однако ни Синод и никто из духовенства господствующей церкви не протестовал против Высочайшего пожалования лютеранскому пастору иерархического титула "епископ". А что если бы такое пожалование получил действительный старообрядческий иерарх, законно и канонически посвященный в это звание, полученное по апостольскому преемству? Какой бы тогда шум поднял Синод! Какое неистовство проявили бы синодские архиереи! Это мы уже видели и слышали и в Государственной Думе, и в Государственном (лжете, и в печати, когда проходил старообрядческий Законопроект в Законодательных Палатах. Не протестовала "православная" церковь против признания русским

правительством даже буддийского духовенства и постройки храма буддийского в самом Петрограде^{*613*}. Только одна старообрядческая Церковь с вполне канонической иерархией была даже в "золотой" период своей истории в презрении и унижении со стороны русского гражданского правительства и, главным образом, синодской иерархии^{*614*}. Все вышеприведенные факты доказывают, что не по каноническим основаниям старообрядческая Белокриницкая иерархия подвергалась в Законодательных Палатах нападкам, оскорблениям и просто неприличной брани со стороны высоких представителей господствующей церкви, а по вековой вражде и ненависти к древлеправославию и по странной боязни иерархической конкуренции. Некоторые из указанных фактов были приведены и в речах членов Государственного Совета, отстаивавших старообрядческий законопроект в редакции Государственной Думы. Но враги русского народа так остервенело рвали и грызли этот законопроект, что, по выражению депутатов, как передает "Новое время", от него "не осталось даже заголовка. Думская редакция законопроекта совершенно изменена, а с нею вместе поставлен крест и на вековой тяжелой истории поборников старой веры"^{*615*}. Изуродованный старообрядческий законопроект поступил в так называемую согласительную комиссию, где "православное" духовенство dokonчило его совсем. Из этой комиссии он снова поступил в Государственную Думу, но уже нового созыва. Дальнейшего движения он не получил. В 1914 г. началась война Германии и Австрии с Россией, и потом последовала революция со всеми ее ужасными последствиями. Так старообрядческий законопроект и погиб, а с ним и сами законодатели, и вся великая страна Российская.

Что Синод в своих братоненавистнических отношениях к старообрядческой Белокриницкой иерархии руководствовался не каноническими требованиями и соображениями, доказывается еще одним весьма ярким фактом. В этот же период Синод подверг низвержению из священного сана присоединившихся к старообрядческой древлеправославной Церкви архимандрита Михаила, о котором мы выше обстоятельно говорили, и священника Гр. Карабиновича. Последний состоял уже двенадцать лет в беглопоповстве, и синодская иерархия не судила его за это. Но стоило ему оттуда перейти под управление Белокриницкой иерархии, как последовало синодское низвержение его из священного сана. Низвержения эти с канонической и догматической точки зрения не имеют никакого значения для присоединившихся к св. Церкви лиц^{*616*}. Но по гражданскому закону Российской империи лишение сана сопровождается потерей и ограничением некоторых гражданских прав и даже весьма существенных, например, права жительства в столицах, поступления на государственную службу и т.п. В тот же

период от господствующей церкви ушли в беглопоповство священник Микульшин из г. Вольска и священник Луцкий из с. Чернавки Вольского уезда. Саратовская духовная консистория сделала Синоду соответствующее представление о необходимости подвергнуть этих лиц лишению сана, как изменивших "православию" и ушедших в "раскол". Но Синод не признал возможным подвергнуть их такому осуждению и оставил их в "сущих санах"^{617*}. Это не Белокриницкая иерархия, а беглопоповство, которому покровительствовал даже Победоносцев, лишь бы оно не слилось с Белокриницкой иерархией. Много было за этот период и других синодских "каверз" в отношениях к старообрядческой иерархии. Но в краткой Истории всех их не перечить.

Жизнь и факты на местах

В то время, когда в Законодательных Палатах шли горячие прения о старообрядческом Законопроекте, "шумели витии", а синодальные архиереи предпринимали отчаянные попытки сразить законнопреемственную старообрядческую иерархию и в то же время земно и подобострастно преклонялись перед еретическими и фальшивыми "иерархиями", - в самой стране начались настоящие, фактические гонения на древлеправославную Церковь и ее священноначалие.

Под впечатлением столичных нападков на старообрядчество и даже на самый Манифест царский 17 апреля, в особенности в Государственном Совете под влиянием настойчивых требований Синода и многочисленного "православного" духовенства, местные губернские и уездные власти круто сворачивали на старую, николаевскую дорогу. Прежде всего последовали в разных губерниях запрещения старообрядцам крестных ходов и даже при погребении умерших - пения "Святыи Боже" на улице.

Так, полиция г. Чистополя Казанской губернии 24 июня 1908 г. предписала "наставникам Чистопольских старообрядческих общин" "не производить пения на улицах при похоронах, в противном случае будет поступлено по закону, и виновные в этом будут привлечены к ответственности"^{618*}. В июле того же года хвалынская Саратовской губернии полиция потребовала от местных старообрядцев дать подписку о том, чтобы "крестных ходов не устраивать и священнических облачений не носить публично"^{619*}. Томская старообрядческая община приготовилась совершить закладку святого храма 15 августа 1910 г., закладку приглашен был совершить местный епархиальный епископ Иоасаф. Но от томского губернатора последовало 9 августа "объявление" совету старообрядческой общины, за № 8516: "При закладке храма не разрешается публичная процессия в церковных облачениях, а также не может быть допущено

публичное ношение при этом икон и других принадлежностей духовных процессий и крестных ходов, и пения на улицах и площадях. Именуемому старообрядческому епископу Иоасафу не только не может быть разрешено присутствовать в процессии, так как и самой процессии не должно быть, но не может быть дозволено и именование духовным званием"^{*620*}. Это было кощунственное издевательство над церковным богослужением: делать закладку храма без святых икон, без святого Креста, без священнослужителей, ибо им воспрещается даже "присутствовать" при такой закладке. Что же это за закладка?! Старообрядческие крестные ходы и вообще всякие священные процесии больше всех тревожили духовенство господствующей церкви, и оно, главным образом, вело войну против них. Так, в мае месяце 1911 г. состоялось пастырское собрание никонианского духовенства Гжатского уезда Калужской губернии. Смоленский епископ Феодосий предложил собранию обратиться к губернатору с ходатайством о воспрещении старообрядцам совершать крестные ходы и погребальные процессии. Вследствие сего ходатайства в том же году действительно последовало предписание исправникам Смоленского губернского правления воспретить старообрядцам "устроить погребальные процессии и крестные ходы"^{*621*}. Весьма характерной была просьба Московского митрополита Владимира к московскому губернатору в июне 1911 г. "Его высокопреосвященство, - сообщает об этом губернатор московскому исправнику (от 11 июня, за № 11782), - уведомили меня, что старообрядцы села Борисова (под Москвою) предполагают устроить вокруг борисовских садов и полей торжественный крестный ход во главе с одним из старообрядческих архиереев. Обращаясь ко мне с просьбой не допускать этого крестного хода, его высокопреосвященство указывает, что таковой, по предложению строителей, должен пройти по тому же пути, по которому шествовал 6 июня православный крестный ход, ежегодно совершаемый борисовцами, и устраивается старообрядцами с целью превзойти православных своею торжественностью и расположить их к расколу. Вследствие сего предлагаю вашему высочородию не допускать означенного старообрядческого крестного хода, о чем и предупредить борисовских старообрядцев"^{*622*}. Можно представить себе, что же было в далеких провинциях, если в самой Москве делались такие предписания? Там просто творили безобразия и насилия местные власти и местное духовенство. В селе Новая Богдановка Харьковской губернии был насильственно разгромлен старообрядческий крестный ход, с дракой и избиением старообрядческого священника, и сделано это по подстрекательству "православного" пастыря^{*623*}. Еще более возмутительный случай произошел в деревне Поганец Архангельской губернии: "Старообрядцы совершали в частном доме богослужение. К ним

ворвался урядник, запретил богослужение и поднял безобразный скандал: он обнажил шашку, грозил всех изрубить, приказал стражнику снимать иконы и убрать походный алтарь. Тот исполнил приказание урядника и в своем усердии совершил ряд омерзительных кощунств"^{*624*}. "Много беззаконий и насилий чинили провинциальные власти над старообрядцами и их пастырями в минувшем году", - заканчивает старообрядческий журнал обзор 1911 года. В следующих годах эти безобразия увеличивались. Да и в предшествующие годы их было немало. В 1910 г. старообрядцы Новоглушинского села Пермской губернии писали: "Местные священники господствующего исповедания не могут смиренно сидеть в своих гнездах. Почуввав ласкающие звуки из Государственного Совета, они подняли головы и уже постарались привлечь трех старообрядческих священников к ответственности за открытое хождение с иконами и в церковных облачениях". "У нас в г. Николаевске (Самарской губернии), - жалуются оттуда старообрядцы, - административная власть, согласно распоряжению губернатора, чинит препятствия в деле отправления богослужений. Исправник по предписанию губернатора приказал, чтобы при выносе покойника старообрядческое духовенство не было в облачении и чтобы даже певчие не пели, идя за гробом"^{*625*}. Владимирский губернатор разъяснил полиции, что старообрядческие священнослужители "не имеют права публично носить во время богослужений священническое облачение"^{*626*}.

Не менее настойчивая повелась борьба и со священными наименованиями старообрядческих иерархических лиц. Сначала осторожно, а дальше все смелее и упорнее. В 1908 г. генерал-губернатор Терской области, утвердив Феодосия, в мире Филиппа Манакова, в звании старообрядческого епископа Кавказской епархии и Козьму Докторову в звании священника, в своем "отношении" ограничил, однако, пользование этими титулами: "Званием епископа и священника означенные лица могут пользоваться лишь среди старообрядцев"^{*627*}. Любопытный случай в том же году произошел в самой Москве. С разрешения русского правительства в первопрестольный град России прибыл из Австрии старообрядческий Белокриницкий митрополит Макарий. Русский консул в Черновицах (Буковине) в паспорте Макария начертал полный его титул: "Старообрядческий митрополит Макарий". Московская полиция была в большом затруднении: какую же отметку она должна сделать в этом паспорте? Ведь митрополит Макарий признан в этом сане австрийским правительством. Так и нужно было записать. Полиция же не может разбираться в канонических достоинствах приезжающих из-за границы духовных лиц. Она должна была вписать так, как значится в паспорте: "Старообрядческий митрополит". Однако она вписала иначе: "Австрийский подданный Макарий Лобов"^{*628*}. До чего

ненавистна врагам древлеправославия истинно-благочестивая иерархия! Приехавший в Россию старокатолический авантюрист-атеист, "милостивый государь" Матью, о котором мы говорили выше, конечно, был всюду в России прописан как "архиепископ". А истинный святитель, имеющий на себе действительное апостольское преемство по каноническому рукоположению, притом признанный целой великой страной, записывается "православной" полицией в России как простой мирянин.

Далее последовали строгие требования некоторых губернаторов к старообрядческим священнослужителям не именоваться иерархическими званиями. Характерно в этом отношении предписание Черниговского губернатора. Он обращается не к подведомственной ему полиции, а непосредственно к старообрядческим обществам: "Предлагаю советам старообрядческих общин ныне же объявить под расписки всем духовным лицам общин, чтобы они отнюдь не именовались православными иерархическими наименованиями: священники, диаконы и пр."^{629*} Оренбургское губернское правление предписало полиции отобрать от местного старообрядческого священника подписку не именоваться священником и объявить ему, что если он не исполнит этого требования, то будет привлечен к уголовной ответственности"^{630*}. Затем последовал длинный ряд привлечений к суду старообрядческих священнослужителей за их присущие им по сану иерархические наименования^{631*}. Был даже такой случай насилия над священником за одно лишь наименование "священник", причем вписанное в паспорт полицией. Усинский пограничный начальник вызвал к себе старообрядческого священника Е.Ф. Шарапова и, узнав, что в паспорте он поименован священником, постановил: "Выселить его и семью его в место причисления"^{632*}.

Лишь в 1916 г. последовало сенатское разъяснение, что "среди старообрядцев поповщинских согласий их духовные лица могут пользоваться соответствующим старообрядческим наименованием"^{633*}. Не совсем вразумительно это разъяснение и дает повод к различному его пониманию и истолкованию, тем не менее, старообрядцы были рады и этому разъяснению.

Новое положение старообрядческой Церкви в государстве после 17 апреля 1905 г. создало и новые отношения правительства и судебных учреждений к старообрядчеству и к его духовно-иерархическим лицам. До этого древлеправославная церковь была не только независима от государства, но и просто не признавалась им, поэтому и государственные власти не могли на законном основании вмешиваться во внутреннюю жизнь старообрядческой Церкви. В этом смысле она была совершенно свободна, хотя и гонима. Но после 1905 г., с признанием ее общин и духовных лиц, началось вторжение

административных и судебных властей во внутренний порядок и жизнь старообрядческой Церкви. Мы уже видели, что черниговский губернатор навязал советам старообрядческих общин чисто полицейские функции - обязать своих священников не именоваться иерархическими титулами. А судебные власти вторглись еще глубже: они начали старообрядческих священнослужителей, привлеченных к суду, приговаривать к отрешению от священного служения на определенные сроки, присвоив, таким образом, себе власть епископов. Какой-нибудь судья, совершенно не знакомый ни с церковными канонами, ни с духом Церкви, может быть, даже просто неверующий, берется судить: достоин ли или не достоин тот или другой священник совершать таинства, служить Божественную Литургию или отправлять богослужение - и по своим соображениям отрешает его от этого служения. Совершенно недопустимо в истинной Христовой Церкви такое вторжение мирской власти в ее жизнь и строй. И старообрядцы всеми силами протестовали против такого узурпаторства и святотатства чуждой власти^{*634*}. Отрешенные священники, разумеется, не признавали этого отрешения и продолжали служить.

Особенно много было привлечений к ответственности за присоединение к старообрядчеству "православных" лиц. Переход из "православия" в старообрядчество разрешается, но он обставлен такими формальностями, что не всякий решится подвергнуться им. Желаящий выйти из "православия" должен написать об этом местному губернатору. Тот сообщает о сем духовной консистории, и она посылает своего миссионера или попа увещевать желающего покинуть "православие". Срок для увещевания установлен сорокадневный. Только после сего разрешается увещеваемому формально отчислиться от "православия". Но бывали многочисленные случаи, когда и после прохождения всех этих мытарств желающие уйти из господствующей церкви не получали на то разрешения и оставались числиться "православными"^{*635*}. В то же время оставалась в силе и даже была особо подтверждена после 1905 г. 93-я статья Уголовного закона, карающая духовных лиц другого исповедания (в данном случае - старообрядческого) за совершения таинств над "православным" лицом или какой-либо другой требы. По этой статье в "золотой" период были очень часто привлекаемы к судебной ответственности многие старообрядческие священники^{*636*}. На Всероссийском старообрядческом Съезде, уже в 1908 г., священник о. Георгий Лакомкин докладывал: "Я уже 17 раз был под судом. Для меня дело это уже привычное. Я за других забочусь. Свежих, неиспытанных людей могут замучить такие дела"^{*637*}. И действительно мучили и разоряли - и священников, и их приходы. В своем месте мы отмечали^{*638*}, что огромное количество старообрядцев числилось по паспортам "православными", хотя ни

сами эти старообрядцы, ни их отцы, ни деды, ни прадеды никогда не были ни никонианами, ни единоверцами. Еще в петровскую эпоху предки их не записались "в раскол", как того требовала государственная власть, и они остались "православными" и уже все дальнейшее их потомство до наших дней числилось "православным" и не было никакой возможности перечислить их в старообрядчество. По 93-ей статье указанного закона, старообрядческие священнослужители не имели права совершать над ними никаких ни таинств, ни иных каких освящений или служб. Немало было и таких старообрядцев, предки которых были во времена гонений насильственным способом зачислены в "православие" или единоверие. Еще на Третьем Всероссийском старообрядческом Съезде екатеринбургский делегат докладывал: "В сороковых и пятидесятих годах XIX столетия всем громаднейшим краем горнозаводского Урала управлял главный начальник всех заводов генерал Глинка. В густонаселенных заводах, имеющих от десяти тысяч душ до тридцати тысяч, Глинка задался целью это население, большею частью старообрядческое, насильственными мерами привлечь к единению с господствующею церковью. Понастроено было много единоверческих церквей, и одно время буквально всех родившихся детей насильно крестили в них и родителей причисляли к единоверию, так что большинство здешних (т.е. приуральских) старообрядцев, старинных, коренных жителей Урала, по спискам считается до сих пор единоверческим... Положение получается ужасное!" - восклицает екатеринбургский докладчик на Третьем Съезде^{*639*}. Оно осталось таковым и после 17 апреля 1905 г., так как не было возможности этих старообрядцев отчислить от "православия" или от единоверия, а старообрядческим священникам законом воспрещалось совершать над ними и над их детьми таинства церковные: крещение, причащение, брак и пр. Часто привлекались старообрядцы к суду за совершения даже погребения над такими мнимыми "православными". Архангельское губернское правление предписало местным властям привлекать к суду родственников таких покойников, которые погребены по "старообрядческому обряду", и осуждать их на основании 78-ой статьи Уголовного закона, карающей "за оставление христиан без христианского погребения" (Распоряжение правления от 18 июня 1911 г., за № 1638). Старообрядцы Архангельской губернии жаловались, что, "несмотря на то, что по рождению они всегда были старообрядцами и никогда фактически к "православию" не принадлежали, но лишь числятся в официальных бумагах "православными", их насильно принуждают погребать своих покойников - стариков и старух у священников господствующей церкви, на том основании, что они не отчислены от названной церкви, согласно циркуляру министра внутренних

дел от 17 августа 1905 г., за № 4628"^{*640*}. Бывали возмутительные случаи вторжения "православных" священников в старообрядческие дома, где бывали покойники, которых они насильственно тащили в свою церковь для погребения. Какие были при этом трагедии: родственники плачут, умоляют не брать их покойника, который никогда не был никонианином, не бывал ни разу и в храме никонианском, а рассвирепевший иерей грозит "сопротивляющимся" тюрьмой и приказывает десятникам или полицейским тащить покойника в церковь^{*641*}. Бывали и не менее возмутительные случаи насильственного причащения больных и даже уже умирающих старообрядцев: их тоже полицейские по приказанию священника тащили в "православную" церковь для причащения. Случались при этом и "сопротивления властям", за что следовала еще более строгая кара^{*642*}.

В связи с делом официального отчисления от "православия", возникли многочисленные судебные процессы по брачным делам. По конституциям других государств, разрешается каждому лицу обоего пола, достигшему 14-летнего возраста, присоединиться к тому исповеданию, какое оно изберет себе; законы русского государства разрешали такую перемену исповедания лишь достигшим 21 года. Браки же заключать разрешается книгой Кормчей, обязательной для старообрядцев, если жениху будет даже только 18 лет, а невесте - 16. Часто случалось, что или жених, или невеста числятся "православными", а еще чаще - когда оба принадлежат к незаписным старообрядцам, т.е. по паспорту зачислены в "православие". Последних нельзя венчать и в том случае, когда они даже престарелые, раз они официально не отчислены от "православия". А первым никак нельзя отчислиться, нужно ждать, когда они придут в "совершенный возраст". Что же делать? Не откладывать же браки на 3-5 лет для "несовершенных", а о незаписных старообрядцах даже и не думали, что их нельзя венчать. И священники венчали и те, и другие браки и, конечно, попадали за это на скамью подсудимых и дальше - в тюрьму. "Золотой" век истории старообрядчества превратился в каменный: провозглашена и свобода совести и исповедания, установлены и законы веротерпимости, и даже метрики вести поручено старообрядческим общинам, а крестить, причащать, венчать, погребать настоящих старообрядцев стало невозможным, и самые старообрядцы стали не старообрядцами, а "православными" или единоверцами. Положение старообрядчества в этом отношении как будто ухудшилось после 17 апреля 1905 года, ибо свобода превратилась в своеобразную ловушку, в узаконенное насилие и во всякую другую тягость.

Враги древлеправославия целые века обвиняли старообрядчество в боязни просвещения и широкого образования, в невежестве, в отсталости и т.п. темноте.

Но когда блеснула для старообрядцев возможность создавать свои школы и вести в своей среде широкое самостоятельное образование, те же враги постарались ограничить эту возможность. По правительственному Законопроекту о старообрядческих общинах, им "предоставляется учреждать просветительные заведения" - не сказано какие и, стало быть, можно избирать какие угодно типы школ, включительно до высших. Но Государственный Совет внес ограничение: "Низшие и ремесленные учебные заведения". Ни средних, ни, тем более, высших школ уже не предоставляется старообрядцам устраивать. Один из членов Государственного Совета, А.В. Васильев, указывал этим врагам старообрядческого просвещения, что католики и протестанты имеют в России и в самой столице школы повышенного типа, и в них учатся даже православные. "Почему же боятся допустить основания подобных училищ при церквях Рогожского и Преображенского Кладбищ, хотя бы даже для одних старообрядцев? Старообрядческое купечество много сделало уже не только для распространения образования среди своих одноверцев, но много сделало для русской науки и для русского просвещения. Я назову имена Солдатенкова, Рябушинского, основателя первого аэродинамического Института. Оно еще больше, конечно, сделало бы, если бы ему была предоставлена возможность это сделать чрез посредство своих одноверцев". Дальше г. Васильев отметил "любовь старообрядцев к земле" и что на сельскохозяйственных выставках "лучшие премии получала пшеница крестьян-старообрядцев". "Как же можно таких хозяев лишать права иметь свои сельскохозяйственные училища?" - недоумевал этот высокий оратор^{*643*}. Государственный Совет, однако, и этого старообрядческого образования испугался и лишил права старообрядческие общины открывать у себя такого типа училища.

Как известно, старообрядцы потому, главным образом, не хотели отдавать своих детей в общие школы, что в них навязывали им никонианство под именем "Закона Божия", и на уроках по этому предмету законоучители высмеивали старообрядчество и всячески издевались над ним и таким образом духовно калечили школьников-старообрядцев. Что же произошло с этим предметом, как только старообрядцам, в силу манифеста 17 апреля, было предоставлено право иметь своих законоучителей в общих школах? Уже в следующем году, именно 22 февраля 1906 г., последовал циркуляр Министерства народного просвещения о том, что "преподавание Закона Божия является предметом необязательным". Лучше уж, - решило это министерство, - совсем не преподавать Закон Божий никому, чем старообрядческие законоучители будут преподавать его своим ученикам. Старообрядцам стоило больших трудов и усилий, чтобы после двухвекового бесправия быстро приготовить своих учителей и законоучителей в

достаточном количестве. Но власти на местах всячески притесняли этих учителей и учительниц. Так, инспектор народных училищ Кузнецовского уезда Саратовской губернии заставил земскую учительницу Ларину подать прошение об увольнении только потому, что она "старообрядка", заявив, что вообще на учительские места он допускать старообрядцев не будет^{*644*}. В общие государственные и городские школы допускались преподавателями люди разных исповеданий: и католики, и протестанты, и совсем неверующие (таковых было большинство, сказывающихся по паспортам под именем "православных"), и только глубоко верующим старообрядцам там не было места. Сами же старообрядцы допускали в свои собственные училища "православных" преподавателей; таковые были допущены даже в богословско-учительский Институт в Москве. В свидетельствах, выдаваемых учителям-старообрядцам учебное начальство делало отметку, что они имеют право быть преподавателями "только в домах своих единоверцев"^{*645*}. Другим без стеснения прямо заявляли: "Вы, молодцы, присоединяйтесь к православной церкви, тогда и место получите наравне с другими быть преподавателями в общих школах". Даже пение преподавать в общих школах всем ученикам не разрешалось старообрядческим учителям и учительницам.

Любопытный ответ последовал из Министерства народного просвещения на ходатайство мануфактур-советника А.И. Морозова допустить старообрядку А. Калякину, окончившую курс филармонического училища, к преподаванию пения в Глуховском министерском училище Богородского уезда. Министерство ответило, что "Калякиной разрешено ведение занятий по пению с детьми старообрядцев". "Что же касается назначения Калякиной учительницею пения для всех обучающихся, то министерство не признало это целесообразным"^{*646*}. А еще старообрядцев целые века обвиняли в боязни просвещения, несмотря на то что огромное число их отдавало все-таки своих детей в общие школы, где по всем предметам, а не по пению только, велось преподавание не старообрядцами, а людьми иной веры и даже совсем безверными. Насколько же гуманнее и толерантнее (терпимее) самого Министерства просвещения были тогдашние старообрядцы!

Особенно возмутительным по своей беспринципности, антинациональности и антигосударственности было требование Синода не производить старообрядцев в офицерские чины. Мы уже отмечали, что в русской армии были офицерами и генералами и даже более высокими чинами люди разных исповеданий (католики, лютеране, магометане) и разных наций (поляки, немцы, французы, армяне, татары, турки и др.), и только одни старообрядцы, самые верные сыны своей Родины, столбовые русские, лишены были права быть в командном составе своей родной армии. После 17 апреля 1905 г. это положение должно бы быть

изменено. И действительно, старообрядцы стали производиться в офицерские чины. Но правительствующий Синод открыл поход против этого нового положения. В начале 1910 г. Московский митрополит Владимир на запрос Синода о "характере и отличительных чертах учения" старообрядцев Рогожского и Преображенского Кладбищ, описав эти отличия в миссионерском духе и тоне, прибавил, что старообрядцев обоих Кладбищ "несоответственно производить в офицеры". На основании этих сведений Синод в феврале того же года в документе за № 1746 "признал опасным производить в офицерские чины всех вообще старообрядцев австрийского толка^{*647*}, в том числе и принадлежащих к Рогожскому Кладбищу". В марте все того же года Синод указом за № 2401 постановил: "Признать весь раскол и все сектантство за явление сколь вредное, столь и незаконное, а посему все раскольники, без различия их толков и согласий, должны быть лишены права на производство в офицерские чины". Это постановление предназначалось для Главного военного штаба. Последний незадолго до начала войны России с Германией и Австрией имел повод попросить от Синода уточнения: "Какие же именно толки старообрядцев не могут быть допущены к производству в офицерские чины?" Сославшись на прежнее свое постановление, Синод добавил: "Никакие толки старообрядцев не должны быть допущены к производству в офицерские чины, причем чем ближе тот или иной толк к православной церкви, тем он недостойнее поощрения в виде офицерского звания"^{*648*}. Этим пояснением Синод подчеркнул наибольшую опасность старообрядцев Белокриницкой иерархии. Но этим же он и свидетельствовал что "православие" столь мрачное явление, что одно приближение к нему делает людей недостойными военного командного звания. Вскоре же это синодское разъяснение весьма печально отразилось на старообрядцах. В апреле 1914 г. московский старообрядец Николай Ксенофонов напечатал в московских газетах сообщение: "Уже издано предписание военного министра от 23 января сего года, за № 232 (исходящим), на основании которого не производят в прапорщики запаса меня и многих других, в числе около 70 человек, приемлющих священство Рогожской старообрядческой общины и принявших присягу"^{*649*}.

В июле того же года началась война Австрии и Германии с Россией. Среди всего русского населения старообрядцы проявили наиболее ярко свои патриотические чувства. На алтарь Отечества они принесли огромные жертвы людьми и материальными средствами. Не только в богатых старообрядческих общинах, как на Рогожском и Преображенском Кладбищах в Москве, на Громовском и Волковом в Петрограде или в других больших городах были открыты великолепно оборудованные лазареты с многочисленными кроватями для раненых, с хорошо

подготовленным персоналом и вообще со всеми необходимыми средствами, но почти во всяком старообрядческом приходе, будь он в самом отдаленном захолустье, были устроены койки и питание для раненых и больных солдат. Жертвовали старообрядцы всем: деньгами, имуществом, одеждою, бельем и всем прочим^{*650*}. Всюду были организованы старообрядческие комитеты для помощи жертвам войны. Многие старообрядческие учителя ушли на войну^{*651*}. Почти все начетчики стали в ряды великой российской армии под ружье, сменив книги на винтовки^{*652*}. И вот даже в такое время, глубоко потрясшее всю великую страну, когда старообрядцы кровью и жизнью и всеми средствами защищали свою Родину, им отказывали в праве поступления в военные училища и даже в получении чина "прапорщика запаса". В мае 1915 г. Совет Всероссийских Съездов старообрядцев в Москве получил телеграмму из Тифлиса от старообрядца А. Москалева: "Желаю поступить в тифлисское Михайловское военное училище, имею все документы, права образования первого разряда для поступления. Инспектором училища отказано в приеме, как принадлежащему к старообрядческому исповеданию Белокриницкой иерархии"^{*653*}. Более прискорбный случай произошел в г.Чистополе Казанской губернии в сентябре 1916 г. Здешнюю школу прапорщиков в числе многих лиц разных исповеданий: лютеранского, католического и, главным образом, магометанского^{*654*} - окончили и старообрядцы. Всех окончивших произвели в прапорщики, но старообрядцам предложили присоединиться к православию, тогда только они могут получить чин прапорщиков. Присоединившихся тотчас же сделали прапорщиками, а отказавшихся от присоединения откомандировали в свои части в качестве простых солдат^{*655*}. Только после усиленных ходатайств старообрядцев из Москвы и Петрограда их, наконец, как и раньше Москалева, допустили до получения офицерского чина^{*656*}. Все ученики старших классов старообрядческого богословско-учительского Института также по особому ходатайству были допущены при Московском военном округе сдать экзамены на прапорщиков запаса. В таком звании все они и отправлялись на театр военных действий. В какой степени было диким отношение к старообрядчеству правящего чиновничества, можно видеть из такого курьезного случая. Виленский губернский статистический комитет, составляя "Памятную книжку Виленской губернии на 1908 г.", внес виленскую старообрядческую общину с ее храмом и духовными лицами не в отделе "Духовное ведомство", в коем значатся исповедания православное, римско-католическое, евангелическо-лютеранское, караимское, еврейское и магометанское, а в отдел "Общества потребителей", наряду с "Виленским обществом охоты", "Обществом потребителей служащих в почтово-телеграфных учреждениях г.Вильны" и т.п. "обществ потребителей, преследующих

коммерческие цели" (стр. 117-118)^{*657*}. Виленский комитет уже тогда прокладывал дорогу для большевизма, который потом все религиозные и церковные учреждения признал "коммерческими предприятиями". Более оскорбительным для старообрядчества было отношение "православного" духовенства на местах, как, например, самовольное погребение удавленников господствующего исповедания на старообрядческом кладбище в д. Ракитиной Калужской губернии по распоряжению местного "православного" священника^{*658*}. Еще более оскорбительным было отношение к старообрядческим святыням высшей иерархии господствующей церкви, о чем будет речь ниже.

Что всего удивительнее, в описываемый нами период были случаи даже закрытия старообрядческих церквей и молелен. В с. Комрат Вендерского уезда, в Бессарабии, г. пристав 4-го стана предписал 6 апреля 1908 г., старообрядке Ульянии Фроловой взять разрешение на существующее в ее доме молитвенное помещение, в противном случае, говорилось, оно будет закрыто, а сама владелица будет отдана под суд. Молельня эта существовала уже более 25 лет, на основании еще старого Закона 1883 г. и, кроме того, по сенатскому разъяснению по делу Сорокина, на существование ее и не требовалось особого разрешения^{*659*}. Тем не менее, какой-то пристав поднял тревогу среди местных старообрядцев, напугав их закрытием духовного их пристанища и заставив центр старообрядчества хлопотать за них и отстаивать их молельню. В том же году, 28 октября, Вологодское губернское правление предписало Кадниковскому уездному исправнику "немедленно прекратить совершение богослужений" в старообрядческом храме с. Подъельного Пельшинской волости, недавно здесь воздвигнутом старообрядцами, на основании разрешения этого же правления. Вся беда лишь в том, что в названном селе нет зарегистрированной общины, но есть приход и богомольцы - старообрядцы. Исправник немедленно же привел в исполнение губернское предписание и отобрал от старообрядческого священника даже ставленную его грамоту^{*660*}. В г. Новогеоргиевске Херсонской губернии предписано местными властями закрыть старообрядческий храм, существовавший здесь более 60 лет, и лишь потому, что не была зарегистрирована старообрядческая община^{*661*}. В село Зыбка той же губернии 1 сентября 1915 г. прибыли херсонский благочинный, исправник, земский начальник с отрядом стражников и запечатали старообрядческий храм^{*662*}.

Настойчиво и яростно преследовалась в этот период и печать старообрядческая. Журнал "Старообрядец" был закрыт на 12-м номере 1907 г. за совершенно невинное и, главное, весьма обоснованное исследование под названием "Духовенство господствующей церкви в изображении русских писателей новейшего времени". А до этой приостановки журнала он неоднократно

подвергался административным взысканиям^{*663*}. Московская газета "Наш понедельник" была подвергнута со стороны московского генерал-губернатора штрафу в 3000 рублей, а со стороны комитета по делам печати - привлечению к ответственности по 73-ей статье Уголовного закона за напечатание статьи старообрядческого архимандрита Михаила "Исповедь", в которой он объясняет, почему он ушел из "православия" в старообрядчество^{*664*}. Больше всех страдал журнал "Церковь": много раз номера его подвергались аресту, а часто сменявшиеся его официальные редакторы - привлечению к судебной ответственности все по той же 73-ей статье, карающей чрезвычайно строго за всякое бого- и святохуление^{*665*}. Разумеется, старообрядческие журналы не могли совершать такое преступление, иначе они перестали бы быть старообрядческими. Но комитет по делам печати во всяком разоблачении никонианской неправды и фальши усматривал богохуление и святохуление. Наконец, он совсем закрыл журнал "Церковь" на 42-м номере 1914 г.^{*666*} Стал выходить после сего журнал "Слово Церкви". Но и он подвергался неоднократно привлечению к суду. Подвергались преследованию и другие старообрядческие издания и их авторы. Так, была арестована брошюра начетчика И.В. Шурашова "Так ли?" - за разоблачение миссионерской лжи на старообрядчество; "Слова и речи" старообрядческого епископа Иннокентия - за осуждение смертной казни; книга Ф.Е. Мельникова "Блуждающее богословие" - за разоблачение кощунственного верования никонианской церкви о смазывании миром хиротонии и другие. В то же время выходили в России совершенно свободно во многих изданиях и чрезвычайными тиражами, заполняя все книжные рынки по всей стране, полуатеистические книги заграничных авторов: Ренана, Штрауса и демонстративно атеистические Бюхнера, Молешотта, Гольбаха, Геккеля и многих других авторов. Безбожием заражалась вся страна, и этого не замечали ни комитеты по делам печати, следившие за каждой строчкой старообрядческих изданий, ни генерал-губернаторы и просто губернаторы, боявшиеся как бы не погибла великая страна от старообрядческих разоблачений и от старообрядческих журналов. В то же время усиливалась и миссионерская деятельность против старообрядчества.

Первый миссионерский съезд за этот период, состоявшийся в Киеве [...], требовал прежде всего покончить со всеми дарованными старообрядцам свободами, а уже на следующем всероссийском миссионерском съезде, состоявшемся в 1910 г. в г. Иркутске, раздалось новое оглушительное требование, чтобы правительство признало: "На Руси теперь нет раскола и старообрядчества, а есть еретичество и вещеверие"^{*667*}. Миссионерство пыталось подвести все старообрядчество под запрещенную секту и таким образом лишить его всякого права на существование.

Полностью этого достигнуть оно не смогло, но на местах причиняло много вреда и всяких пакостей старообрядцам. Под его братоненавистническим влиянием находилось и сановитое духовенство, которое так яростно и неистово нападало в законодательных палатах на старообрядческий законопроект и в особенности - на старообрядческую иерархию. Даже такой архипастырь господствующей церкви, как Волынский архиепископ Антоний (впоследствии Киевский митрополит, а в эмиграции - председатель Синода зарубежной церкви), который, как мы видели выше, склонен был признать старообрядческую иерархию преемственно-апостольской, обратился в 1912 г., к старообрядцам с нарочитым "пастырским посланием". Чего только нет в этом архипастырском творении! Святое причащение старообрядцев обзывается здесь "пищей демонов", священство их уподобляется детской игре. Вере их приписываются разного рода нелепости, вроде того, что старообрядцы будто бы исповедуют рождение Пресвятой Богородицы без семенного зачатия. Сдобрил свое послание архиепископ Антоний политическим вздором и всякими вымыслами. Все оно написано в цирковом тоне, местами кощунственном, страдающем грубым атеизмом^{*668*}. Другой видный архипастырь господствующей церкви, непременный член Синода, епископ Никон, еще резче нападал на старообрядчество. "Руки прочь! - кричал он на более видных старообрядческих деятелей. - Довольно с вас и того, что дана вам свобода иметь свои школы". Была бы возможность, Никон отобрал бы от старообрядцев и эту свободу. Чтобы враждебно настроить к старообрядчеству и государственную власть, этот архипастырь настойчиво утверждал в своих печатных нападках на старообрядцев, что они будто бы не молятся за русского царя^{*669*}.

В том же 1912 г. Общество донских врачей праздновало в г. Новочеркасске закладку здания для врачебно-благотворительных учреждений Общества. Был приглашен на это торжество в качестве гостя и старообрядческий епископ Донской епархии Геннадий. Но он не мог быть на этом торжестве по причине поездки по епархии. Богослужение совершил новообрядческий архиерей Гермоген. За состоявшимся после молебствия обедом он выступил с обличительной речью, в которой бестактно и неприлично нападал на отсутствующего старообрядческого епископа, дерзко обзывая его самозванцем и сравнивая его в злую насмешку с урядником, величающим себя наказным атаманом. Возмущенные такой речью, устроители торжества дали надлежащий отпор Гермогену. Торжество, однако, было уже испорчено^{*670*}.

Было немало и других подобных выступлений архипастырства господствующей церкви в "золотой" период старообрядческой истории. Ректор костромской семинарии в речи, произнесенной для воспитанников своих, отстаивал тезис:

"Всех отступников от господствующей церкви казнить смертной казнью"^{*671*}. Догмат "казнения еретиков", в свое время так откровенно канонизированный в знаменитой книге "Камень веры" митрополита Рязанского Стефана^{*672*}, был весьма живучим и в XX в., и им все еще пропитывали разум и души воспитанников духовных семинарий "православной" церкви. А когда Освященный Собор древлеправославной Церкви поставил на обсуждение вопрос о канонизации старообрядческих мучеников, в свое время пострадавших от этого душеубийственного догмата, то правительство не разрешило старообрядцам даже обсуждать этот вопрос. Когда же на Всероссийском Съезде старообрядцев 1913 г. председатель объявил, что поступил на Съезд доклад о постановке святого креста на месте сожжения протопопа Аввакума, в Пустозерске, то присутствовавший на Съезде представитель власти категорически заявил: "Я не допускаю чтения этого доклада, не допущу и обсуждения его". Далее, на том же Съезде, он не разрешил ни обсуждать, ни огласить и другой доклад - о сооружении памятника-часовни на могиле старообрядческих мучениц в г. Боровске боярыни Морозовой и княгини Урусовой^{*673*}. Дело о водружении святого креста на могиле священномученика Аввакума вышло весьма позорным для тогдашнего правительства. Оно не только не разрешило поставить святой крест на месте сожжения этого великого борца за святую Русь и за древлеправославную Церковь, не препятствуя в то же время ставить кресты над могилами всякого рода преступников, включительно до убийц и даже цареубийц, но варварски разбило на тринадцать частей металлическую дощечку, предназначенную к прикреплению ко кресту. На ней только значилось, что сей святой крест водружен по постановлению Всероссийских Съездов старообрядцев. Как видно из возвращенных кусков разбитой дощечки, ее разбивали в Министерстве просто топором, стараясь рассекать по строчкам, чтобы не было возможности прочесть их^{*674*}. В этом жутком акте выразилась страшная, демоническая вековая ненависть никонианства к древлеправославию и к его святым и славным исповедникам, страдальцам и мученикам. Но в нем, как увидим ниже, выразилось и нечто символическое, пророческое. Вышеизложенные факты и деяния, лишь кратко нами отмеченные и далеко не все, производили во всем многомиллионном старообрядчестве угнетающее состояние. Вышеупомянутый Всероссийский Съезд старообрядцев 1913 г. назван в старообрядческой журналистике "Съездом печали и горя, стонов и плача старообрядцев". "О войне с внешним врагом тогда никто и не думал, - замечает журнал "Церковь", - и без него над нашей жизнью нависли такие тучи удушливых газов, что речи некоторых участников Съезда звучали, как предсмертный стон умирающих людей"^{*675*}. На том же Съезде председатель его, Д.В. Сироткин,

заявил: "Мы, старообрядцы, находимся теперь в худшем положении, чем были раньше, до объявления в России религиозных свобод: прежде удовлетворяли наши ходатайства, теперь отказывают нам во всем"^{*676*}. Да еще и гораздо раньше - на Съезде 1908 г. - председатель его [...] с горечью восклицал: "Мы, в своей родной стране, которую мы сами созидали и в которой мы, хозяева, вынуждены просить себе, как милости, прав на существование. Ведь это ужасно!"^{*677*} Все чаще и чаще стали появляться в старообрядческой печати статьи под тяжело-грустными титулами: "Зловещие тени", "Нависают зловещие тучи", "Жалкие крохи", "Могила религиозной свободы" и т.д. Некоторые статьи такого рода возвышались до прозорливости. "Наша свобода в могиле, - говорится в одной из таких статей, - вот где только разрешается нам самое свободное исповедание нашей веры и самая широкая и даже безнаказанная ее проповедь. Но... не себе ли роют могилу враги свободы"^{*678*}. Многих старообрядцев в то время волновало предчувствие каких-то неизбежных катастрофических событий. На Всероссийском Съезде 1913 г. П.П. Рябушинский заявил: "Если не наступит день правды, то настанет день необходимости"^{*679*}. "Историческая волна подкатывает нас к каким-то событиям, скрытым в великой тайне будущего, - писал журнал "Церковь" в том же году. - Что Бог нам даст, то и получим. А пока нас к чему-то готовят. И нам нужно быть готовым"^{*680*}. Еще в 1910 г. тот же журнал писал: "Трудно отвечать за будущее. Оно всегда так таинственно и загадочно и так часто дарит нас неожиданностями, иногда очень оглушительными, страшными своими ударами и катастрофами"^{*681*}. Это будущее очень скоро наступило, именно в 1917 г., когда разразилась великая всероссийская революция, залившая кровью всю великую страну.

548 Это прилагательное "старообрядетвующий" навязано автору "Истинности" единоверческим священником Иоанном Верховским, в то время проживавшим в Мануйловском монастыре. Но оно неправильно в данном случае:

"старообрядетвующий" означает "не совсем старообрядческий, а лишь ему соответствующий или подражающий, похожий на него", как, например, католичеству или магометанству означает лишь "уподобляющийся католичеству или магометанству". Вот единоверие правильно называть

"старообрядствующим", потому что оно в действительности не старообрядчество, а лишь подражает ему, уподобляется, копирует его, но в то же время изменяет ему, предает его. Но старообрядческая иерархия есть подлинно старообрядческая, а не старообрядствующая лишь.

549 В Россию мало было доставлено "Истинности": много ее погибло на границе при контрабандной переправе, а также и за границей было уничтожено немало экземпляров "Истинности", о чем мы уже сообщали в своем месте. Уже после смерти епископа Арсения "Истинность" была напечатана в Уральске, в типографии Симакова. В качестве "бесплатного приложения" в журнале "Старообрядец" (Н. Новгород) она начала печататься в 1909 г., но не закончена. В этом издании "От редакции" даны указания, какое влияние о. Верховский оказал на "Истинность" и что в ней не может быть отнесено на счет епископа Арсения.

550 В действительности эти книги напечатаны в Н. Новгороде, в подпольной типографии, и инициалы "Б.Н.П.....къ" означают: "Бог нам помощник".

551 О.В. Швецов написал "Историю о существовании священства в Христовой Церкви". Это был первый его писательский труд, "проба пера", в нем есть большие недостатки и поэтому сам автор не выпустил его в свет путем издания. Но после его смерти эта "История" все же была напечатана в Уральской типографии.

552 Необходимо отметить, что Иван Григорьевич сам и напечатал эту книгу в созданной им же типографии (подпольной, под Н. Новгородом), сам даже и набирал, находясь под ежеминутным страхом быть выданным и накрытым. Напечатана она в 1901 г.

553 Вышла лишь первая часть; две других не могли выйти, ввиду начавшейся войны с Германией, а потом и революции в России.

554 Настоящее сочинение было рассчитано на несколько выпусков. Но первый же выпуск был конфискован правительством, и автор его отдан под суд: дело восходило до Сената и было прекращено лишь революцией. Следующие выпуски уже не могли появиться.

555 Большинство статей Мельникова подписано псевдонимами: "Шалаев", "Феостерикт", "Фита" и просто "•О•", немало было и без подписи.

556 Церковь. 1909. № 4, 6.

557 Синод предложил академическим профессорам, занимающим кафедры "по истории и обличению раскола" И.И. Субботину (в Московской академии) и И.Ф. Нильскому (Петроградской академии), опровергнуть исследования г. Карловича. Но те не решились взяться за такой труд; оставалось, таким образом, лишь конфискацией отделаться от этих исследований. [...] что было сделано очень легко и очень [быстро].

558 "Исповедь" еп. Михаила была напечатана [...] в газете "Наш понедельник", [...] газета была закрыта.

559 Эта статья была напечатана в Нижегородском "Старообрядце". Журнал этот постигла та же участь, что и "Наш понедельник": номер журнала был конфискован, журнал закрыт. Только уже в 1917 г. статья "Разрушающая церковь" была свободно напечатана в журнале "Слово церкви", №№ 14-16.

560 Эти "Богословия" остались пока в рукописях.

561 Инок Никола заслужил в потомстве вечную и добрую память за свой "Старообрядец", как и за свои другие издания. По своей инициативе, на свои скудные средства он делал великое дело издания газеты, без должной поддержки весьма трудное. Умер о. Никола в г. Коломые в 1899 г. 11 января ст. ст. Обе его газеты весьма ценны по заключающимся в них материалам.

562 В.Т. Зеленков не был в собственном смысле писателем. Он сначала был учеником у еп. Иннокентия, а потом путешествовал с Ф.Е. Мельниковым по беседам. У них, главным образом, он и позаимствовал нужные "Выписки" для защиты и оправдания старообрядчества.

563 Да и Екатерина, несмотря на ее известную и прославленную гуманность, наделала немало переполоха, когда узнала, что появился [единый] печатный Сборник старообрядческих сочинений. Секретным письмом от 18 апреля 1792 г. она предписывала московскому главнокомандующему, князю Прозоровскому, разыскать, где напечатан этот Сборник, и донести ей // Русский архив. 1866. № 1, 2. Стлб. 271; Русский вестник. 1859. № 11.

564 Из-за этих исправлений и из-за этого "Устава" никто в старообрядчестве не поднял никакого шума. Ясно, что и при Никоне произошел раскол не из-за исправления книг, а из-за порчи их и по другим серьезным причинам. Беспоповцы издали немало новых своих "чинов" (например, "чин венчания" без священника, чин мирского крещения и др.) и никто и там не производит раскола из-за этих действительно новых чинов.

565 "Надобно прийти соблазнам: но горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит" (Мф., 18:7). "Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение. Ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться: трое против двух и двое против трех" (Луки, 12: 51-52).

566 Св. Киприан. Творения. Ч. П. С. 173.

567 Церковь. 1911. № 44.

568 Слово Церкви. 1915. № 36.

569 ГПУ - Государственное Политическое Управление.

570 См. главу "Выговская пустыня".

571 Кормчая. О тайне супружества. Гл. 51. Л. 522.

572 На беседах велась стенографическая запись их, из которой получилась огромная книга "Бесед" (Беседы старообрядцев Л.Ф. Пичугина, представителя беспоповцев поморского брачного согласия, и Ф.Е. Мельникова и Д.С. Варакина, представителей поповцев, приемлющих белокриницкое согласие, 7, 8, 9 и 10 мая 1909 г. в аудитории Политехнического музея в Москве. Издание Совета Поморских соборов и Союза старообрядческих начетчиков. - Ред.)

573 Так, он уподобил м. Амвросия антихристу только потому, что этот великий страдалец вынужден был будто бы укрываться от своих врагов в скотские ясли (чем уподобился Христу, родившемуся в яслях) и таким образом превратился в антихриста. Это главное обвинение, и его высказал лучший начетчик!..

574 См. книгу Ф.Е. Мельникова "Возможно ли объединение старообрядчества в одну Церковь".

575 Церковь. 1913. № 36. С. 863.

576 Щит веры. 1913. Кн. 18-19. С. 594.

577 "Не сообразуйтесь с веком сим" (Римлян., 12:2).

578 Церковь. 1914. № 5. С. 111.

579 Церковь. 1908. № 27. С. 929-931.

580 Слово Церкви. 1917. № 28. Здесь напечатано и "Обращение".

581 Бестактно оно было уже по одному тому, что, не имея никакого уполномочия ни от Синода новообрядческой церкви, ни от другого какого-либо ее компетентного органа, предлагает объединиться с нею на каких-то туманных условиях.

582 Слово Церкви. 1917. № 36.

583 Так в рукописи. - Ред.

584 Там же. № 45-47.

585 Там же. С. 744.

586 Это - старообрядцев-то?! Самых верных сынов России!..

587 Миссионерское обозрение. 1910. № 6. С. 1049.

588 "Законопроект о старообрядческих общинах в Государственной Думе". С. 30.

589 За первый год вероисповедной свободы. С. 200.

590 Там же. С. 130-150

591 Колокол. № 448 (Миссионерская газета. - Ред.)

592 Миссионерское обозрение. 1908. № 1. С. 118.

593 Колокол. № 448.

594 Церковные ведомости. 1908. № 1.

595 Церковные ведомости. 1908. № 38. С. 1846.

596 Из доклада Государственной Думе председателя думской старообрядческой комиссии, В.А. Караулова // Законопроект о старообрядческих общинах в Государственной Думе. С. 4.

597 Там же. С. 5.

598 Речь Стаховича // Церковь. 1910. № 23. С. 702.

599 Церковь. 1910. № 37. С. 917.

600 Миссионерский сборник. Рязань, 1908. № 5. С. 389-390.

601 Православный путеводитель. Петроград. 1906. № 9. С. 702.

602 Церковь, 1909. № 5. С. 168.

603 Там же. № 46. С. 1288.

604 А. Анненский. История Армянской церкви. С. 169. Забыли синодские иерархи, что самая хиротония армянской церкви совершается посредством миропомазания, которое, как догматически верит никонианская церковь, имеет силу не совершать хиротонию, а окончательно смазывать ее и уничтожать. Кроме того, нужно знать, что еще по приказанию католикоса Анания Моккского (943-965 гг.), армянские богословы постановили вторично крестить последователей Халкидонского Собора (Там же. С. 152). Армянская иерархия во многом сомнительна. В XII-XIV вв. сан священнический, епископский и даже патриарший сделался продажным - турки исполняли обязанности епископов, приказывая последним рукополагать того или другого, за что сами получали деньги (С. 220-221). На кафедре св. Григория Просветителя восседали низкие честолюбцы, люди насилия, убийцы (С. 278). Не без основания римско-католические униаты отвергали все формы священнодействия армян и снова крестили их. Они насчитывали у них до 117 ересей (С. 251). Хорошо известно отношение к армянам и древнерусской церкви. Да и сам Синод никонианской церкви, преклонившийся перед "святейшим" достоинством армянского католикоса, в петровское время потому только и изобрел небывалого Мартина, именно армянина, чтобы сделать более отвратительными древнерусские чины церковные и предания, приписав их этому фантастическому армянину.

605 Только два епископа - Гермоген Самарский и Никон Вологодский -

"воздержались, по выражению правого кн. М.Н. Волконского, от посещения Саблеровского концерта". Сам этот князь признает такой низкопоклонный прием в господствующей церкви англиканских епископов "топтанием святыни и санкцией ереси"// Правая газета "Русское Знамя". 1912. № 13. Выше, в своем месте (С. 324) мы говорили о сомнительном возникновении англиканской иерархии и о том, что сама англиканская церковь не признает таинства священства и благодатной иерархической преемственности. И никоновская церковь еще на соборе 1655 г. причислила англикан к еретикам первого чина, за которыми не признается не

только хиротония, но и крещение. Макарий митрополит. История Русской церкви. Т. XII. С. 174. Сама иерархия уже в наше время выяснила, что англиканская церковь действительно отравлена первочинными ересями. В 1922 г. архиепископом Кентерберийским была образована комиссия с целью выяснить верования в англиканской церкви. Комиссия работала до 1937 г. и опубликовала свои заключения в 1939 г. Ею выяснено, что в англиканской церкви терпимы самые крайние протестантские взгляды: отрицание рождения Спасителя от Девы, отрицание Его Воскресения, неверие в существование ангелов и злых духов и т.п. // Православная Русь. 1941. № 5. "Англиканский Синод признает то, что православная Церковь анафематствует как ереси", - подтверждают и православные писатели // Православная Русь. 1939. № 3. Самое посвящение в епископы и архиепископы производится в англиканской церкви не архиереями, а архидиаконом: "Я, архидиакон, (такой-то), - провозглашает он, - данною мне властью ввожу, поставляю и возвожу тебя, наидостойнейший отец во Христе (такой-то), в архиепископское достоинство (такой-то кафедры) и полное обладание сказанной архиепископией" // Церковный вестник. 1897. № 4. Конечно, после такого посвящения получают лорды, а не законно рукоположенные архиереи, имеющие преемственно от апостолов священную и благодатную хиротонию. Однако этих лордов, не верящих даже в таинство священства, не только русский Синод, но и восточные церкви признали апостольскими преемниками, имеющими на себе благодатное иерархическое посвящение. "В 1922 г., - сообщает оксфордский профессор Н. Зернов, - константинопольский патриархат, а за ним и другие патриархии официально подтвердили наличие апостольского преемства за англиканской иерархией. Английские священники сослужили с православными и приобщались" // Вестник Русск. Студенч. движения. 1934. № 10. С. 20-21; об этом же: Православная Русь. 1941. № 5. С. 1; об этом же: архиепископ Иоанн. Вера и Жизнь. Рига, 1927. № 6. С. 4; об этом же: Путь. № 33. С. 49; № 43. С. 60.

606 Голос истины. Петроград, 1910. № 23. С. 351. - Ред.

607 Церковный вестник. 1896. № 38. С. 1224.

608 Протоколы Общества любителей духовного просвещения. 1873-1874 гг. С. 29.

609 Этот Матью действительно "пресловутый", как величает его академический "Церковный вестник". По рождению он англичанин и принадлежал к англиканской церкви; потом перешел в католичество, чтобы получить здесь сан священника. Но, став священником, он потом отрекся от христианства и "совершенно перешел на сторону грубого атеизма и здесь, по-видимому, находился довольно долгое время". В 1892 г. он женился, через два года после сего возвратился в англиканскую церковь. Но в 1899 г. снова ушел из нее и опять присоединился к

католичеству, и здесь горячо доказывал непогрешимость папы. Однако в 1908 г. он объявляет себя уже старокатоликом и в этом же году получает посвящение в старокатолические епископы от утрехтского епископа Герарда Гуля. После сего обратил свои взоры на Россию, и здесь со стороны синодальных богословов и иерархов был признан апостольским преемником // Церковный вестник. 1911. № 9: Епископ-хамелеон. С. 265-269. По этому поводу старообрядческий журнал "Церковь" писал: "Мы не раз заявляли, что если бы правительствующий Синод вздумал признать старообрядческую иерархию, то это признание было бы отвергнуто старообрядцами с негодованием и презрением. После того как Синод преклонился перед иерархическим достоинством отъявленного атеиста Матью, рукоположенного духовным лицом самодельной иерархии, наше заявление становится более твердым и более обоснованным... Кто захочет пользоваться вниманием того, о котором известно, что он дружит с фальшивомонетчиками и фальсификаторами?" // Церковь. 1911. № 13. С. 306.

610 Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1911. № 55.

611 Паутинная политика вместо церковной правды // Церковь. 1911. № 50;

Признанная церковь // Церковь. 1911. № 51.

612 Церковь. 1910. № 16. С. 429.

613 Церковь. 1910. № 22. С. 560.

614 В четвертом веке свирепствовали в Африке еретики донатисты: они так же, как и никониане, не признавали законной церковной иерархии и перерукополагали присоединявшихся к ним церковных священнослужителей. Но в то же время признавали действительной иерархию у еретиков максимианистов, как и никониане признают ее почти у всех еретиков. Блаженный Августин, обличая донатистов в этом их коварстве, восклицал часто: "Каждый из донатистов, у кого есть хотя сколько-нибудь крови в лице, должен покраснеть, читая эту страницу из своей собственной истории". Болотов В.В. Лекции по истории древней Церкви. Ч. П. С. 423. Никониан заставили "покраснеть" большевики.

615 Какой непримиримой ненавистью дышало духовенство господствующей церкви к старообрядческой иерархии, показывает такой почти обыденный факт того времени. Было дело не в сибирской глуши, а в подмосковном городе Богородске. С большими трудами местные старообрядцы добились, что в местном городском училище было дозволено преподавать Закон Божий старообрядческим ученикам старообрядческим же священником. "Когда директор этого учебного заведения пригласил на заседание педагогического совета старообрядческого священника-законоучителя, то законоучитель "православных" детей, о. П. Лагов, второй священник богородской Тихвинской церкви, кстати сказать, носящий академический значок, встал и демонстративно вышел, крикнув,

что ему не место там, где будет преподавать и заседать в совете "раскольничий" законоучитель, присваивающий себе сан священства". Но мало этого. Когда этому старообрядческому священнику понадобилось переменить квартиру и он таковую снял у одной "православной" домовладелицы, оказавшейся прихожанкой о. П. Лагова, то последний, в присутствии ее, сказал в церкви публичную обличительную проповедь по ее адресу, грозя ей чертями, огнем негасимым и червем неусыпающим, если она не откажет "раскольническому самозванцу" от квартиры, что суеверная старушка и поспешила исполнить. [...]

616 См. 31-е апостольское правило с толкованиями; 3-е правило Третьего Вселенского Собора; 15-е правило Двукратного Собора // Деяния Третьего Вселенского Собора. 1879. С. 195; 1891. С. 48.

617 Волгарь. 30 декабря, 1907. № 316.

618 Церковь. 1908. № 33. С. 1139.

619 Там же. № 37. С. 1268.

620 Церковь. 1910. № 36. С. 908.

621 Церковь. 1911. № 2. С. 48.

622 Церковь. 1911. № 27. С. 656.

623 Церковь. 1911. № 17. С. 415.

624 Церковь. 1912. № 3. С. 59.

625 Церковь. 1910. № 30. С. 746.

626 Церковь. 1909. № 32. С. 963.

627 Церковь. 1908. № 3. С. 100.

628 Церковь. 1908. № 7. С. 247.

629 Церковь. 1913. № 25. С. 596.

630 Церковь. 1912. № 3. С. 59.

631 Церковь. 1909. С. 1378; 1911. С. 18 и 818; 1913. С. 327 и 1180; 1915. С. 1025 и мн. др.

632 Церковь. 1913. № 14. С. 327.

633 Церковь. 1916. № 46. С. 923.

634 Уголовный суд в роли архиерея // Церковь. 1910. № 41. С. 1009-1011.

635 Церковь. 1911. № 40. С. 967.

636 Церковь. 1911. № 40. С. 4, 238-240, 885, 894, 919, 920; 1912. С. 51; 1916. С. 426 и мн. др.

637 Церковь. 1908. № 33. С. 1125.

638 См. гл. "Непрерывные гонения". С. 109 и гл. "Ходатайства старообрядцев". С. 388.

639 Третий Всероссийский Съезд старообрядцев 1902 г. Гектографическое изд. Л. 66-67.

- 640 Церковь. 1911. № 40. С. 967.
- 641 Церковь. 1914. № 20. С. 495.
- 642 Церковь. 1908. № 28. С. 980.
- 643 Речь А.В. Васильева полностью напечатана в ж. Церковь. 1910. № 33.
- 644 Церковь. 1908. № 37. С. 1268.
- 645 Церковь. 1911. № 40. С. 968.
- 646 Церковь. 1916. № 6. С. 140.
- 647 Синод намеренно поименовал древлеправославных старообрядцев "австрийским толком", чтобы ввести в заблуждение военные власти и напугать их "австрийщиной", какой-то иностранной сектой и потому опасной для России.
- 648 Церковь. 1914. № 19. С. 452.
- 649 Церковь. № 17. С. 408.
- 650 Для сравнения нелишне отметить, что богатейший православный Соловецкий монастырь собрал для "помощи воинам действующей армии"... 12 руб. // Утро России. 1914. № 266.
- 651 Церковь. 1915. № 14. С. 339.
- 652 Церковь. 1916. № 12. С. 270.
- 653 Церковь. 1915. № 23. С. 547.
- 654 Казанская губерния - бывшее казанское татарское царство, поэтому в ней большинство населения - татары.
- 655 На старую дорогу // Церковь. 1916. № 52. С. 1042-1043 и 1917. № 13. С. 238-239.
- 656 По поводу "недоразумения" со старообрядцем Москалевым, в московской газете "Вечерние Известия" было напечатано: "Не грустно ли читать это напоминание о том, что наши единокровные единоверцы поставлены были раньше на положение изгоев. Лютеранин может быть не только офицером, но и генералом, но истинно русскому человеку собиравшему великую Русь, отказывалось в приеме в военную школу. Время учит нас". "Плохо все-таки учит", - добавил к этому старообрядческий журнал // Церковь. 1915. С. 547.
- 657 Церковь. 1908. № 5. С. 163-164.
- 658 Церковь. 1911. № 40. С. 968.
- 659 Церковь. 1908. № 27. С. 942; 1909. № 22. С. 708.
- 660 Церковь. 1909. № 1. С. 26; № 22. С. 708.
- 661 Церковь. 1915. № 37. С. 851.
- 662 Церковь. 1916. № 1. С. 9.
- 663 Церковь. 1908. № 1. С. 29.
- 664 Там же.
- 665 По 73-й статье // Церковь. 1913. № 31.
- 666 Слово Церкви. 1914. № 1. с. 20.

- 667 Вещеверы и дыромоляки // Церковь. 1910. № 33.
- 668 Церковь. 1913. № 3. С. 63.
- 669 Там же.
- 670 Там же.
- 671 Церковная газета. Москва. 1906. № 4.
- 672 См. главу "Новые догматы новой церкви".
- 673 Церковь. 1915. № 33. С. 754.
- 674 Дощечка эта была фотографически воспроизведена при статье "Позорное дело XX века" в ж. Церковь. 1913. № 4, вследствие чего он был арестован по постановлению Комитета по делам печати.
- 675 Церковь. 1915. № 33. С. 754.
- 676 Там же.
- 677 Церковь. 1908. № 33. С. 1130.
- 678 Церковь. 1914. № 2. С. 40.
- 679 Церковь. 1913. № 47. С. 1129.
- 680 Там же.
- 681 Церковь. 1910. № 30. С. 746.